

Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова

Эдвард Клайн

**МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Edward Kline

THE MOSCOW HUMAN RIGHTS COMMITTEE

Эдвард Клайн

Московский Комитет
прав человека

Москва

Издательство
«Права человека»
2004

ББК 63.3(2)63
К47

**Книга издана на грант,
предоставленный Фондом Сахарова (США)**

Перевод с английского *Лев Тимофеев*

На обложке: фотографии членов Московского Комитета прав человека из Архива Сахарова, Москва, и архива Питера Реддауэя (Peter Reddaway), Великобритания, переданного Музею и центру имени Андрея Сахарова.

Слева направо: *Валерий Чалидзе, Игорь Шафаревич, Андрей Сахаров, Григорий Подъяпольский, Андрей Твердохлебов.*

Клайн Эдвард

К47

Московский Комитет прав человека. Перевод с английского – М.: «Права человека», 2004. – 232 с.

Первое в литературе описание и исследование обстоятельств возникновения и деятельности Московского Комитета прав человека, созданное на основе большого количества документальных материалов и воспоминаний автора, лично знавшего Валерия Чалидзе, Андрея Сахарова, Андрея Твердохлебова.

ББК 63.3(2)63

ISBN 5-7712-0308-4

© Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова, 2004
© Эдвард Клайн, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2000 году Фонд Сахарова (США) дал небольшой грант двум российским специалистам, которые собирались писать историю Московского Комитета прав человека. Они просили меня участвовать в этой работе и написать статью о реакции Запада на деятельность Комитета. Тогда я такую статью не написал, да и сама книга не появилась, — судьба многих подобных проектов в России.

Теперь чувство вины заставляет меня взять всю эту работу на себя. Я лично знал всех трех основателей Комитета, причем двоих — довольно близко. Я участвовал в организации сотрудничества Комитета с Международной Лигой защиты прав человека и располагаю обширным архивом и собранием публикаций, относящихся к правозащитному движению в СССР вообще и к Московскому Комитету прав человека в частности.

В своей работе я широко использовал как опубликованные, так и неопубликованные источники, особенно воспоминания Андрея Сахарова и других участников правозащитного движения советских времен, дело Сахарова из архива КГБ, предоставленное

мне Архивом Сахарова в Университете Брэндейс, и «Хронику текущих событий». Для краткости и ясности мне часто приходилось сокращать цитаты, не огоривая эти сокращения, однако я всегда стремился бережно сохранить содержащуюся в документах информацию и идеи. Более того, для удобства тех, кто захочет ознакомиться с полными исходными текстами, я указал в концевых и постраничных сносках источники цитат.

По мере написания истории Комитета прав человека я понял, что его значение может быть вполне оценено только в контексте более широкого охвата истории диссидентства и протеста в СССР. В настоящее время я работаю над обзором правозащитного движения в целом и предшествовавших ему инициатив. Но очерк деятельности Комитета прав человека я решил издать отдельной книгой, поскольку это общественное начинание занимает особое место в истории и до сих пор не удостоилось должного внимания со стороны исследователей.

Хочу поблагодарить профессора Эндрю Блэйна за бесценную помощь в подготовке текста. И вместе с тем должен заявить, что только автор несет всю ответственность за возможные ошибки в изложении фактов или их интерпретации.

Эдвард Клайн

Московский Комитет прав человека был основан 4 ноября 1970 года. В этот день Валерий Чалидзе, Андрей Сахаров и Андрей Твердохлебов, все трое физики по профессии, подписали два документа (составленные Чалидзе): «Принципы» и «Регламент» (Сахаров в своих воспоминаниях объединяет оба документа понятием «Устав»). Задачи Комитета они видели в конструктивном изучении теоретических и практических проблем в сфере прав человека, в распространении знаний о законах и уважения к законам — как советским, так и международным, в проведении частных консультаций по правовым вопросам¹. В Комитет не принимались «члены политических партий» и «лица, намеревающиеся использовать членство в Комитете для политических целей». Чалидзе настаивал на скрупулезном соблюдении Регламента. Он полагал, что таким образом обществу будет преподан наглядный пример уважения к юридической процедуре, которая является существенным элементом законности и необходимой защитой от злоупотреблений власти.

Создание Комитета привлекло внимание как в СССР, так и за его пределами. Вот как об этом вспоминает А.Д.Сахаров:

«Через неделю после подписания Устава мы объявили о создании Комитета настолько широко, насколько это было в наших силах. Торжественное объявление состоялось у Чалидзе 1-1 ноября... В этот день там собралось много приглашенных Чалидзе инакомыслящих, многих я уже знал, но многих видел впервые. В числе последних — Петра Якира с женой. Якир в то время был одним из самых известных диссидентов. Сразу после прочтения нашего заявления оно было передано иностранным корреспондентам.

Эффект превзошел все ожидания. Целую неделю добрая половина передач «Голоса Америки», Би-Би-Си и «Немецкой волны» была посвящена Комитету. По существу, наибольшее значение имел именно факт создания независимой от властей группы, которая по возможности объективно изучает (пытается это делать) отдельные стороны вопроса о правах человека в СССР и публикует результаты своего исследования после коллективного обсуждения и утверждения»².

16 ноября новость о рождении Комитета попала на первые страницы «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Обе публикации были практически идентичны: в них цитировались «Принципы» Комитета, говорилось о выдающихся научных достижениях Сахарова, о его общественном положении, и тут же, как о печальном прецеденте, упоминалось об аресте некоторых членов организованной ранее Инициатив-

ной группы по защите прав человека в СССР*. Их арестовали после первого же обращения в Комитет прав человека ООН в мае 1969 года.

Вскоре после создания Комитета Чалидзе рассказал о его деятельности московскому корреспонденту журнала «Ньюсуик» Джею Аксельбанку:

«Задача Комитета состоит не в том, чтобы срывать маски и выдвигать требования, но в том, чтобы изучать и давать рекомендации, принимая во внимание реальные условия в стране и трудности с реализацией прав человека. Такая задача требует терпения. Вы хотите, чтобы мы совершили революцию? Это глупости. Мы всего-навсего будем разбираться в том, какие права гарантированы человеку советскими законами. Наша цель — изучение законов в целом, на частные случаи мы не будем обращать внимания. Мы рассмотрим, насколько в Советском Союзе гарантии прав человека соответствуют тем, что рекомендованы ООН. Это не мешает любому из нас высказываться и по поводу индивидуальных случаев. Но Комитет будет рассматривать только нарушения прав человека в стране в целом.

Какое общественное влияние будет иметь наш Комитет? Мы попытаемся внедрить в общественное сознание необходимость правовых знаний и уважения к

* Инициативная группа защиты прав человека в СССР, основанная в мае 1969 года, была первой общественной организацией, занимавшейся вопросом прав человека в СССР. Инициативная группа породила идею, а Комитет прав человека придал ей жизнеспособную форму. Краткая история Инициативной группы дана в приложении на с. 216—224.

правам человека. Если общество созрело, чтобы принять принципы, провозглашенные еще Французской революцией, тогда мы можем рассчитывать на некоторое влияние. Что если правительство не обратит на нас внимания? Тогда мы продолжим наше дело, продолжим давать рекомендации»³.

Неудивительно, что создание неполитической негосударственной ассоциации, взявшей на себя миссию следить за соблюдением прав человека, действующей в рамках советского законодательства, но независимой от советских официальных властей, было воспринято этими властями как недопустимая дерзость. Комитет бросал вызов режиму, предлагая уважать им же декларированные законы и нормы или признать, что эти декларации являются всего лишь фасадом, за которым скрываются произвол и абсолютная власть КПСС и Политбюро. У режима был большой опыт в подавлении оппозиции — как открыто враждебной, так и неявной. Он научился не обращать внимания на частные выражения недовольства со стороны отдельных представителей интеллигенции и на робкую публичную критику некоторых своих недостатков («встречаются у нас еще порой кое-где...» — обычная формула такого рода критики). Но появление легальной оппозиции (даже в таком зачаточном виде, как Комитет прав человека), добивающейся соблюдения прав человека, декларированных советской Конституцией и международными соглашениями, угрожало стабильности режима, поскольку вскрывало противоречия между партийным понима-

нием «диктатуры пролетариата» и претензиями на «власть закона».

В книге «Наследники Сталина», вышедшей в 1972 году, Абрахам Ротберг, незадолго до того работавший московским корреспондентом газеты «Манчестер гардиан», пишет о реакции официальной прессы:

«Такие инициативы не могли пройти незамеченными, и партия быстро выказала острое недовольство. 23 ноября «Правда» напечатала передовицу, призывающую к решительной борьбе с «буржуазной идеологией», с тем чтобы предотвратить «нарушение ясности идеологических позиций тенью либерализма». Передовица выдвинула обвинения в идеологической незрелости и апатии в адрес института им. Лебедева [в котором Сахаров работал старшим научным сотрудником]. 2 декабря «Правда» поместила на видном месте интервью с главой институтской парторганизации Виктором Силиным, который призывал усилить бдительность в «непрекращающейся идеологической борьбе в современном мире» и сурово раскритиковал тех, кто отклоняется от партийной линии. «Любой, кто трубит о своем непартийном мнении, служит врагу», — заявил Силин. Он не упомянул беспартийного Сахарова или Комитет прав человека, в который входили беспартийные. Хоть в советской прессе и не встречалось упоминаний о Комитете, не могло быть никаких сомнений в том, что именно он и его участники были мишенью нападок Силина. 17 декабря «Правда» в очередной раз предупредила диссидентов, что режим не позволит им какой бы то ни было активной деятельности, и обвини-

ла Запад в фабрикации пропагандистских материалов о существовании «диссидентов-интеллектуалов в московских «научных и литературных» кругах»⁴.

Рассекреченные после распада СССР отчеты КГБ о деятельности Андрея Сахарова дают еще более полное представление о существовавшей тогда озабоченности партийного руководства. С 1968 года, после публикации эссе Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», КГБ начало регулярно информировать ЦК партии о его деятельности. 20 апреля 1970 года председатель КГБ Юрий Андропов обратился за разрешением усилить наблюдение:

«Не исключено, что попытки использования имени академика САХАРОВА враждебными Советскому государству лицами и западной прессой будут иметь место и впредь, так как сам САХАРОВ этому не противится и вступает в контакты с сомнительными в политическом отношении людьми.

В целях своевременного получения данных о намерениях САХАРОВА, выявления связей, провоцирующих его на враждебные действия, считали бы целесообразным квартиру Сахарова оборудовать техникой секретного подслушивания.

Просим согласия».*

* Если не указано иначе, извлечения из документов КГБ, содержащиеся в данной работе, предоставлены Архивом Сахарова в Университете Брэндейс, где готовится к печати книга «A Man Must Speak: The KGB File of Andrei Sakharov».

Согласие было получено, и это дало возможность Андропову 5 октября 1970 года сообщить о планах создания Комитета прав человека — за несколько недель до публичного заявления его организаторов. Правда, Андропов ошибочно говорит о «семинаре»:

«В Комитет госбезопасности продолжают поступать данные о политически вредной деятельности академика Сахарова А. Д., подогреваемой спецслужбами противника и активно используемой на Западе в анти-советской, антикоммунистической пропаганде. ...

В настоящее время Сахаров совместно с Чалидзе (мл. научный сотрудник ВНИИ пластмасс) обсуждает подброшенную противником идею о легализации оппозиционной деятельности в Советском Союзе, имея в виду создание так называемого семинара «Права человека», через который они хотят «помогать людям отстаивать свои права в установленном законом порядке». Организаторы этой затеи особое значение придают тому, чтобы «оградить семинар от руководящего влияния правящей партии». Они намерены создать «вокруг семинара» определенную группу «корреспондентов», которые будут «извне» собирать нужную им информацию. «Семинар», по их замыслам, должен иметь непосредственные связи с аналогичными организациями за рубежом, Сахаров согласился возглавить этот «семинар».

Следует отметить, что антиобщественные элементы и ранее пытались выполнять рекомендации идеологических центров Запада о создании в нашей стране легальных оппозиционных групп и организаций. Все эти

попытки Комитетом госбезопасности были пресечены. Намерение организовать «семинар» во главе с академиком Сахаровым создает новую политически невыгодную ситуацию.

В связи с изложенным Комитет госбезопасности принимает меры к усилению контроля над поведением Сахарова и предотвращением вредных последствий его деятельности».

18 ноября, через два дня после того, как «Нью-Йорк таймс» и другие западные издания сообщили о создании Комитета, заместитель председателя КГБ Семен Цвигун передал в ЦК следующий рапорт:

«По имеющимся в Комитете госбезопасности данным, академик Сахаров А. Д. активизировал свою политически вредную деятельность. Он практически приступил к осуществлению идеи о создании так называемого «Комитета в защиту прав человека», призванного, по его мнению, содействовать осужденным за антисоветскую деятельность гражданам СССР в защите их прав. ... В настоящее время Сахаров пытается привлечь отдельных ученых для работы в создаваемом им «Комитете». Хотя «Комитет» организационно не оформлен, сведения о нем просочились в буржуазную прессу и используются противником в нагнетании антисоветской шумихи на Западе. При этом делается попытка представить Сахарова как лидера якобы существующей в СССР оппозиции.

Ряд аккредитованных в Москве корреспондентов из США, Англии и других стран получили задания из своих

агентств встретиться с Сахаровым и взять у него интервью».

В донесении КГБ за подписью Андропова от 4 декабря сообщалось, что Сахаров, Чалидзе и Твердохлебов разослали копии «Принципов» и «Регламента» Комитета советским и зарубежным общественным организациям. Прилагались копии этих документов, которые КГБ получил из советской Ассоциации взаимодействия с ООН. В донесении также упоминалось избрание Александра Есенина-Вольпина и Бориса Цукермана экспертами Комитета, а также говорилось, что Сахаров, соглашаясь с тем, что первоочередной задачей Комитета является изучение ситуации с правами человека в СССР, оставил за собой право выступать от собственного имени в защиту отдельных несправедливо осужденных граждан.

16 декабря Андропов информировал ЦК, что Сахаров и Чалидзе приступили к организации практической работы Комитета. Он также привел слова Сахарова о том, что его «политическая деятельность», судя по международной реакции на эссе 1968 года, приобрела большее значение, чем научная.

Хотя Андрей Сахаров, трижды награжденный медалью Героя Социалистического Труда за участие в создании термоядерного оружия в СССР, был самым известным членом Комитета, его движущей силой стал Валерий Николаевич Чалидзе, физик без особых титулов. Он родился в Москве 25 ноября 1938 года. В диссидентском кругу его звали Князь за изысканную внешность и аристократические манеры. Его отец, инженер из Грузии, погиб на фронте во время Второй мировой войны. Валерия вырастила мать — женщина весьма одаренная, работавшая архитектором-планировщиком. После учебы на физических факультетах Московского и Тбилисского университетов Чалидзе возглавил исследовательскую группу, изучавшую физические свойства полимеров в Московском ВНИИ пластмасс.

В конце 50-х годов на научной конференции Чалидзе познакомился с Александром Есениным-Вольпиным, сыном поэта Сергея Есенина, специалистом в области математической логики. К тому времени Вольпин уже неоднократно подвергался преследованиям и, в частности, принудительному лечению в психиатрической больнице тюремного типа. Отбыл

он и ссылку в Казахстан — за написание и чтение антисталинских стихотворений.

Вольпин был человеком глубоких и четких убеждений, обладал широкими знаниями в области права. Его уверенность в чрезвычайной важности правовых норм и юридических процедур легла в основу программы «законников» — тех из диссидентов, которые полагали, что свободу слова, свободу собраний, свободу передвижений, свободу совести и другие свободы в СССР можно обрести, если потребовать от властей исполнения их собственных законов.

Есенин-Вольпин и Чалидзе были людьми абсолютно разного общественного темперамента. Чалидзе, например, ни разу не участвовал ни в ежегодных акциях на Пушкинской площади в поддержку политзаключенных (впервые такая акция была организована Вольпиным 5 декабря 1965 года), ни в открытых выражениях протеста вообще. Его интересовали прежде всего теория и практика реализации права, и об этом он подолгу беседовал с Вольпиным. Он внимательно изучил Советскую Конституцию, советские Кодексы и другие советские нормативные акты, Декларацию прав человека и другие подобные международные соглашения. В беседе с Харрисоном Солсбери, бывшим московским корреспондентом «Нью-Йорк таймс», Чалидзе объяснил, каким образом его подход к правам человека связан с интересом к законодательству:

«Меня всегда привлекали вопросы права. Они, по сути, захватывающе интересная часть нашей культуры.

Я присоединился к тем, кто выступал в защиту прав человека, в 1968 году, когда стало ясно, что таких людей много и что они, несмотря на грозящие им опасности, готовы протестовать, в частности, против политических судебных процессов. Я увидел закономерность: политические процессы вызывают протест; тех, кто протестует, судят, и результатом их протеста становятся все новые и новые политические суды. Я хотел предложить людям менее рискованные методы протеста, и тогда я понял, что защищать политзаключенных нужно еще до того, как они становятся политзаключенными. Я был склонен придерживаться только законных методов, не выступать с нравственными декларациями и не выказывать этических претензий. Я предполагал работать без пропаганды, без политической борьбы, без обращений к другим — в одиночку и исключительно в рамках закона»⁵.

В конце 60-х Чалидзе, обладавший основательными правовыми знаниями, консультировал тех, кто задался целью защитить свои гражданские права. А в сентябре 1969 года начал издавать (понятно, в «самиздате») журнал «Общественные проблемы», выходящий два раза в месяц, причем смело указал свое имя и адрес на титульном листе. Западный наблюдатель, ознакомившийся с первыми восемью выпусками, отметил, что журнал «отличается довольно высокой степенью профессиональных знаний и несколько меньшей — литературной обработки. Его создает относительно небольшая группа. Эти люди, подобно большинству интеллектуалов-диссидентов, не

профессионалы в юриспруденции, что восполняется их недюжинным умом и общей эрудицией»⁶. В первом номере журнала были опубликованы статьи Вольпина о необходимости уважения прав человека и прекращения насилия, Бориса Цукермана о презумпции невиновности в советском законодательстве, Чалидзе и Твердохлебова об эссе Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Андрей Дмитриевич Сахаров (род. в Москве 21 мая 1921 года) впервые познакомился с диссидентами еще в период работы в Арзамасе-16, секретном центре по разработке ядерных вооружений. В конце 1964 года во время выборов в Академию наук он выступил против псевдоученого Николая Нуждина, ближайшего сподвижника Трофима Лысенко, высокопоставленного шарлатана от науки, виновного в организации репрессий против своих оппонентов. После этого ему позвонил и пришел познакомиться биолог Жорес Медведев, несомненный диссидент по своей общественной позиции, автор *самиздатской* работы о гонениях, которым Лысенко подверг целое поколение советских генетиков. При встрече Сахаров и Медведев говорили о судьбах генетики и проблемах радиационной биологии.

В январе 1966 года сосед и коллега Сахарова Борис Гейликман познакомил его с Эрнстом Генри, журналистом и бывшим агентом Коминтерна в Германии. Генри убедил Сахарова подписать петицию против реабилитации Сталина. В том же году Саха-

ров по рекомендации Генри познакомился с Роем Медведевым, братом-близнецом Жореса, историком, автором исследования о преступлениях Сталина «К суду истории»⁷, и Юрием Живлюком, физиком, человеком таинственным, неожиданно появившимся и так же неожиданно исчезавшим (что вызывало настороженное отношение со стороны Сахарова), имевшим тем не менее широкие связи с московскими и украинскими диссидентами.

5 декабря 1966 года Сахаров участвовал в демонстрации на Пушкинской площади в поддержку политзаключенных. Его присутствие не было замечено диссидентами, но камеры КГБ зафиксировали его среди участников.

Контакты Сахарова с инакомыслящими были в то время нерегулярны, хотя и случались достаточно часто. В 1967 году он присоединился к полуофициальному комитету по спасению Байкала; подготовил совместно с Генри статью об опасности ядерной войны и ответственности ученых*; написал письмо Брежневу в защиту Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского⁺; позвонил начальнику КГБ Юрию Андро-

* Статья была отвергнута советской прессой по указанию главного идеолога партии Михаила Суслова. Позже включена в самиздатский журнал Роя Медведева «Политический дневник», т. 1, Фонд им. Александра Герцена, 1972, с. 197–205.

⁺ 12 января 1968 года Александр Гинзбург, Юрий Галансков, Вера Лашкова и Алексей Добровольский были приговорены московским судом к различным срокам лагерей за антисоветскую пропаганду. См.: Процесс четырех, п/р Павел Литвинов, Фонд им. Александра Герцена, 1971.

пову и ходатайствовал за облегчение положения Юлия Даниэля, который отбывал пятилетний срок в лагере за публикацию на Западе рассказов под псевдонимом «Николай Аржак».

Весной 1968 года Сахаров написал и отдал для публикации эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»⁸. Оно принесло ему международную известность, но стоило работы в советской ядерной программе...

В марте 1969 года в жизни Сахарова произошло трагическое событие: после нескольких месяцев тяжелых страданий от рака умерла его жена. «Несколько месяцев после смерти Клавды я жил как во сне, ничего не делая ни в науке, ни в общественных делах...» — вспоминал он⁹. Его диссидентская активность была приостановлена почти на год и возобновилась уже в 1970 году, когда Живлюк познакомил его с Валентином Турчиным. Вместе они составили черновик письма Брежневу, Косыгину и Подгорному, которое впоследствии было датировано 19 марта и подписано Сахаровым, Турчиным и Роем Медведевым. Авторы письма призывали к постепенной демократизации советской системы, соревновательным выборам, свободе информации, амнистии политзаключенных и другим либеральным реформам.

В мае 1970 года Валерий Чалидзе позвонил Сахарову по телефону и, назвав себя, попросил о встрече. Вскоре он пришел к Сахарову с предложением поставить подпись под петицией в защиту генерала Петра Григоренко, известного диссидента, арестованного в

мае 1969 года и приговоренного к принудительному лечению в психиатрической больнице за помощь крымским татарам, высланным Сталиным из Крыма и добивавшимся возвращения на родину. В петиции, составленной Чалидзе, указывалось на процедурные нарушения, допущенные в ходе следствия и суда над Григоренко. Сахаров не только сам подписал петицию, но и добавил в число «подписантов» выдающегося физика Михаила Леонтовича, а затем лично доставил жалобу генеральному прокурору. В своих воспоминаниях Сахаров пишет: «Мое взаимодействие с Чалидзе, начавшееся в мае 1970 года по делу Григоренко, вскоре продолжилось в связи с рядом других дел, а отношения стали дружескими...»¹⁰

В июле 1970 года Сахаров участвовал в международной конференции в Киеве. Здесь он впервые получил возможность общаться с американскими физиками, в частности с Виктором Вейскопфом и Морисом Гольдхабером. Беседа шла о проблемах теоретической физики и о ситуации в мире. Однако Сахаров сознательно избегал любой дискуссии о ядерных вооружениях. Многолетняя жизнь под грифом «Совершенно секретно» вообще давала знать о себе, и он все еще ограничивал контакты с иностранцами в принципе и с журналистами в особенности.

По возвращении с киевской конференции Сахаров без предупреждения пришел к Чалидзе, жившему в коммуналке. Впоследствии он приходил сюда неоднократно и несколько лет спустя дал точное описание жилища Чалидзе:

«Комната была довольно большая, с одним окном-дверью на балкон, выходящим во двор с видом на соседние окна и высотный дом. У Валерия были свои представления, что такое уборка и порядок, и это отразилось на облике комнаты, — но свои записки и другие вещи он находил мгновенно. На стене висели старинные сабли и кинжалы, рядом под стеклом была коллекция разных диковин — камней, сушеных скорпионов и т.п. Но главным в комнате был диван — на нем Валерий возлежал в княжески-небрежной позе, разговаривая с многочисленными, сменяемыми друг друга гостями»¹¹.

Сахаров познакомился с Чалидзе в психологически трудный для себя момент. Изгнание из Арзамаса-16 в 1968 году и последовавшая вскоре за этим смерть жены оборвали его прежние связи. Сахаров, конечно, был весьма самостоятельным и независимым человеком, но несомненно, что дружба и сотрудничество с Чалидзе и позже с Твердохлебовым оказались очень кстати и облегчили переход от сосредоточенной работы над физическими проблемами к широкой политической активности, обусловленной все более и более критическим отношением к советскому коммунистическому режиму. (Заметим, что, несмотря на новые интересы, Сахаров всегда считал себя физиком в первую очередь и по преимуществу. Собrania Комитета прав человека часто заканчивались дружеским соревнованием в решении головоломных физических задач.)

В сентябре 1970 года Чалидзе предложил Сахарову создать Комитет прав человека. Реакцию Сахарова стоит привести целиком:

«Я отнесся к этому предложению с интересом, но одновременно с большими опасениями. Независимая ассоциация — это очень важно, это что-то совсем новое. На самом деле — не совсем. За год до этого несколько людей организовали Инициативную группу по защите прав человека в СССР. Первым действием группы было обращение в ООН по вопросу нарушения прав человека в СССР. Затем группа делала открытые обращения (адресованные уже не в ООН, а к общественности) систематически. Я думаю, что именно образование Инициативной группы, вместе с началом издания «Хроники», явилось оформлением движения за права человека в СССР в том смысле, как оно известно сейчас во всем мире — в рамках закона, с помощью гласности, независимо от властей. Даже идея Комитета прав человека выдвигалась в какой-то форме Инициативной группой (ее членом А.С. Есениным-Вольпиным). ...

Обо всем этом я не знал или знал настолько поверхностно, что забыл. Не это заставило меня отнестись к ценной инициативе с настороженностью. Во-первых, меня пугал предполагавшийся юридический уклон в работе Комитета, — понимая важность такого подхода, наряду с другими, я не чувствовал, что это мое амплуа. Кроме того, и это главное, понимая, что гласность, обнародование выводов — самое решающее и неизбежное в деятельности такого рода, я опасался, что Комитет, в особенности благодаря своему броскому названию (что

в его названии нет слова «защита», никто не заметит!), — привлечет слишком широкое к себе внимание, вызовет излишние «ложные» надежды у тысяч людей, ставших жертвой несправедливостей. Все это — письма, просьбы, жалобы — повалится на нас. Что мы скажем, ответим этим людям? Что мы не Комитет защиты, а Комитет изучения? Это будет почти издевательство!

Эти опасения я высказал Чалидзе в той первой беседе. К слову сказать, все они потом оправдались сторичей. Причем больше всего «шишек» упало на мою голову, писали в основном академику»¹².

Участие Сахарова в Комитете прав человека тесно сблизило его с миром диссидентов. Его положение в советском обществе, всемирная известность как автора эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», его смелость и исключительная интеллигентность делали его бесценной фигурой и для Комитета, и для правозащитного движения в целом. Сахаров стал самой заметной личностью движения, хотя и отрицал всегда, что является его лидером. К тому же в ходе работы Комитета он познакомился с Еленой Боннер, своей будущей женой, и тогда же началась их совместная ни с чем не сравнимая по своему объему и историческому значению правозащитная деятельность.

Третий основатель Комитета, Андрей Николаевич Твердохлебов, родился в Москве 30 сентября 1940 года. Его отец в 50-е годы занимал пост заместителя министра культуры. По окончании физического

факультета МГУ Твердохлебов написал и опубликовал несколько научных работ по электродинамике, работал редактором в реферативном журнале по теоретической физике, выпускавшемся Всесоюзным институтом научной и технической информации. Твердохлебов дружил с Чалидзе и был автором его «Общественных проблем» еще до того, как принял участие в создании Комитета.

Одной из первых инициатив Комитета было приглашение экспертами Александра Вольпина, наставлявшего Чалидзе в духе уважения к закону, и Бориса Цукермана. Цукерман, физик, специалист в области магнитного резонанса, тихий человек, но вместе с тем неколебимый «законник», был известен как автор иронических писем и обращений к советским высокопоставленным лицам, где указывал на противоречия между советским законом и советской действительностью. (В начале 1971 года, несмотря на имевшийся у него допуск к секретным материалам, Цукерману дали разрешение на выезд в Израиль.) Почетными членами-корреспондентами Комитета «в знак признания их значимого вклада в дело свободы» были объявлены Нобелевский лауреат 1970 года Александр Солженицын (который позже сожалел о том, что согласился на упоминание его имени) и популярный бард, поэт и драматург Александр Галич.

Несмотря на некоторые сомнения Сахарова и недовольство Солженицына, Комитет приступил к серьезной работе со дня основания. Сахаров вспоминал:

«Заседания Комитета раз в неделю по четвергам... у Чалидзе... Одновременно на мое имя начали поступать многочисленные письма, на которые мне нечего было ответить (как я и опасался), стали приходиться посетители. Невозможность помочь всем этим людям, то, что я как бы обманывал их надежды, очень меня мучило, это стало моей бедой на протяжении многих лет... Я не очень разбирался в юридических аспектах рассматривавшихся на Комитете проблем (хотя, в отличие от Солженицына, не считаю их изучение бессмысленной тратой времени). Конечно, я не во всем был согласен с Чалидзе и Твердохлебовым, а они всегда занимали общую позицию, казавшуюся мне слишком умозрительной и недопустимо парадоксальной; это вызывало у меня сильное раздражение. Но, повторяю, мне тогда (как и сейчас) главными представлялись не детали, а общая направленность работы Комитета в защиту важнейших прав человека.

После Люся (Е.Г.Боннер — жена Сахарова. — Ред.)

придумала для этих встреч шуточное название «ВЧК», что расшифровывалось не «Всероссийская чрезвычайная комиссия», а — «Вольпин (непременный и очень ценный участник), Чай, Кекс». Для меня, не избалованного дружбой, может, именно эта сторона была самой важной. Люся еще тогда это хорошо подметила»¹³.

Чай на собраниях Комитета разливала супруга Чалидзе Вера Слоним. Корреспондент лондонской «Таймс» Дэвид Бонавиа в своей книге о советских диссидентах так описывает ее:

«Два самых интеллигентных человека в Москве — это Валерий и Вера Чалидзе. А Вера еще и одна из самых очаровательных женщин столицы: небольшого роста, с копной черных, вьющихся волос, с лицом правильной овальной формы, о котором точнее всего сказать, что оно «цвета слоновой кости». Она — прямой потомок ранней «советской аристократии», практически уничтоженной Сталиным. Ее дед — Максим Максимович Литвинов — выдающийся советский дипломат периода между Первой и Второй мировыми войнами. Он долгое время занимал пост наркома иностранных дел. Бабушка Веры, англичанка Айви Литвинова, вдова Максима Максимовича, живет в огромном многоквартирном доме на набережной Москвы-реки. Сама Вера прекрасно говорит и понимает по-английски, хоть и с заметным русским акцентом. Те наблюдатели, которые отмечают родственные связи среди советских диссидентов, поймут, что она — двоюродная сестра Павла Литвинова, приговоренного к пяти годам ссылки в Сибирь за де-

монстрацию против вторжения в Чехословакию на Красной площади»¹⁴.

Радушная и общительная Вера всегда компенсировала некоторую суровость и замкнутость своего мужа — так было и в Москве, и потом в Нью-Йорке — вплоть до их развода. Мать Веры — Татьяна Литвинова, дочь Максима и Айви, талантливая художница и переводчик, олицетворяла связь со старшим поколением русской интеллигенции. Она оказала еще одну важную услугу движению, прививая молодому поколению диссидентов свойственное англичанам чувство личной свободы и принципы абсолютной порядочности.

10 декабря 1970 года Чалидзе прочел в Комитете 20-страничный доклад, озаглавленный «Важные аспекты проблемы прав человека в Советском Союзе». Он начал с того, что выразил надежду, что «деятельность Комитета принесет реальную помощь обществу». Далее он изложил принципы и методы, которые предлагал положить в основу будущей деятельности Комитета:

«Задача Комитета не разоблачать и требовать, а изучать и рекомендовать, что означает деятельность с учетом традиций и реальных трудностей. Это означает, что как бы ни были возмущены какими-либо правонарушениями члены Комитета, когда они действуют в личном качестве, Комитет как таковой должен исходить в выводах из разумных оснований о том, можно ли в ближайшее время защитить нарушенное право. При этом Комитет должен быть готов к тому, что его благие пожелания будут годами ждать реализации и сознание этого не должно явиться источником чувства безысходности и ненужности, ибо задача Комитета — прежде всего содействие развитию правовой культуры общества: на интенсивный прогресс в области защиты прав Человека можно надеяться лишь как

на следствие роста правовой культуры людей, включая власть имущих»¹⁵.

В своем докладе Чалидзе подчеркнул важность ратификации Советским Союзом документов ООН по правам человека. В осторожных, часто высокопарных, но точных по сути выражениях он указал на самые серьезные нарушения прав человека в Советском Союзе: на преследования по политическим мотивам; на запрет свободного обмена информацией; на заключение диссидентов в психиатрические больницы; на дискриминацию крымских татар; на неправомерные ограничения на выезд и въезд в СССР, а также на выбор места жительства внутри страны; на серьезные недостатки в юридическом делопроизводстве. Вторя французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, Чалидзе настаивал на том, что «человек может делать все, что не запрещено законом (или отказаться делать то, к чему закон не принуждает)». В разделе доклада, названном «Гласность» (слово, позже широко использованное Горбачевым), Чалидзе отметил, что «к гласности следует стремиться во всем, что касается защиты прав. Гласность судебных процессов, гласное обсуждение административных решений о правах, гласное обсуждение проблемы прав и печати, — лишь когда все это войдет в привычку людей, можно будет надеяться на рост эффективности в защите прав»¹⁶.

Один западный наблюдатель отметил, что доклад Чалидзе «может служить суммарным анализом проблемы в целом. Он представляет собой впечатляю-

шую программу-минимум, достаточную, чтобы обеспечить соблюдение основных прав человека в рамках современной политической ситуации»¹⁷.

Комитет обсудил доклад Чалидзе и 26 декабря проголосовал за то, чтобы рассматривать его «как приемлемую основу для тематического планирования работы Комитета»¹⁸.

Члены Комитета изначально предполагали, что их собрания будут прослушиваться КГБ. Это их не тревожило. Они исходили из того, что вся работа Комитета должна была быть гласной и открытой для общественного взгляда. Единственной принятой Чалидзе мерой конспирации была грифельная доска — чтобы обращаться друг к другу по личным вопросам. Когда в первые недели работы Комитета Чалидзе и Твердохлебова по отдельности вызвали в Московское управление КГБ для бесед с начальником следственного отдела Ивановым, тот демонстрировал свою полную осведомленность о том, что обсуждалось на собраниях. Он предупредил Чалидзе и Твердохлебова, что если они не прекратят свое участие в работе Комитета, их вызовут в генеральную прокуратуру и на них может быть заведено уголовное дело.

Один из первых докладов КГБ о Комитете прав человека, датированный 30 декабря 1970 года и подписанный Андроповым, информировал Центральный Комитет:

«Комитетом госбезопасности принимаются меры по пресечению политически вредной деятельности так называемого «Комитета прав человека». Были вызваны

в КГБ организатор «Комитета» Чалидзе, сотрудник ВНИИ пластмасс, и Твердохлебов, сотрудник Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ). Им указано, что в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 10 июля 1932 года «О порядке образования добровольных обществ и их союзов» созданный ими «Комитет» подлежит регистрации, без чего его деятельность является незаконной. Чалидзе и Твердохлебову разъяснено, что факт создания «Комитета прав человека» привлёк пристальное внимание антисоветских организаций за границей и используется в антисоветской пропаганде. Они предупреждены, что, если «Комитет» займётся распространением клеветы на советский общественный и государственный строй, его организаторы будут привлечены к уголовной ответственности.

Получены также данные, что участники «Комитета» обсудили вызов в КГБ Чалидзе и Твердохлебова, однако решили свою деятельность продолжать, считая, что участие в нём Сахарова, его имя и авторитет уже сами по себе являются достаточной гарантией существования «Комитета прав человека».

В изложении западных радиостанций и прессы факт появления в СССР указанного «Комитета» получил антисоветскую окраску и намеренно раздувается ими в первую очередь благодаря участию в нём академика Сахарова А. Д. Во всех радиопередачах и газетных публикациях на первое место ставится его имя, хотя истинным организатором и идеологом «Комитета» является Чалидзе.

Сам Сахаров, продолжая выступать ходатаем по делам осужденных за антигосударственную деятельность лиц, активно участвуя в работе «Комитета», способствует раздуванию антисоветской истерии вокруг его имени, созданию ему ореола «борца за демократию» в условиях советского общества.

В сложившейся ситуации назрела острая необходимость провести с Сахаровым обстоятельную разъяснительную беседу, направленную на отрыв его от политически вредной деятельности. Представляется целесообразным проведение этой беседы поручить авторитетным работникам партийного или государственного аппарата на высоком уровне, либо, если это невозможно по тем или иным причинам, ответственным сотрудникам Прокуратуры СССР и Комитета госбезопасности».

Вслед за докладом 18 января 1971 года Андропов направил письмо Генеральному секретарю Леониду Брежневу:

«Комитет госбезопасности информировал ЦК КПСС о политически вредной деятельности академика Сахарова А. Д., в результате которой он оказался одним из организаторов так называемого «Комитета прав человека». По замыслам инициаторов создания «Комитета», он призван стать по сути дела легально организованной оппозицией, противостоящей советским государственным органам.

Факты показывают, что за последнее время Сахаров и другие создатели «Комитета» резко активизировали свою деятельность, пытаясь вовлечь в его орбиту

известных советских ученых, представителей нашей интеллигенции, ищут связи с инокорреспондентами, а также лицами из аналогичных этому «Комитету» организаций капиталистических стран.

С целью пресечения политически вредной деятельности отдельных организаторов «Комитета прав человека» КГБ по линии прокуратуры города Москвы приняты меры профилактического порядка, в частности в отношении молодых научных работников Чалидзе и Твердохлебова. Что касается Сахарова, то здесь дело обстоит сложнее, и я считаю своим долгом проинформировать Вас о некоторых аспектах, которые, бесспорно, заслуживают внимательного рассмотрения и принятия неотложных мер.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что за последнее время академик Сахаров отошел от научной работы и всецело посвятил себя «политической» деятельности. Он пишет и направляет в инстанции и за границу различные письма с протестами против привлечения к судебной ответственности в СССР лиц, совершивших тяжкие государственные преступления, ведет от имени «Комитета прав человека» обширную переписку с общественными организациями за рубежом. Все это начинает создавать в глазах мировой общественности представление о якобы существующей в среде советской научной интеллигенции легальной организации, взгляды которой противоположны официальной политике ЦК КПСС и Советского правительства».

Между тем Комитет работал. Один из первых частных вопросов, вставших перед ним, касался прав и

обязанностей адвокатов на политических процессах. Проблема проявилась во время одного конкретного судебного процесса. 11 и 12 ноября 1970 года в Свердловске состоялся суд над Андреем Амальриком, автором эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Его обвиняли в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (статья 190-1 УК РСФСР). Адвокат Владимир Швейский, приглашенный женой Амальрика, потребовал полного оправдания подсудимого — вместо того, чтобы добиваться снижения срока в силу смягчающих обстоятельств, как это было принято среди адвокатов в политических делах. В ответ ему пригрозили запретом адвокатской практики. Угрозы подействовали, и Швейский после приговора отказался писать апелляцию. Жена Андрея — Гюзель Амальрик направила в Московскую коллегия адвокатов запрос о правах и обязанностях судебного защитника¹⁹. Копию письма она послала в Комитет прав человека. В конце концов Швейского оставили в покое. Он остался членом партии, сохранил допуск к участию в политических судах и даже подал апелляцию после вынесенного Амальрику приговора (правда, безрезультатно).

Письмо Гюзель вызвало в Комитете дискуссию о месте защитника на политическом процессе. 29 декабря Вольпин передал в Комитет комментарий к письму Гюзель, в котором доказывал, что требовать от адвокатов специального допуска для защиты клиентов по политическим делам, не касающимся государст-

венной тайны, есть нарушение права на защиту, гарантированного 111 статьей Конституции, а также права на собственный выбор защитника, декларированного пунктом 3-д статьи Международного пакта о гражданских и политических правах человека²⁰.

Дать комментарий к письму Гюзель Комитет попросил выдающегося адвоката Софью Каллистратову, которая оказывала правовую помощь многим диссидентам. В феврале 1971 года она представила доклад «Право на защиту»²¹, в котором было обосновано право осужденного по уголовному делу на помощь выбранного им адвоката на всех стадиях уголовного процесса*. Таким образом, стараниями Комитета вопрос был всесторонне разработан.

Софья Васильевна Каллистратова регулярно давала Чалидзе советы по юридическим вопросам, а также помогала Сахарову отвечать на сотни приходивших в Комитет писем с просьбой о помощи:

«Таких оставшихся без ответа писем было бы еще гораздо больше, если бы не бесценная помощь, оказанная мне Софьей Васильевной Каллистратовой. ... Это — удивительный человек, сделавший людям очень много добра. Простой, справедливый, умный и добрый. Редко когда все эти качества соединяются, но тут это так. Более 20 лет она вела защиту обвиняемых по уголовным делам, вкладывая в это дело всю свою душу, жажду справедливости и добра, желание помочь — и по суще-

* Авторство Каллистратовой в то время скрывалось, чтобы избавить ее от проблем с начальством.

ству, и морально — доверившимся ей людям... Для нее всегда всего важнее была судьба живого, конкретного человека, стоящего перед ней.

... Когда Софья Васильевна согласилась помочь мне в переписке, я стал приносить к ней получаемые мною письма целыми сумками. Она отвечала на них, давала юридические и просто житейские советы, основанные на ее богатом жизненном опыте. Потом я подписывал эти письма (после обсуждения с нею), она их отсылала. Конечно, и она не была способна сделать чудо. Но все же письма не оставались без ответа». + 22

Конкретные дела, вроде отказа Швейского помочь Амальрику с апелляцией, конечно, заставляли Комитет отступать от заявленных в уставных документах принципов работы. Но все-таки чаще на собраниях Комитета обсуждались не конкретные, а общие вопросы. Так, например, в январе 1971 года Комитет заслушал доклад Вольпина «Международный пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство»²³. В докладе рассказывалось о том, как готовился этот документ, о процедуре его принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, о его статьях и положениях. Шестью месяцами позже, 5 июля 1971 года, Председателю Президиума Вер-

+ В 1977 году Софья Калистратова присоединилась к Московской Хельсинкской группе и оставалась активным участником группы вплоть до 1982 года, когда остававшиеся на свободе члены (Калистратова, Елена Боннэр, Наум Мейман) приостановили деятельность группы. Калистратова умерла в Москве в 1989 году на 82-м году жизни.

ховного Совета СССР Николаю Подгорному была послана петиция, подписанная 26-ю советскими гражданами. В ней содержалось требование ускорить ратификацию Советским Союзом «Международного пакта о гражданских и политических правах» и «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах»*.

Деятельность Комитета сопровождалась постоянными попытками запугать его членов. 15 февраля 1971 года Чалидзе и Твердохлебова по отдельности вызвали (в 11 часов утра и 2 часа дня соответственно) к руководителю одного из отделов Московской городской прокуратуры Емельянову. Он довел до их сведения, что сам факт существования Комитета есть нарушение Постановления ВЦИК и СНК СССР от 10 июля 1932 года «О порядке образования добровольных обществ и их союзов» и что члены Комитета могут подпасть под статью 200 УК РСФСР за «самоуправство, то есть самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права». Емельянов настаивал на немедленном прекращении деятельности Комитета. Чалидзе ответил 19 февраля семистраничным меморандумом, в котором утверждал, что существование Комитета законно, поскольку в

* О петиции сообщила «Хроника текущих событий» № 23. Советское правительство подписало Международные пакты в марте 1968 года и ратифицировало в октябре 1973 года. На территории СССР Пакты вступили в силу в 1976 году, когда были получены 35 необходимых ратификаций.

нем менее десяти членов, и под Постановление 1932 года он не подпадает. Чалидзе далее заметил:

«Слов нет, право на ассоциацию не особенно поощряется советскими законами. Из истории известно, что практика в этой области государственного преследования гражданским проявлениям еще более сурова. Считаю, однако, полезным и своевременным обратить внимание властей на то, что многое в советских законах допускает возможность создания хоть и непривычных, но вполне лояльных ассоциаций различного характера. Если такие ассоциации пока не учреждаются в большом количестве, то не от недостатка самостоятельности граждан или от невнимания к праву на ассоциацию, — скорее потому, что не всегда найдется сведущий человек, который мог бы посоветовать законные пути учреждения самостоятельных ассоциаций»²⁴.

17 марта 1971 года Вольпин сделал еще один полноценный доклад в Комитете: «Проблемы гражданских прав человека в СССР»²⁵. Он подчеркнул, что право беспрепятственно покидать страну, свобода придерживаться любых мнений, право искать, получать и распространять информацию и идеи независимо от государственных границ, неприкосновенность личности, а также процессуальные гарантии этих и других гражданских прав — все эти права и свободы являются необходимой предпосылкой независимости личности. Вместе с тем, словно споря с некоторыми диссидентами, он утверждал, что правозащитному движению следует опираться только на закон и из-

бегать излишней политизации вопроса о правах человека. Он предложил расширить контакты с зарубежными правозащитниками и их организациями, обмениваться с ними информацией и активизировать публикацию на Западе «советских правозащитных материалов как хроникального, так и теоретического характера»²⁶.

Один из разделов доклада Вольпина назывался «Острейшие для СССР виды правовых проблем». И что было чрезвычайно важно, проблемы эти перечислялись:

- право покинуть страну;
- свобода слова, печати, ассоциаций, митингов и демонстраций и судопроизводство;
- свобода поиска и получения информации;
- правовое положение невменяемых и психиатрический произвол;
- фактическая дееспособность, т.е. право осуществлять свои права самостоятельно;
- положение заключенных и ссыльных;
- родительские права по воспитанию детей;
- свобода выбора места жительства в стране, прописки, положение крестьян, крымских татар и т.п.;
- неприкосновенность личности (указ о тунеядцах, психиатрические больницы, свобода от произвольных задержаний и арестов);
- уголовно-правовое понятие хулиганства;
- положение адвокатов²⁷.

Но актигно работали не только правозащитники, но и их преследователи. 18 марта 1971 года Юрий Андропов передал в ЦК очередную докладную записку:

«Комитетом госбезопасности по конфиденциальным каналам продвинуто на Запад ряд сведений, компрометирующих т.н. «Комитет прав человека» и снижающих интерес к нему за рубежом. Однако внутри страны «Комитет» по-прежнему привлекает внимание отдельных политически незрелых советских граждан... Под влиянием Чалидзе, Сахаров продолжает с ним сотрудничать, создавая видимость «деятельности» «Комитета прав человека». Так, от имени «Комитета» он отвечает на письма указанных граждан, принимает у себя на квартире разного рода лиц, «ущемленных» советской властью.

После проведенных в Прокуратуре СССР профилактических бесед сообщники по «Комитету» Чалидзе и Твердохлебов поняли, что их политически вредная деятельность осуждается и будет пресечена государственными органами. Предполагая, что они могут быть арестованы, Чалидзе пытается убедить Сахарова, что в этом случае он должен один представлять «Комитет» и выступать от его имени. В этой связи Чалидзе побуждает Сахарова привлечь к сотрудничеству в «Комитете» академиков Леонтовича М. А. (Институт атомной энергии имени Курчатова, Москва) и Александра А. Д. (Институт математики СО АН СССР, г. Новосибирск), которые так же, как и Сахаров, по их мнению, репрессиям подвергнуты быть не могут».

Деятельность Комитета неоднозначно воспринималась и в диссидентских кругах. В своей книге «Поколение "оттепели"» Людмила Алексеева дает, например, весьма ироничное описание одного из заседаний Комитета:

«В январе 1971 года я печатала 17-й выпуск «Хроники» и наткнулась на текст под названием «Принципы и регламент Комитета прав человека в СССР». Перепечатывая принцип номер один, я начала хихикать: «Комитет прав человека является творческой ассоциацией, действующей в соответствии с законами государства, настоящими принципами и регламентом Комитета».

Документ не оставлял сомнений в том, что его автор Валерий Чалидзе превзошел даже Алика Есенина-Вольпина. Написан он был настолько юридически безупречно, что я не могла удержаться от смеха, представляя себе выражение лица какого-нибудь оперативника КГБ, которому с утра положили на стол «Принципы и регламент» Валерия. «У меня талант писать непонятно», — сказал однажды Валерий. Здесь этот талант проявился в полной мере. ...

Господи, кажется, они собираются вести протоколы собраний. Это противоречило принятой нами стратегии — оставлять как можно меньше записей и тем самым лишать КГБ возможности пополнять наши досье. Кроме того, предусматривалось создание административной структуры. ...

Пока я печатала текст, мне пришла идея договориться о посещении Комитета, чтобы своими глазами

увидеть, как проходят заседания. Я позвонила Чалидзе. «Это Людмила Алексеева. Я хотела бы обратиться к Комитету с петицией».

«Простите, но Комитет не заслушивает обращения от общественности», — ответил Чалидзе.

«Да? А каким же образом Комитет получает информацию от общественности?»

«Будьте добры, представьте, пожалуйста, Вашу петицию в письменном виде». ...

«В данном случае я прошу Комитет сделать исключение. Вопрос очень важный, и его надо обсудить срочно, так что времени на оформление в письменном виде просто нет. Я бы хотела представить ряд свидетельств на заседании Комитета, с тем, чтобы они были занесены в протокол». ...

«Если Вы так настаиваете, мы пойдем на компромисс, но, пожалуйста, поймите, что заседания Комитета закрыты для публики. Мы включим Ваше выступление в повестку дня, но после того как Вы представите свои свидетельства, Вам придется покинуть заседание».

Я появилась к назначенному часу, но у членов Комитета было еще несколько нерешенных вопросов, помимо загруженной повестки. Валерий извинился и учтиво показал мне на кушетку, где мне предстояло ждать своей очереди. Я не могла вникать в дискуссию, а просто смотрела и радовалась тому, что у нас появилась первая легальная правозащитная организация. Надо сказать, что члены Комитета представляли собой занятное трио: Чалидзе — высокого роста, грузинский князь;

Твердохлебов – светловолосый, тоже высокий; и Сахаров – сутулый человек средних лет в мешковатом костюме. Они сидели в креслах вокруг журнального столика в центре огромной, заставленной вещами комнаты Валерия.

«В Комитет обратилась Людмила Михайловна Алексеева с просьбой обсудить права заключенных на получение корреспонденции», – объявил Чалидзе.

Я встала и кратко изложила суть проблемы уважаемым членам Комитета, которые взирали на меня снизу вверх из своих кресел.

«Спасибо, Людмила Михайловна, – сказал Чалидзе, – Комитет примет Ваше представление к рассмотрению».

После этого я несколько недель развлекала друзей рассказом об удивительном путешествии в святая святых Алик-Есенин-Вольпинизма»²⁸.

Свесны до осени 1971 года деятельность Комитета была весьма продуктивна. Основное внимание уделялось трем проблемам: злоупотреблению психиатрией в политических целях, праву советских евреев на эмиграцию, а также организации контактов с международными правозащитными организациями.

Сахаров впервые столкнулся с проблемой психиатрических репрессий, наблюдая за ходом дела Виктора Файнберга, помещенного в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу за участие в демонстрации протеста на Красной площади 25 августа 1968 года против советской оккупации Чехословакии. Файнбергу удалось передать из больницы записку с описанием «избиений, закручивания непокорных мокрыми полотенцами, которые, высыхая, нестерпимо сжимают тело, и т.п.»²⁹. В следующий раз проблему злоупотреблений психиатрией Сахаров обсуждал уже с Чалидзе: как мы помним, их первая встреча произошла в феврале 1970 года в связи с заключением в психиатрическую больницу Петра Григоренко. В мае того же года Сахаров энергично выступил в защиту Жореса Медведева, принудительно помещенного в психиатрическую больницу на том основании, что одновре-

менно работал в двух никак не совместимых областях — биологии и политических науках: такой разброс интереса, по мнению сотрудничавших с КГБ психиатров, свидетельствовал о раздвоении личности и «вялотекущей шизофрении». Протесты Сахарова, Петра Капицы, Александра Твардовского и других известных деятелей возымели действие, и Медведев 17 июня 1970 года был освобожден. Особенная чуткость Сахарова к случаям злоупотребления психиатрией, возможно, до некоторой степени объяснима и тем, что шизофренией болел его брат Георгий (1925—2002). Угрозы, что ученого и самого объявят душевнобольным, звучали неоднократно.

В своих мемуарах Сахаров дает развернутое объяснение, почему члены Комитета и другие правозащитники в СССР придавали такое значение вопросу о злоупотреблении психиатрией:

«Я считаю использование психиатрии в политических целях чрезвычайно опасным действием государства. Его опасность в том, что оно наиболее непосредственно направлено против мысли и разума, чрезвычайно трудно для юридической защиты, деморализует, дискредитирует и унижает человека. Опасность усугубляется той бесчеловечной и антиправовой обстановкой в специальных психиатрических больницах, о которой я писал, и общим конформизмом и лицемерием нашего общества, его закрытостью, отсутствием свободной прессы. Подчеркиваю, что я все время говорю именно об использовании психиатрии в политических и идеологических целях, а не о помещении в психиатрические больницы здоровых

людей, как иногда пишут в некоторых публикациях; такие экстремальные случаи имеют место, но не это — суть проблемы. Фактически власти обычно выбирают в качестве своих жертв людей с теми или иными отклонениями от нормы, большей частью минимальными и не требующими изоляции, быть может, требующими некоторой медицинской помощи, но как раз ее эти люди и не получают в специальных психиатрических больницах. [Первая часть этого утверждения была объектом жесткой критики со стороны некоторых диссидентов. — Э. К.] Критерии психического здоровья по самой сути дела всегда «размыты» — это в огромной мере увеличивает возможность ошибок, произвола и преступлений. Особенно это опасно в обществе с тоталитарной идеологией! Очень часто в основе преследования лежат религиозные или философские убеждения»³⁰.

Эксперт Комитета Есенин-Вольпин сам напрямую сталкивался со злоупотреблениями психиатрией: пять раз его принудительно отправляли в психиатрические лечебницы. В 1949 году его арестовали за то, что он написал и прочитал антисоветские стихи. В Витебском медицинском институте, куда его послали на освидетельствование, он был признан психически больным и отправлен в Ленинградскую психиатрическую больницу тюремного типа. Он не протестовал против диагноза. Он полагал, что это была попытка сочувствующего доктора спасти ему жизнь: если бы признали здоровым, он бы на длительный срок отправился в сталинский ГУЛАГ. В последующем его еще четырежды наказывали заключением в

«психушку»: за совет француженке не принимать советское гражданство, за недонесение о знакомстве с иностранцами, за отказ осудить выход его собственной книги «Весенний лист» в США и за попытку получить визу в американском посольстве в 1968 году. После эмиграции в 1972 году Вольпин так описывал судьбу здорового человека, подвергающегося принудительному лечению:

«...Политзаключенные делят палаты с убийцами, ворами и по-настоящему больными людьми. Поскольку законом не установлены временные рамки пребывания пациента в больнице, над пациентом нависает угроза провести в заключении дни, годы, возможно всю жизнь. На практике выписаться из больницы можно только признав свои «ошибки» и «необходимость» врачебного вмешательства и обещав «улучшить» поведение в будущем. Серьезных попыток вылечить меня от душевного заболевания врачи ни разу не предпринимали.

Я описываю свой случай для того, чтобы привлечь мировое общественное мнение к помощи тем, кого направили в специальные психиатрические больницы из-за политических убеждений или «реформистских тенденций». Возможно, возмущение общества поможет жертвам обрести свободу, возможно, оно заставит власти прекратить использование психиатрического лечения в тех случаях, когда судебные разбирательства неудобны режиму»³¹.

Особое внимание к злоупотреблениям психиатрией в СССР было привлечено после того, как 28-летний диссидент Владимир Буковский передал на Запад

более 150 страниц документов на эту тему. Среди документов были официальные результаты освидетельствования шести инакомыслящих. Комиссии, состоявшие из советских психиатров, признали их больными и приговорили к лечению в психиатрических клиниках*. Буковский просил западных психиатров высказаться, «действительно ли заключения этих комиссий содержат достаточные, научно обоснованные данные, на основании которых освидетельствованным лицам можно поставить диагноз: психическое заболевание, и следует ли полностью изолировать их от общества». Он также попросил, чтобы вопрос о советской психиатрии был поставлен на предстоящем международном конгрессе психиатров⁺.

* Шесть диссидентов, документацию на которых переслал Буковский, были Владимир Борисов, Виктор Файнберг, Наталья Горбаневская, Петр Григоренко, Виктор Кузнецов и Иван Яхимович.

⁺ 16 сентября 1971 года, в ответ на просьбу Буковского, сорок четыре психиатра опубликовали в лондонской «Таймс» письмо, в котором говорилось, что «на основе сведений, содержащихся в этих заключениях, нижеподписавшиеся психиатры чувствуют необходимость выразить серьезные сомнения в законности принудительного лечения и содержания в условиях тюремно-психиатрических заведений упомянутых шестерых человек. ... Нам кажется, что диагнозы были поставлены только на основе последовательности действий, которыми они выражали основные свободы». Обзор материалов Буковского и западной реакции на них содержится в кн.: Sydney Bloch and Peter Reddaway, eds. *Psychiatric Terror*, Basic Books, 1977. P. 79–83.

29 марта 1971 года Буковского арестовали, уже не в первый раз. Он был насильно посажен в психиатрическую больницу еще в 1963 году (на 15 месяцев) и 1965 году (на шесть месяцев). В 1967 году он был приговорен к трем годам лагерей за протест против ареста соратников Александра Гинзбурга и Юрия Галанкова.

В феврале 1971 года, получив доклад Роя Медведева «О принудительных психиатрических госпитализациях по политическим мотивам», Комитет вплотную занялся этой проблемой. В докладе говорилось о пробелах в советских законах и других нормативных документах, касающихся принудительного лечения, и о врачебном произволе при определении диагноза психического заболевания. В особенности это касалось термина «вялотекущая шизофрения», которая, как утверждалось некоторыми советскими психиатрами, могла быть диагностирована и без выраженных симптомов.

Весной того же года Вольпин и Чалидзе написали свои комментарии к докладу Медведева, посвященные не только правовым, но и более общим вопросам психиатрической практики, например тому, как в психиатрических клиниках обращаются с людьми действительно больными. После нескольких обстоятельных дискуссий 3 июля 1971 года было выработано «Мнение комитета прав человека по проблеме лиц, признанных психически больными». В нем, среди прочего, говорилось:

«Комитет отмечает актуальность устранения существенных пробелов и усовершенствования законодательства об объеме и процедуре ограничения прав указанных лиц, дабы права человека, в сколь бы болезненном состоянии он ни находился или сколь бы он ни был умственно неполноценным, не ограничивались иначе, как в соответствии с законом в случаях, безусловно необходимых для защиты его основных прав и для защиты

прав других лиц и общественной безопасности. Комитет ... полагает необходимым дальнейшее изучение проблемы для конструирования конкретных рекомендаций, в частности в том, что касается организации процедуры оспаривания решений о правоспособности и дееспособности. ... Комитет... полагает важной разработку международных рекомендаций в этой области права»³².

Комитет настаивал на том, что нельзя подвергать принудительной госпитализации или лечению кого бы то ни было без тщательного соблюдения процедуры диагностики и соответствующих юридических процедур, что гуманное отношение должно быть проявлено к пациентам любых медицинских учреждений. Для этого Комитет рекомендовал ввести ряд необходимых юридических норм. В заключение говорилось:

«Комитет усматривает серьезную социальную опасность в том, что расширительное толкование понятия психической болезни и умственной неполноценности при несовершенстве процедуры оспаривания, при юридическом применении этого понятия может оказаться действенным инструментом ограничения прав отдельных лиц или прав отдельных групп лиц. Комитет особо отмечает опасность применения этого инструмента ограничения прав для попыток опорочения оригинальных или неортодоксальных научных, социальных, политических и философских идей посредством юридического признания их авторов психически нездоровыми и неспособными к интеллектуальному творчеству»³³.

Следующий шаг в кампании против злоупотребления психиатрией в СССР был предпринят в начале июля 1971 года, когда «Мнение» Комитета и ряд приложенных к нему убедительных документов были направлены в Комиссию законодательных предложений Верховного Совета СССР, министру здравоохранения и министру внутренних дел (в чьем ведении находились специальные психбольницы). 11 сентября Чалидзе распространил пресс-релиз, в котором вкратце излагал содержание документов о злоупотреблениях психиатрией, имеющих в распоряжении Комитета. Он опубликовал их полностью в 11-м номере своего самиздатского журнала «Общественные проблемы».

В июле 1971 года Комитет прав человека послал Всемирному конгрессу Международной ассоциации психиатров обращение, в котором просил об организации постоянных комиссий психиатров в разных странах мира для изучения комплекса проблем, касающихся прав лиц, объявленных психически больными. Эти комиссии должны были опубликовать результаты своих исследований и выработать международные нормы по защите психически больных³⁴. Однако и документация, предоставленная Буковским, и обращения Комитета прав человека были оставлены без внимания, на Пятом Всемирном конгрессе, проведенном в Мехико 28 ноября — 4 декабря, не последовало никаких санкций в отношении советской делегации.

Усилия Комитета обратить внимание зарубежных психиатров на репрессивную психиатрию в Советском Союзе на этом не завершились. Когда Всемирная конференция психотерапевтов, проходившая в Осло летом 1973 года, несмотря на большой объем информации и новые обращения, также не обратила внимания на эту проблему, Комитет прав человека 9 июля сделал негодующее заявление:

«Нам стало известно о решении Международного съезда психотерапевтов в Осло не принимать резолюции, осуждающей практику психиатрических госпитализаций по политическим мотивам в СССР и других странах Восточной Европы в связи с тем, что такая резолюция якобы может препятствовать «наиболее прогрессивному сейчас процессу сближения со странами Восточной Европы». Такое решение было принято, несмотря на многочисленные обращения к съезду от частных лиц, международных и национальных организаций.

Комитет считает необходимым высказать отрицательное отношение к этому решению съезда психотерапевтов. Многочисленные факты использования психиатрии в нашей стране для политических репрессий являются вопиющим варварством, к которому неуместно снисходительное отношение ни по каким прагматическим мотивам.

Мы приветствуем политику сближения стран с различным политическим устройством, но считаем, что это сближение должно быть обусловлено отказом сближающихся государств от возмущающих совесть

человечества акций, а не использовано для взаимного потворства их проведению»³⁵.

Три месяца спустя, 1 октября 1973 года Комитет выпустил документ, оказавшийся последним заявлением по этому вопросу:

«Комитет вновь обращает внимание общественно-го мнения на продолжающееся в нашей стране использование психиатрических учреждений в политических целях. Комитет отмечает, что лица, привлекаемые к ответственности в связи с их убеждениями, по-прежнему часто и даже в большем числе случаев, чем раньше, признаются психически больными и направляются на принудительное лечение, большей частью в специальные тюремные больницы. Мы твердо уверены, что в подавляющем большинстве случаев нет никаких медицинских оснований для подобных мер. Наша уверенность основана на множестве прямых и косвенных доказательств. Уже сам факт исключительной распространенности этой формы репрессий очень показателен. В ряде случаев мы располагаем документальными, в других — достоверными устными свидетельствами того, что именно убеждения и ничто иное рассматриваются экспертами в качестве доказательства болезни. Во многих случаях известны копии актов экспертиз, которые сами могут рассматриваться как доказательства подобного предвзятого и недобросовестного подхода. В свое время серию таких экспертиз передал на Запад Буковский, вскоре ставший объектом судебной мести за это разоблачение. ... Комитет отмечает, что лица, направленные на принудительное лечение, практически не имеют

никакой защиты от необъективных экспертиз, от необоснованного, неограниченного продолжения госпитализации, от произвола, от жестокого и унижающего обращения»³⁶.

Члены Комитета и в дальнейшем продолжали предлагать конкретные меры для уменьшения самой возможности злоупотребления психиатрией и обращались за помощью к западным психиатрам и их профессиональным ассоциациям*.

Не только и даже не столько интерес Комитета к вопросам психиатрии вызвал гнев КГБ в первой половине 1971 года. В своем письме в ЦК партии, датированном 17 апреля, Андропов выражал особое недовольство растущим общественным признанием Комитета:

«Благодаря передачам западного радио и буржуазной прессы факт появления в СССР так называемого

* В августе 1977 года Шестой Всемирный конгресс Международной психотерапевтической ассоциации в Гонолулу вынес порицание в отношении безнравственных действий советских психиатров и создал Рассматривающую комиссию для расследования злоупотреблений психиатрией, где бы они ни происходили. В результате постоянной критики Советское психиатрическое общество вышло из Международной психиатрической ассоциации в январе 1983 года. Через пять лет, в январе 1988 года, после того как к власти пришел Горбачев, Советский Союз принял новые законы о лечении психически больных. На их основе контроль за специальными психиатрическими клиниками был передан из ведения МВД в ведение Министерства здравоохранения, расширено право оспаривать назначение принудительного лечения, а помещение «психически здорового» человека в больницу стало рассматриваться как преступление.

«Комитета» приобрел настолько широкую огласку, что на него смотрят как на некую реальную «политическую силу». Слухи о нем стали муссироваться и в нашей стране. В адрес «Комитета», а также непосредственно на имя Сахарова пошел поток писем из разных городов Советского Союза с выражением удовлетворения по поводу создания в СССР такой «организации». Авторы писем предлагают «Комитету» установить контакты, сотрудничество и оказать ему всяческую помощь, вплоть до материальной. Подавляющая часть корреспонденции, поступающая от советских граждан, содержит жалобы на действия местных органов, приговоры судов и т.п.»

Тревогу КГБ также вызывало желание Сахарова встретиться с высшим руководством партии:

«В течение длительного времени Сахаров прилагает усилия, чтобы добиться встречи с руководителями КПСС и Советского правительства, и подготовил так называемую «памятную записку», которую намерен использовать для беседы в инстанциях. В этой записке, в частности, Сахаров проводит мысль, что наша страна придет «к казарменному, бюрократическому, стратифицированному, лицемерно-догматическому и демагогическому, военно-националистическому и авантюристическому обществу лжесоциализма»... Записка была направлена Сахаровым в инстанции 5 марта с.г., он намерен через Чалидзе передать ее иностранным корреспондентам для публикации за рубежом.

... Совместно с Чалидзе Сахаров продолжает активно обсуждать различные варианты своей будущей

беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Стараясь представить ход этой беседы, Чалидзе спрашивал, например, Сахарова, не сожалеет ли он о том, что связался с Чалидзе, который «не пользуется марксистско-ленинским методом». Сахаров ответил: «Нет». Чалидзе, развивая свою мысль, заявил, что ему ведь могут сказать в ЦК: «Кем вы были и кем вы стали, с кем вы были связаны и с кем связались?!» Сахаров возразил: «Не скажут»».

В «Памятной записке» Сахарова, оказавшейся в конце концов на Западе, совсем не говорилось, что Советский Союз придет «к казарменному, бюрократическому, стратифицированному, лицемерно-догматическому и демагогическому, военно-националистическому и авантюристическому обществу лжесоциализма». На деле «Памятная записка» была конструктивным и сдержанным по тону документом, хотя в «Послесловии», добавленном в 1972 году, Сахаров отмечает, что советское общество «заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью»³⁷ и критикует госаппарат за то, что он держится за привилегии, оставаясь равнодушным к нарушениям прав человека и разрядке международной напряженности. В «Воспоминаниях» Сахаров так рассказывает об истории создания и публикации этого документа:

«Первые месяцы 1971 года я усиленно работал над «Памятной запиской», а Чалидзе одновременно писал приложение к ней «О преследованиях по идеологическим причинам». Формально «Памятная записка» была по-

строена как конспект или тезисы предполагаемого разговора с высшим руководством страны (я как повод использовал переданное мне секретарем предложение Брежнева о встрече) — эта форма представлялась мне удобной для краткого и четкого, без каких-либо литературных красот и лишних слов, изложения в виде тезисов программы демократических (плюралистических) реформ...

Приложение, написанное Валерием, содержало описание многих конкретных случаев политических репрессий (в основном, по материалам «Хроники текущих событий»). ... Я отредактировал и в нескольких пунктах дополнил то, что написал Валерий.

В марте оба документа с сопроводительной запиской, объясняющей их появление, были отосланы через экспедицию ЦК КПСС на имя Л. И. Брежнева. В сопроводительной записке также сообщалось об организации Комитета прав человека и подчеркивался конструктивный и лояльный характер его деятельности. Я решил не публиковать «Памятную записку» год или даже больше, чтобы дать формальную возможность ее рассмотрения и ответа. В течение 1971 года я несколько раз звонил в разные отделы ЦК КПСС и спрашивался о судьбе «Записки», но никто ничего мне не мог сообщить. Единственным сколько-нибудь содержательным был разговор с главным помощником Брежнева А. М. Александровым. Он сказал, что моя «Записка» получена; поскольку в ней затрагиваются разные темы, то она разделена на части, которые изучаются в различных отделах ЦК. Через месяц-два мне будет дан ответ. Когда

же я, не получив ответа, пытался позвонить еще раз, то я просто уже не мог никому дозвониться — несмотря на многократные попытки.

Летом 1972 года я опубликовал «Памятную записку», передав ее иностранным корреспондентам и в самиздат; я снабдил ее «Послесловием», в котором содержатся комментарии к «Записке» и некоторые принципиальные исправления»³⁸.

Но, возможно, самой шокирующей для советского руководства была содержавшаяся в письме Андропова информация о стремлении Комитета наладить связь с западными неправительственными организациями:

«Созданный ими т.н. «Комитет прав человека» в настоящее время установил и поддерживает телефонную связь с Цукерманом, бывшим сотрудником НИИ химреактивов, выехавшим на постоянное жительство в Израиль. Чалидзе и Сахаров предполагают использовать связь с Цукерманом для установления прямых контактов «Комитета прав человека» в СССР с аналогичными зарубежными организациями».

Открытки, сообщающие об основании Комитета, и пакет основных документов Чалидзе направил в три адреса за границей: в Международную Лигу прав человека в Нью-Йорке, Международному институту прав человека в Страсбурге, чьим руководителем был нобелевский лауреат Рене Кассен, и Федерации прав человека в Париже*.

Первый прямой контакт с международной неправительственной организацией помог установить выехавший в Америку 30-летний москвич Леонид Ригерман, специалист в области вычислительной техники. Хотя он родился в СССР, родители его были американские граждане. Тем не менее только после долгих мытарств и унижений, после специальных ходатайств американского правительства он в феврале 1971 года получил наконец подтверждение своего американского гражданства и улетел в Нью-Йорк.

Уже в Америке Ригерман написал письмо Роджеру Болдуину, основателю Американского союза граж-

* Об этих организациях Чалидзе узнал из кратких описаний в книге «Международные неправительственные организации», вышедшей в Москве в 1967 году.

данских свобод и почетному президенту Международной Лиги прав человека. Он писал о необходимости установить взаимодействие с Комитетом прав человека в Москве:

«Господин Чалидзе и члены его Комитета всячески поддерживают идею творческого сотрудничества с западными учеными и организациями, но только в том случае, если организации эти не находятся под правительственным патронажем, не преследуют политических целей и не намереваются нанести ущерб Советскому Союзу. Такое сотрудничество могло бы заключаться во взаимной переписке, в обмене мнениями по насущным вопросам прав человека и международного законодательства, в обсуждении научных работ, в посещении западными учеными членов Комитета и т.д.

Печально, что сегодня многие западные ученые отказываются налаживать контакты с Комитетом, опасаясь навлечь на него гнев вышестоящих лиц. Устаревшее представление о репрессиях, которым будто бы подвергается каждый советский гражданин, имеющий связи с иностранцами, все еще живо в умах Запада. Стоит отметить, однако, что это представление крайне непопулярно среди людей вроде Чалидзе. Наоборот, он стремится к контактам и верит в то, что, помимо обоюдного полезного обмена идеями, такое сотрудничество только укрепит позицию Комитета в стране. Власти в Советском Союзе напуганы нарастающей на Западе волной симпатии к известным советским борцам за гражданские права. Режиму намного проще преследовать человека, не имеющего контактов с За-

падом, чем тех, кто такие контакты установил и чье преследование может вызвать негативную реакцию на Западе.

Творческое сотрудничество с Западом нужно Комитету не только как защита от советских чиновников. Такое сотрудничество имеет самостоятельную ценность. Советское общество много лет было закрыто для Запада, а Чалидзе и его коллеги могут рассказать нечто такое, о чем даже самые информированные западные аналитики не имели представления. Конструктивные предложения Комитета по международному сотрудничеству взвешены и вполне приемлемы для Запада. И в то же время само существование Комитета противоречит распространенному мнению о тотальном запрете даже на самые невинные виды общественной деятельности.

Деятельность Чалидзе дает надежду на возможность преобразования советского общества изнутри посредством медленных социальных изменений. Это попытка реформировать Советский Союз, превратить его в государство с более предсказуемой политикой, склонить власти к строгому соблюдению законов. Если это произойдет, граждане будут иметь возможность контролировать свое правительство и не допустят использования великого потенциала страны в целях разрушения»³⁹.

Здесь, пожалуй, уместны личные воспоминания автора данного очерка о деятельности Московского Комитета прав человека, поскольку мое непосредственное участие в делах Комитета началось именно с

приезда Леонида Ригермана в Америку. Вскоре после его прибытия в Нью-Йорк мы познакомились, и я с радостью согласился помочь ему установить контакты с Международной Лигой прав человека. Я выяснил, что офис Лиги находится на United Nations Plaza, 777. Председателем Лиги был Джон Кэри, в то время адвокат в фирме «Братья Кудерт» (позже он стал судьей в графстве Вестчестер). После встречи с Ригерманом Кэри, не откладывая в долгий ящик, решил сразу откликнуться на предложения Комитета и позвонить Чалидзе. Поскольку бюджет Лиги был весьма скромным, я вызвался оплатить международные звонки. Весьма характерно, что Кэри согласился на это только после того, как ознакомился с финансовой отчетностью фирмы «Братья Клайн», и убедился, что оплата счетов не будет производиться из правительственных средств или за счет учреждений, финансируемых правительством.

Кэри звонил Чалидзе каждую неделю, вплоть до его отъезда из Москвы в ноябре 1972 года. Разговоры велись обычно из офиса фирмы «Братья Кудерт». Ригерман переводил. Я присутствовал почти при всех этих разговорах... Часто невозможно было дозвониться, хотя звонки заказывались за сутки. Иногда телефон Чалидзе вообще не отвечал, иногда звонки прерывались. Когда соединение было нормальным, Чалидзе и Кэри обменивались новостями о работе Комитета и Международной Лиги.

В апреле 1971 года Кэри предложил Чалидзе сделать Комитет аффилированным членом Лиги и обри-

совал выгоды такого статуса. Предложение было принято: 29 апреля члены Московского Комитета проголосовали за присоединение, а 23 июня руководители Международной Лиги приняли нового коллективного члена в свою организацию. 29 июня на пресс-конференции, проведенной по соседству со зданием ООН, Кэри объявил о новом статусе Московского Комитета прав человека:

«Лига считает присоединение Комитета прав человека исторически важным событием, которое, будем надеяться, не только послужит улучшению отношений и культурному и научному обмену между Востоком и Западом, но и повысит шансы на мир и безопасность во всем мире. Права человека могут быть гарантированы только в атмосфере доброй воли и мирного сосуществования. Цели, задачи и регламент Комитета были выдвинуты в декларации от 4 ноября 1970. Совет директоров Международной Лиги внимательно изучил декларацию и нашел, что она соответствует целям, задачам и направлениям деятельности Лиги. Обе организации являются неполитическими и неправительственными, и их единственная забота состоит в соблюдении прав человека по всему миру»⁴⁰.

Кэри подчеркнул, что Московский Комитет не является антиправительственной организацией, но, напротив, ищет возможности помочь советским официальным лицам в деле соблюдения и защиты прав человека в условиях советской политической системы.

Среди немногих журналистов, побывавших на пресс-конференции, была Кэтлин Телч. 30 июня «Нью-Йорк таймс» опубликовала ее репортаж под заголовком «Ассоциация прав человека заявляет о присоединении группы советских правозащитников». В репортаже среди прочего упоминалось, что на пресс-конференцию пришел некто Мартынов, гражданин СССР, якобы переводчик в ООН. Он задал единственный вопрос: «Какое минимальное число членов допускает Лига в аффилированных организациях?» Вопрос был провокационным. Мартынов явно надеялся, что число это придет в противоречие с советским постановлением 1932 года, согласно которому организации, насчитывающие более десяти человек, обязаны официально зарегистрироваться. (Как мы помним, об этом постановлении прокурор Емельянов предупреждал Чалидзе в феврале.) Кэри быстро разбил надежды Мартынова, отметив, что у Лиги нет на этот счет определенных требований.

В моем архиве сохранились заметки анонимного наблюдателя, сделанные по свежим впечатлениям и касающиеся присоединения Московского Комитета к Международной Лиге прав человека:

«Тот факт, что пресса в большинстве своем проигнорировала объявление о присоединении, свидетельствует о непонимании важности этого исторического события. В первый раз в истории СССР неправительственная, неполитическая организация смогла через советскую границу дотянуться до международной организации по правам человека. По поводу присоединения

Комитета задают обычно два вопроса. Первый звучит так: «В чем же важность этого события? У Лиги много подразделений в разных странах, теперь пришла очередь и Советского Союза». Второй такой: «Каким образом организация, не финансируемая и не поддерживаемая правительством, может возникнуть и функционировать в СССР? Каким образом она избежит уничтожения, а ее члены — преследований?»

Эти вопросы отражают две крайности непонимания: первая игнорирует тоталитарное прошлое России и Советского Союза, во второй проявляется тенденция проецировать это прошлое на настоящее и даже на будущее. Во втором вопросе чувствуется негативный и, возможно, подсознательно пессимистический взгляд на Советский Союз как на вечное тоталитарное общество.

В контексте борьбы за существование Московского Комитета первый вопрос звучит по меньшей мере наивно, а успех этой борьбы в будущем, надеемся, сделает второй вопрос излишне пессимистическим».

Из заявления, сделанного Чалидзе 30 марта 1971 года, видно, что для пессимизма были причины:

«29 марта у меня работниками КГБ был произведен обыск с целью изъятия антисоветских материалов.

В процессе обыска в качестве антисоветских были изъяты, в основном без описи, несколько тысяч листов документов, касающихся исключительно науки, прав человека и защиты прав в нашей стране, в том числе тексты Конвенций ООН по правам человека и текст Всеобщей Декларации прав человека; архив Комитета прав человека; деловая правозащитная переписка моих

друзей, прибежавших к обсуждению со мной своих трудностей; философские и правовые статьи, в том числе переводы из международного журнала прав человека Рене Кассена; подшивка издаваемого мной общественно-юридического журнала «Общественные проблемы». Если такие материалы КГБ считает антисоветскими, то трудно судить, что эта организация считает советским.

Если тема прав человека — тема запретная, то я могу ожидать любой репрессии, ибо я активно занимаюсь этой темой. Разумеется, я готов к любой репрессии»⁴¹.

Поводом для обыска был визит бельгийского студента-юриста Хьюго Себрехтса. Себрехтс по поручению Фламандского комитета солидарности с Восточной Европой приехал налаживать контакты с московскими диссидентами и собирать самиздат для публикации за рубежом. К Чалидзе его привел Владимир Буковский, и бельгиец оставил свои письменные вопросы о Комитете прав человека. Через несколько дней они вместе с Буковским зашли снова — за ответом. Вопросы касались правового статуса Комитета, его задач, отношений с официальными лицами, поддержки в обществе и т. д. Себрехтса арестовали 28 марта сразу после посещения Чалидзе. Ему предъявили обвинение в контрабанде антисоветской литературы и сборе информации для НТС*. Буковского арестовали 29 марта, в день обыска у Чалидзе.

* Народный трудовой союз, националистическая организация, основанная русскими эмигрантами в Югославии в 1930 году.

30 марта Сахаров направил письмо министру внутренних дел Николаю Щелокову с требованием освобождения Буковского⁺. «Я обеспокоен, — писал также Сахаров в своем письме, — обыском в комнате моего коллеги по Комитету прав Человека В. Н. Чалидзе, при котором под видом антисоветских документов изъяты архив Комитета и многочисленные материалы, необходимые для нашей научно-юридической работы»⁴².

Вскоре после обыска Чалидзе несколько раз вызывали на беседы в КГБ, где ему задавали вопросы о встречах с Себрехтсом. 9 апреля Чалидзе привезли в лефортовскую тюрьму на очную ставку с Себрехтсом, который покался в своих «грехах»*. Вскоре после этого Себрехтса освободили и выслали из Советского Союза.

19 апреля в газете «Известия» появилась статья «Под фальшивой личиной», в которой объектом нападок стала организация, направившая Себрехтса в СССР. Чалидзе в ней напрямую не упоминался, но

⁺ В своих воспоминаниях Сахаров пишет: «Я видел Владимира Буковского только один раз, дней за десять до его ареста. Он пришел на заседание Комитета вместе с одним из лидеров движения месхов. ... Комитет в это время готовил документ о правах переселенных народов — поэтому эти сообщения были нам очень важны. Буковский явно с большим уважением относился к Комитету как к новой форме коллективной гласности. На меня он произвел хорошее впечатление — умного и энергичного человека». (Воспоминания, с. 467).

* Признания Себрехтса были использованы обвинителями в процессе Буковского (1972).

люди сведущие понимали, что именно ему адресованы содержащиеся в тексте обвинения в пособничестве западным разведкам:

«...Уже не составляет большого секрета ... существование у «Фламандского комитета» прямых контактов с НТС, этим осиным гнездом шпионажа и диверсий, направленных против Советского Союза и других социалистических стран. Не случайно, конечно, лазутчики «Комитета» в числе антисоветских материалов усиленно пытаются распространять энтезсовские издания.

Что же остается от фиговых листков «борцов за права человека», «идеалистов, далеких от политики», которыми пытаются прикрыть свою духовную наготу, свое моральное убожество господ-«филантропы» из «Фламандского комитета» и ему подобных организаций? Остается очевидная и становящаяся все яснее для мировой общественности роль антисоветских рупоров и подрывных центров, действующих в тесной координации, постоянно обменивающихся информацией и финансирующихся зачастую из тех же источников, которые субсидируют деятельность западных разведслужб и различных радиоголосов. ...

Выпутаться из их сетей не так просто, очень легко увязнуть, стать разменной монетой в той «холодной войне», которую ведут против нашей страны международные империалистические круги»⁴³.

В своих заявлениях, адресованных КГБ и другим организациям, Чалидзе твердо настаивал на том, что не был связан ни с НТС, ни с «Посевом» (издательст-

вом этой организации). Тем не менее советские чиновники и пресса продолжали обвинять диссидентов в сотрудничестве с западными разведками и антисоветскими эмигрантскими группами.

В то время как КГБ делал все, чтобы дискредитировать и уничтожить Комитет прав человека, с просьбой о приеме в его члены обратился Игорь Шафаревич, профессор математики МГУ, ученый с мировым именем. Вот как об этом в своих «Воспоминаниях» пишет Сахаров:

«Игорь Ростиславович Шафаревич, математик, член-корреспондент Академии наук СССР... подошел ко мне во время Общего собрания Академии весной 1971 года и спросил, может ли он принять участие в работе Комитета: его в особенности волнуют нарушения прав человека, которые посягают на его духовную сущность, в их числе психиатрические и религиозные преследования»⁴⁴.

На заседании 20 мая Шафаревич был единогласно принят четвертым членом Комитета. Английский журналист Дэвид Бонавиа в своей книге 1972 года пишет о Шафаревиче: «Приятный человек с широким кругозором, хорошо говорит по-английски (бывал за границей), готов открыто обсуждать, например, такую проблему, как сравнительное высшее образование, — советские интеллектуалы редко говорят об этом с иностранцами, боясь, что скажут что-нибудь не то и на них донесут. Шафаревич подписывает документы с выражением протеста, посещает диссидентские собрания, но его, по-видимому, за это не

преследуют *. В 1971 году, несмотря на его связь с Комитетом прав человека, он был переизбран в члены Комитета по присуждению Ленинских премий».

17 июля Комитет прав человека получил поддержку от нобелевского лауреата Рене Кассена, который позвонил Чалидзе из Страсбурга и предложил Комитету стать коллективным членом Международного института прав человека. Чалидзе выразил уверенность, что предложение будет принято: членам Комитета необходимы научные контакты со специалистами Международного института. Кассен также спросил, можно ли в журнале института опубликовать некоторые статьи из «Общественных проблем», и Чалидзе тут же назвал своего литературного агента — Леонида Ригермана.

19 августа члены Комитета проголосовали за присоединение и к Международному институту прав человека.

Контакты Московского Комитета с Международной Лигой в защиту прав человека и другими международными организациями отслеживались КГБ. Глава Пятого управления ** Филипп Бобков написал памятную записку об этих контактах, переданную Юрием Андроповым 23 августа 1971 года Михаилу Суслову, главному идеологу Кремля:

* Еще в 50-е годы Шафаревич получил предупреждение от КГБ.

** В задачи Пятого управления КГБ входила борьба с инакомыслием и инакомыслящими.

«Международная Лига прав человека» основана в 1941 году в США. ... «Лига» призвана «содействовать осуществлению гарантий политических свобод не только в отношениях между государствами, но в особенности соблюдения их внутри государств».

В действительности деятельность «Лиги» под влиянием реакционных кругов зачастую принимает ярко выраженный антисоветский, антикоммунистический характер. ...

По поводу вступления «Комитета» в «Лигу» Чалидзе на очередном сборище участников «Комитета» заявил, что «впервые за полвека какая-то неправительственная, не руководимая партией и правительством, общественная ассоциация не только смогла продержаться больше полгода, но и смогла завязать контакты с заграницей». ...

Зафиксированы также попытки Чалидзе установить деловые контакты с рядом других зарубежных организаций («Международная Амнистия», «Международный фронт» и другими). Как видно, участники «Комитета» путем установления контактов с зарубежными организациями стремятся поднять авторитет перед международной общественностью, укрепить положение «Комитета» внутри страны. Участившиеся контакты Чалидзе с зарубежными визитерами свидетельствуют о том, что враждебные пропагандистские центры проявляют заметно увеличивающийся интерес к «Комитету»».

С момента создания Комитета его члены весьма активно выступали за соблюдение статьи 13 Всеобщей Декларации прав человека, провозгласившей право «покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну». Сахаров, в частности, был убежден, что соблюдение права на поездки за рубеж или на проживание за рубежом может подтолкнуть демократические изменения в области политики, общественной жизни и экономики. С помощью Елены Боннер он пристально следил за судебным разбирательством по делу Эдуарда Кузнецова и десяти его сообщников, пытавшихся 15 июня 1970 года захватить в ленинградском аэропорту самолет и угнать его в Швецию. В результате неудачной попытки захвата было арестовано около сорока человек, большинство из них — евреи, активные члены движения за эмиграцию в Израиль. 24 декабря Кузнецов и несостоявшийся пилот Марк Дымшиц были приговорены к смертной казни. Вскоре после этого, 27 декабря, Чалидзе, Твердохлебов, Вольпин, Цукерман и Ригерман (тогда еще живший в Москве) направили письмо Председателю Верховного Совета СССР Николаю Подгорному. Они просили отменить

смертные приговоры и признать право на эмиграцию. 28 декабря Сахаров от своего имени отправил два письма: в одном, адресованном Ричарду Никсону, он просил о «полностью беспристрастном» и «гуманном» суде над американской коммунисткой Анжелой Дэвис, обвинявшейся в соучастии в вооруженной попытке освобождения нескольких заключенных в Калифорнии; в другом письме, обращенном к Николаю Подгорному, содержалось ходатайство об освобождении Кузнецова и Дымшица на том основании, что их преступление не представляло опасности для чьей-либо жизни, а сама попытка угона была спровоцирована нарушением советскими властями «прав десятков тысяч евреев на выезд из страны». 30 декабря Сахаров посетил состоявшееся в Москве заседание кассационного суда, на котором рассматривались кассационные жалобы Кузнецова и Дымшица. Смертный приговор был заменен пятнадцатью годами заключения.

В своем письме, отправленном 20 мая 1971 года в Президиум Верховного Совета, Валерий Чалидзе, строго исходя из правовых принципов, рассматривал и неудавшийся захват самолета, и последовавшие за ним аресты и суды над евреями, желавшими покинуть СССР. Уильям Кори, автор ряда книг о положении евреев в СССР, посчитал письмо Чалидзе свидетельством готовности советской интеллигенции «биться на стороне тех, кто желает эмигрировать». В своей книге он суммирует аргументы Чалидзе:

«Единственной целью обвиняемых на «самолетном»

процессе был «протест против незаконных отказов в выдаче виз для репатриации», утверждает физик. Чалидзе отрицает обвинения во враждебности к советскому строю и желании ослабить или подорвать Советскую власть. «Для них наиболее важным является принцип невмешательства в дела здесь. У них есть одна цель — уехать в Израиль, и они соблюдают принцип невмешательства столь последовательно, что зачастую подвергаются критике теми, кто озабочен защитой прав человека в нашей стране».

Отметив, что официальная пропаганда распространяет «враждебные и бездоказательные сообщения» о сионизме и что советская пресса изображает сионизм «реакционным» и «практически фашистским» политическим течением, Чалидзе пишет: «... сионизм — не более чем идея еврейской государственности. Достояния восхищения целеустремленность древнего и угнетенного народа, которому в очень сложных обстоятельствах удалось возродить давно исчезнувшее государство. Суть сионизма заключается в таком возрождении и сглаживании трагических последствий рассеяния еврейского народа».

Чалидзе считает право покинуть страну одним из основных прав, а действия властей оценивает как «незаконные», «произвольные», «не имеющие оснований в законодательстве». Чалидзе считает, что «нарушения» «естественного права людей покинуть любую страну» привели к «угнетению евреев», к тому, что их насильно удерживают. Призывая покончить с «угнетением» и «оправдать» уже приговоренных и тех, кому

грозит суд, он попросил Президиум «принять во внимание законность желания репатриантов эмигрировать» и прекратить уголовное преследование»⁴⁵.

Сахаров и Твердохлебов подписали небольшое заявление, в котором поддержали доводы Чалидзе и потребовали свободы эмиграции и помилования для осужденных за попытку реализовать право выезда из страны.

В письме от 31 мая, адресованном главам правительств Израиля и СССР, Чалидзе рекомендует наладить прямые дипломатические отношения между странами для того, чтобы решить проблему воссоединения разделенных еврейских семей*. Чалидзе также направил письмо Генеральному секретарю ООН У Тану с просьбой способствовать переговорам по вопросу прав человека между СССР и Израилем.

С открытым обращением по проблеме эмиграции к Президиуму Верховного Совета 20 сентября обратился Сахаров. Его обращение более широко охватывало проблему, чем письмо Чалидзе, затрагивавшее в основном вопросы еврейской эмиграции. Под документом стояла подпись: «Член Комитета прав человека, академик А. Сахаров».

«Судебные процессы последних месяцев вновь напомнили о трагических коллизиях, возникающих в связи с трудностями выезда из СССР граждан, желающих пе-

* Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем в июне 1967 года, сразу после Шестидневной войны. Они были восстановлены только в 1990 году.

реселиться в другую страну, о правовых, социальных, психологических и политических аспектах этой проблемы.

Советские граждане как еврейской, так и многих других национальностей — русские, украинцы, немцы, армяне, литовцы, латыши, эстонцы, турки-месхи и др., стремящиеся к выезду по личным, национальным или иным причинам, годами получают необоснованные отказы, которые для многих превратили жизнь в непрерывную пытку ожиданием.

Есть и другая сторона проблемы. Не может не волновать судьба тех, кто, потеряв надежду на удовлетворение своих стремлений в рамках закона, решились на его нарушение в той или иной форме. Многие из этих людей осуждены на длительные сроки заключения в лагерях и тюрьмах или обречены на ужас принудительного психиатрического лечения, в том числе и в местах с таким суровым режимом, как Днепропетровская специальная психиатрическая больница и ей подобные. ...

Наконец, есть и еще одна сторона проблемы. Лица, стремящиеся (обычно безуспешно) к выезду, в силу бытующих в нашем обществе предрассудков, традиций и конформизма, оказываются при этом как бы в положении граждан второго сорта в отношении реализации ряда своих прав. ...

Рассматривая перечисленные стороны проблемы в целом, я хотел бы подчеркнуть, что гуманное, справедливое решение затронутых вопросов было бы очень важно для дальнейшей демократизации нашей страны, для окончательного преодоления ее международной изоля-

ции, для встречного обмена людьми и идеями, для защиты прав человека — этой первичной и основной ценности социально-государственной структуры. Свобода выезда, которой реально воспользуются лишь немногие, является необходимым условием духовной свободы для всех. Свободная страна не может уподобляться клетке, пусть даже и позолоченной, с хорошим кормом. ...

Необходимо добиваться принятия законодательных актов, решающих проблемы выезда в демократическом духе: каждый, кто хочет, должен иметь возможность уехать, а если его желание изменится, беспрепятственно вернуться — в соответствии с признанными повсеместно правами человека»⁴⁶.

В этом обращении к советским руководителям, как и в большинстве его предыдущих заявлений, Сахаров призывает их к сотрудничеству, а не к конфронтации. Многие считали это всего лишь тактической уловкой со стороны ученого и его товарищей по Комитету. Но есть свидетельства, что это не так. 17 апреля 1971 года к Сахарову домой пришел юрист Евгений Соловьев, инвалид войны, исключенный из партии. Запись их разговора легла в основу доклада Андропова Суслову, датированного 21 мая. Фрагменты этой беседы позволяют нам лучше понять, что думал Сахаров в 1971 году о политическом будущем Советского Союза:

«... Соловьев затронул тему о возможных изменениях в нашем обществе: «... Так никогда не было, чтобы свобода преподносилась на блюде... Обязательно должны быть жертвы... Революционный путь».

Сахаров: «Такие изменения должны происходить, но только медленно. Быстрые изменения никакой пользы не приносят... Жертвы и медленные, целенаправленные меры... Нет, революционный путь невозможен и нежелателен. Очень нежелателен ...»

Соловьев заявляет: «Не так плохо, если бы были изменения. Предположим такую вещь, что я захватил бы власть и арестовал всех членов Политбюро, гражданской войны не было бы».

Сахаров: «... Но, возможно, Вы вынуждены были бы вести ту же самую политику».

Высказывая мнение о допустимости многопартийной системы, Соловьев говорит о том, что «коммунистический режим поддерживает, очевидно, какая-то кучка людей, которые и сами в душе не верят в то, что они проповедают».

Сахаров: «Нет. Сейчас Коммунистическая партия настолько пропитала всю нашу страну, что любая попытка ее отвлечь (так в оригинале документа — ред.) означала бы разорвать живую ткань. Это уже кровопролитие, совершенно неминуемо. Нельзя себе представить такого мгновенного изменения, которое бы не развязало необычайно разрушительные силы в нашем обществе. Начнутся погромы, ... национальные волнения. Любое нарушение существующей структуры такое быстрое, без изменения подготовленного, оно будет ужасно.

И это очень чревато международными опасностями, интервенцией и чем угодно. Поэтому покушаться на систему в смысле мгновенных насильственных мер

невозможно, совершенно недопустимо по своим последствиям...

Заменить только верхушку? — Нет, это немыслимо. У нас все это взаимосвязано..., все между собой перепутано...»

Соловьев и Сахаров затрагивают далее вопрос о парламентской республике и конституционной монархии; возвращаются к причинам Октябрьской революции, говорят о возможности существования «оппозиционной партии». Соловьев по существу прямо высказал антисоветские и антипартийные взгляды.

Сахаров в ответ заявил, что исторически неизбежными были и Октябрьская революция, и приход к власти большевиков.

«... Реальность наша заключается в том, что у нас имеется Коммунистическая партия, которая не отдаст власти никогда... Она сильна своей дисциплиной, которая по-прежнему достаточно серьезна... Коммунистическая партия себя не только компрометирует. Она на самом деле выполняет гораздо более серьезную роль в обществе, чем любая правящая партия в буржуазной двухпартийной системе.

Поэтому она пользуется не только ложным, пропагандистски раздутым авторитетом, но у нее есть и реальный авторитет...

... Я против бурных перемен. В этом отношении рабочий класс действует правильно. Вы говорите, что если будет оппозиционная партия с маленькой газетой, то она получит больше голосов на свободных выборах, — может быть, она получит довольно много голосов, но не

настолько, чтобы взять верх. Я бы даже не хотел, чтобы она взяла верх, если уж говорить совсем откровенно. Потому что, по-моему, это будет означать некоторую безответственность в какой-то мере. Коммунистическая партия совершила много плохого у нас, но она все-таки взяла на себя ответственность за нашу страну. Она эту ответственность на себе тащит».

6 июля 1971 года Андропов отправил Суслову запись состоявшегося в таком же ключе разговора между Сахаровым и Юрием Трутневым, коллегой Сахарова по Арзамасу-16:

«В настоящее время перед «Комитетом», по словам Сахарова, «стоит вопрос о том, чтобы войти в контакт с международным движением «прав человека»... с целью изучения, пропаганды и консолидации общественного мнения в данном вопросе».

На вопрос Трутнева о конечной цели, которую преследует «Комитет», Сахаров ответил: «Более высокий уровень законности в Советском Союзе... Мы не обладаем властью... Обычно все уголовные дела освещаются в прессе, и в результате этого существует общественное мнение. Но будьте любезны, чтобы законы исполняли не только граждане, но и все деятели. Мы за то, чтобы государство исполняло свои собственные законы».

На замечание Трутнева о том, что заниматься наблюдением за исполнением законов можно и в рамках существующих партийных и других организаций, Сахаров ответил: "Было бы очень хорошо, если бы они с нами сотрудничали, но, несмотря на ряд писем, направ-

ленных в инстанции, со мной никто не желает разговаривать или же просто ответить письменно... Таким образом, у нас единственная возможность добиться гласности — это посылка документов за границу, и это единственный способ вызвать какую-то реакцию».

Косени 1971 года Сахаров был уже основательно вовлечен в диссидентское движение. С помощью Елены Боннер, на которой он женился 7 января 1972 года (свидетелем во время регистрации брака был Твердохлебов), у Сахарова установились дружеские отношения с Владимиром Максимовым, Александром Галичем, Юрием Шихановичем и другими диссидентами и близкими к диссидентам людьми. Вскоре после женитьбы Сахаров помог Татьяне, дочери Боннер, и ее мужу Ефрему Янкелевичу с переездом на новую квартиру*. В «Воспоминаниях» Сахаров размышляет о раннем периоде диссидентского движения:

«Это было, как кажется сейчас, время не замутненных ничем личных и общественных взаимоотношений в «диссидентском» кругу. Конечно, в какой-то мере впечатление «незамутненности» есть результат перспективы, но, несомненно, что-то изменилось с тех пор. Большинство диссидентов работало тогда на госу-

* Е. Янкелевич стал представителем Сахарова за рубежом после того, как эмигрировал с Татьяной и детьми в 1977 году.

дарственной службе — их еще не выгнали, и это было единственным источником их существования; из своих небольших доходов они еще ухитрялись собирать деньги для помощи другим — дополняя их заработками от работы в субботу и воскресенье. Чтобы иметь возможность без прогула присутствовать у дверей судов над друзьями, многие сдавали кровь — за это полагаются свободные дни, отгулы. Никому не приходило даже в голову делить своих друзей на «христиан», или «сионистов», или «правозащитников». Эти разделения наметились только потом Никто из диссидентов не стал еще своего рода «профессионалом» (я не хочу никого упрекать сейчас — причиной появления «профессионализма» являются жесточайшие репрессии властей: увольнения с работы, бесправное положение вышедших из заключения, вынужденная эмиграция и многое другое). В общем — период тот воспринимается как нечто молодое, чистое, нравственное. У дверей одного из судов Татьяна Михайловна Великанова сказала мне:

— Они (т.е. КГБ, вообще власти) не могут не чувствовать нашей моральной силы.

(А спустя 8—9 лет, незадолго перед арестом, она же воскликнула:

— Почему раньше не было так противно! Откуда полезло столько мерзости!

... Людей нравственно чистых, умных и самоотверженных среди теперешних диссидентов не меньше — и среди ветеранов, и среди молодых. Просто сейчас в ряде отношений стало трудней! А что в семье не без урода, такое бывает всегда.)

К 1972 году уже ясно определились основные принципы и формы борьбы за права человека, определились и основные цели и направления. С 1968 года регулярно издавалась «Хроника текущих событий» (сокращенно — ХТС). ... Основной принцип журнала — чисто информационный его характер, с сознательным исключением оценочных моментов. Несмотря на крайне сложные условия сбора материалов журнал стремится быть максимально точным и объективным; в тех случаях, когда удаётся выявить неточности, публикуются исправления. Эпиграфом к журналу (который повторяется в каждом номере) выбран текст ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Очевидно, что подобное издание принципиально не может быть клеветническим или преследующим подрывные цели. Однако именно клеветнический якобы характер журнала на протяжении более десяти лет выдвигается в приговорах судов в качестве основы для жесточайших репрессий людей, имевших отношение (часто даже весьма отдаленное) к ХТС. Ничего так не боются репрессивные органы, как этих скромных тетрадок из листков папиросной бумаги. В этом — доказательство значимости, неотразимости ХТС. Я действительно считаю, что «Хроника» — наиболее ясное и

значительное выражение духа борьбы за права человека, ее единственного метода — гласности, ее нравственной силы. ...

Очень большую роль в движении за права человека сыграла Инициативная группа по защите прав человека....»⁴⁷

Осенью 1971 года член Международной Лиги в защиту прав человека, нью-йоркский священник Дональд Харрингтон нанес визит Чалидзе. 2 октября 1971 года Андропов передал Сулову отчет об их встрече:

«Со стороны «Лиги» предпринимаются попытки установить личный контакт с членами «Комитета». 25 сентября сего года в Москву в качестве туриста прибыл американский священник Харрингтон, член Совета «Лиги», намеревающийся встретиться с членами «Комитета». Следует отметить, что Чалидзе отговорил Сахарова от встречи с Харрингтоном, мотивируя свою точку зрения тем, что органы госбезопасности могут причинить академику неприятности как «носителю государственных секретов». Сахаров согласился с доводами Чалидзе и решил уклониться от встречи с Харрингтоном.

Если по вопросу встреч Сахарова с иностранцами Чалидзе занимает правильную позицию, то, с другой стороны, он оказывает на академика отрицательное влияние в тех случаях, когда, по мнению Чалидзе, советские административные органы допускают факты «нарушений прав человека». Например, под влиянием Чалидзе Сахаров продолжает посещать судебные засе-

дания и информировать членов «Комитета» о ходе судебных процессов»⁴⁸.

По возвращении в Нью-Йорк Харрингтон написал о Комитете прав человека в «Нью-Йорк таймс»:

«Собрания Комитета происходят в скромной однокомнатной квартире председателя. Комитет ни от кого не прячется, наоборот, его члены очень хотят, чтобы существование и деятельность организации получили широкую огласку. На данный момент Комитет состоит из четырех смельчаков, известных советских ученых. В их число входит и Андрей Сахаров, чье эссе некоторое время тому назад наэлектризовало западный мир и дало основание надеяться на новую, более открытую общественную атмосферу в России.*

Сам факт существования Комитета очень важен для будущих отношений СССР с либеральным Западом. Деятельность Комитета есть свидетельство того, что в СССР есть граждане, стремящиеся на деле реализовать права, гарантированные советской Конституцией, и помочь в этом другим людям.

Члены Комитета не преследуют политических целей. Они не собираются менять правительство. Они не революционеры. Они намереваются действовать законным путем. Из всех сил они стараются популяризировать и реализовать на практике конституционно оформленные права человека в своей стране. Подобно

* Видимо, Харрингтону было трудно объяснить западному читателю, что такое комната в коммуналке и поэтому он использовал такое понятие, как «однокомнатная квартира». Да и «председателя», как известно, в Комитете не было. *Прим. переводчика.*

защитникам прав человека во всем мире, они надеются найти легальную возможность помочь тем, чьи права нарушены, — будь то крестьяне, лишённые паспортов, без которых невозможно перемещение по стране, или ученые, приговоренные к принудительному психиатрическому лечению из-за несогласия с политикой правительства. ...

Валерий Чалидзе подчеркивает свое желание оставаться вне политики, поддерживать Советскую Конституцию, способствовать окончательной ратификации Советским Союзом Соглашений ООН по правам человека. Он верит в то, что сейчас у правительства СССР достаточно сил и возможностей, чтобы дать обществу больше свободы. Чалидзе полагает, что его долг как патриота и человека — способствовать этому процессу. Если понадобится, Чалидзе и его коллеги готовы заплатить высокую цену. Если их прогноз в отношении правительства неверен, то за эту ошибку им, возможно, придется заплатить жизнью»⁴⁹.

Как отмечает Харрингтон, члены Комитета — и каждый по отдельности, и все вместе — часто обращаются к советским властям в поддержку граждан, пытающихся на деле реализовать свои права. В 1971 году Комитет получил ряд жалоб от православных верующих, от католиков, а также от правоверных иудеев — все они столкнулись с нарушением статьи 18 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей «свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным

или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов».

Чалидзе и Борис Цукерман потратили много времени и сил, оказывая поддержку православной общине, с 1968 года пытавшейся получить разрешение на открытие церкви в Наро-Фоминске. Дело было рискованное. За выступления в защиту этой общины член Инициативной группы в защиту прав человека Анатолий Левитин-Краснов (см. с. 151), сам православный христианин, автор многочисленных статей на церковные темы, был приговорен к трем годам лагерей. Ему предъявили обвинение в «клевете на советский строй» и «принуждении служителей церкви к нарушению закона об отделении церкви от государства». Сахаров присутствовал на суде над Левитиным-Красновым, состоявшемся 19 мая 1971 года. 12 августа Чалидзе, Твердохлебов, Сахаров, Шафаревич и Вольпин послали совместное обращение в Верховный Совет СССР с просьбой о помиловании Левитина-Краснова, а 7 декабря Чалидзе послал в Президиум Верховного Совета петицию по нарофоминскому делу⁵⁰.

В августе 1971 года за подготовку детей восьми и девяти лет к первому причастию был арестован католический священник Юзас Здебскис. По этому поводу Чалидзе послал протест в Президиум Верховного Совета Литвы. В октябре Чалидзе сообщил Генеральному секретарю ЮНЕСКО Рене Мэлло о деле Здебскиса, отметив, что в СССР отсутствует «необходи-

мая процедура применения норм Пакта против дискриминации в сфере образования»*.

Свои идеологические особенности имели дела свердловчанина Валерия Кукуя и одесситки Рейзы Палатник. Хотя в июне 1971 года каждому из них были предъявлены обвинения в распространении «антисоветского» самиздата, оказалось, что и Кукуй, и Палатник еще ранее подали заявления о выезде в Израиль, и было очевидно, что именно это и является основной причиной их судебного преследования, имевшего явный антисемитский оттенок. 16 июля Сахаров и Чалидзе обратились в Верховный Суд РСФСР с письмом, в котором детально описывали нарушения, допущенные в деле Кукуя, включая поведение адвоката Наумова, который, утверждая, что его подзащитный не совершил никакого преступления, не требовал его полного оправдания, а просил всего лишь о смягчении наказания⁺. Работницу библиотеки Палатник признали виновной в распространении литературных произведений, запрещенных одесски-

* 11 ноября 1971 года Каунасский областной суд приговорил Здебскиса к одному году исправительно-трудовых лагерей. Вместе с четырьмя другими священниками Литовской католической церкви Здебскис в 1975 году написал письмо Московскому Комитету прав человека с просьбой о помощи осужденным в связи с самиздатом журналом «Хроника литовской католической церкви».

⁺ 16 июля 1971 года суд г. Свердловска приговорил Валерия Кукуя к тридцати месяцам исправительно-трудового лагеря за клевету на Советский Союз и распространение самиздата, в том числе еврейского. После освобождения Кукуй эмигрировал.

ми властями. 31 июля Чалидзе направил протест в Верховный Суд Украинской ССР. «Одобрит ли он [Верховный Суд УССР. — Э.К.] неправосудный приговор или оправдает Рейзу Палатник, Мандельштама, Ахматову...?»* — спрашивал в заключение автор протеста⁵¹.

24 октября 1971 года Чалидзе отправил министру внутренних дел Николаю Щелокову письмо, протестуя против нарушений свободы вероисповедания в местах заключения. В письме говорилось о запрете книг религиозного содержания, о запрете носить нательный крест и было упомянуто также о возмутительном обращении с заключенным Йозефом Менделевичем, с которого начальник лагеря насильно снял кипу.

Той же осенью Чалидзе обратился к прокурору РСФСР по поводу Юрия Вудки, отбывавшего семилетний срок в лагере строгого режима за то, что вместе с четырьмя студентами-единомышленниками основал в Рязани марксистскую Партию нового типа. В марте 1971 года его свидание с женой было прервано из-за того, что они разговаривали на родном языке — идиш. К своей жалобе Чалидзе приложил письмо жены Вудки, в котором она предлагала оплатить услуги переводчика. Вскоре Вудке разрешили свидание с

* 24 января 1971 года суд г. Одессы приговорил Рейзу Палатник к двум годам исправительно-трудового лагеря за распространение в самиздате стихов Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и других произведений. После освобождения Палатник эмигрировала.

женой в присутствии переводчика. Это, по-видимому, один из редких случаев, когда вмешательство члена Комитета помогло положительному решению вопроса.

Осенью 1971 года члены Комитета прав человека проявили особый интерес к делу Владимира Буковского, обвиненного в передаче за рубеж антисоветской информации (в том числе и упомянутых нами документов о злоупотреблении психиатрией). 29 ноября Чалидзе, Сахаров, Твердохлебов и Вольпин направили Генеральному прокурору СССР Роману Руденко протест по поводу того, что адвокату Дине Каминской не разрешили представлять интересы Буковского в суде⁺. Ей отказали на том основании, что у нее не было «допуска», т.е. права на участие в политических процессах. 12 декабря члены Комитета направили совместную петицию председателю Московского городского суда с просьбой разрешить им

⁺ В рапорте Андропова ЦК от 10 июля 1970 года московские адвокаты Дина Каминская, Софья Калистратова, Николай Монахов, Юрий Поздеев и Владимир Ромм обвинялись в том, что «действовали в прямом сговоре с антиобщественными элементами, информируя их о материалах предварительного следствия и вырабатывая линию поведения подзащитных и свидетелей в процессе». ЦК КПСС информировал КГБ, что «меры были приняты» и что «адвокатов Каминскую, Калистратову, Поздеева и Рома впредь не будут допускать к участию в процессах по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 1901 УК РСФСР. Адвокат Монахов за аморальное поведение из коллегии адвокатов исключен». Еще раньше, в 1968 году, за последовательную защиту Александра Гинзбурга из коллегии был исключен Борис Золотухин. См.: Печуро Евгения, ред. Заступница // Звенья, 1997. С. 53–54.

присутствовать на процессе. Сахаров отправился в Люблино, где проходил суд, но в здание суда его не пустили.

Буковского приговорили к двум годам тюрьмы, пяти годам лагеря строго режима и пяти годам ссылки. 8 января Чалидзе и Вольпин отправили заявления в защиту Буковского в Верховный Суд. 18 января, после того как кассационная жалоба самого Буковского была отвергнута Верховным Судом, Сахаров призвал Брежнева и Генерального прокурора СССР Руденко «использовать свое влияние и права для отмены приговора Владимиру Буковскому и для его освобождения. ... Здоровые силы в руководстве страны и в нашем народе заинтересованы в отмене несправедливого приговора. ... Восстановите законность и справедливость!..»⁵².

Члены Комитета все в большей степени участвовали в делах преследуемых друзей и единомышленников. Но в то же время продолжались и общетеоретические исследования прав человека. 26 октября 1971 года Чалидзе представил Комитету «Записку о понятии "политзаключенный"». После обсуждения записки 30 октября автор сделал к ней дополнение. В нем Чалидзе проводил очень важное и тонкое разграничение между «деянием, совершенным в политических целях» — с одной стороны, и «деянием, преследуемым государством в целях политических». По его мнению, именно второе определение более подходит к понятию «политзаключенный». Лица же, совершившие уголовные преступления с политическими целями, заслуженно несут такое же наказание, как и любые другие уголовники, и никак не должны считаться политзаключенными*.

* Определение Чалидзе удивительно схоже с установившимся с середины 70-х годов употреблением термина «политический заключенный» в международном сообществе защитников прав человека (замечание Эндрю Блэйна).

16 марта 1972 года Сахаров представил на рассмотрение Комитета записку «О проблеме восстановления прав лиц и народов, нарушенных при насильственном переселении». Указывая на полученные Комитетом важные документы и обращения от крымских татар и месхетинцев⁺, Сахаров предложил изучить:

1. Обстоятельства насильственного переселения народов – немцев Поволжья, калмыков, черкесов, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, месхов, греков, а также корейцев, переселенных до войны.
2. Анализ нарушений законности и гуманности при насильственном переселении.
3. Обстоятельства насильственного удержания переселенных в местах поселения, наличие спецкомендатур и других незаконных ограничений прав, ухудшивших и без того ужасное положение переселенных и приведших к массовой смертности.
4. Анализ положения, существующего в настоящий момент, в частности дискриминационных ограничений в прописке, в устройстве на работу, в образовании, в праве приобретения иму-

⁺ «Месхетинцы» – общее название нескольких мусульманских этнических групп, проживавших в юго-западной Грузии близ границы с Турцией. (Wixman Ronald. *The Peoples of the USSR*. M. E. Sharpe, 1984. P. 76).

щества и т.п. в отношении народов крымских татар, немцев Поволжья, месхов. ...

Сахаров предлагал «обсудить роль следующих факторов: роль общеидеологического курса великодержавного шовинизма; зримое насилие как средство политической игры на предрассудках и низменных инстинктах; роль экономических и социально-экономических факторов; роль общей политической и психологической обстановки военного времени...»⁵³.

21 апреля, после обсуждения записки Сахарова и комментариев к ней, сделанных Чалидзе⁵⁴, Комитет послал в Президиум Верховного Совета СССР обращение, подписанное Сахаровым, Твердохлебовым, Чалидзе и Шафаревичем:

«Комитет прав человека ознакомился по просьбе заинтересованных лиц с проблемой восстановления прав насильственно переселенных народностей и этнических групп. Выражая удовлетворение восстановлением прав некоторых из таких народностей, мы призываем Президиум Верховного Совета содействовать восстановлению прав крымского татарского народа и месхов (и иных народностей и групп) на проживание на территории, с которой они были насильственно и противоправно выселены. Мы призываем Президиум Верховного Совета принять меры к тому, чтобы все граждане нашей страны могли в полном объеме осуществить принадлежащее им право свободного выбора места жительства, чтобы, в частности, такое право могли реализовать граждане этих национальностей до общего решения во-

проса о возвращении им их территорий: селиться на этой территории, приобретать строения и трудиться»⁵⁵.

6 апреля 1972 года Вольпин предоставил в распоряжение Комитета детальный анализ Конституции СССР 1936 года с поправками, принятыми 11 февраля 1971 года. В докладе Вольпина содержались рекомендации по усилению конституционных гарантий прав человека, обеспечению демократической процедуры выборов, а также ряд других правовых соображений о советской политической системе⁵⁶.

11 мая 1972 года Твердохлебов выступил в Комитете с докладом о действующем законодательстве, направленном против «тунеядства». Идеологической основой этих законов была статья 12 Конституции 1937 года, в которой говорилось: «Труд в РСФСР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

4 мая 1961 года Президиум РСФСР издал Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от

* Новая Советская Конституция была принята 7 октября 1977 года и действовала вплоть до распада СССР в 1991 году. Аналогичная Конституция Российской Федерации была принята в 1978 году. Она действовала до 12 декабря 1993 года, несмотря на многочисленные и часто взаимоисключающие поправки. В 1993 году ее заменили современной Конституцией Российской Федерации. Сорок семь статей второй главы Конституции 1993 года под названием «Права и свободы человека и гражданина» были написаны под руководством друга Сахарова Сергея Ковалева, члена Инициативной группы в защиту прав человека в СССР.

общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Указ предусматривал выселение «лиц, ведущих паразитический образ жизни» на срок от двух до пяти лет в специально отведенные места и принудительное привлечение их к труду. Назначать такую меру могли как местные суды, так и, в некоторых случаях, рабочие коллективы с одобрения исполкомов местных Советов. Первоначальной целью Указа было избавление Москвы, Ленинграда и других больших городов от бомжей, нищих, проституток и спекулянтов. Но именно по этому Указу были отправлены в ссылку поэт Иосиф Бродский, историк-диссидент Андрей Амальрик и другие неугодные властям лица.

После смещения Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 сентября 1965 года, пересматривающий положения Указа 1961 года. Его действие распространялось только на Москву и Ленинград. Теперь только суд мог приговаривать к ссылке и только в том случае, если предполагаемый «туняец» не устраивался на работу в течение месяца после официального предупреждения органов милиции.

Два Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1971 года внесли новые поправки в первоначальный текст. В первом сообщалось, что «трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда и веду-

щие антиобщественный паразитический образ жизни, подвергаются приводу в органы внутренних дел для официального предостережения о недопустимости паразитического существования и необходимости трудоустроиться в 15-дневный срок»⁵⁷.

Согласно этой поправке тех, кто не устроился на работу самостоятельно, местный Совет мог отправить на предприятия и стройки в принудительном порядке.

Вторым Указом от того же числа в Уголовный кодекс РСФСР была внесена статья 209-1, согласно которой лица, ведущие антиобщественный образ жизни, виновные в намеренном уклонении от работ, назначенных местным исполкомом, могли быть приговорены к году лагерей или даже к двум, если их признавали рецидивистами.

Твердохлебов считал, что наказывать за «образ жизни», а не за строго определенное уголовное преступление незаконно. Он указал на 105-ю Конвенцию Международной Организации Труда, которая запрещает «использование любых видов принудительного труда в качестве политического наказания или воспитания, или в качестве наказания за политические взгляды или взгляды, идеологически противоположные политическому, социальному или экономическому строю». По мнению Твердохлебова, Советский Союз потому не ратифицирует этот документ, что боится потерять возможность использовать законы против тунеядцев в своих целях, то есть для

борьбы с людьми, чье мнение и поведение не соответствует обязательным идеологическим стандартам.

Профессор политологии Рутжерского университета (США) Ирвинг Горовиц в своем комментарии к докладу Твердохлебова разъяснил практический смысл стратегии Комитета прав человека в этой области права:

«Доклад Твердохлебова демонстрирует внутренние противоречия советского законодательства, зазор между формальными обязательствами, существующими на бумаге, и явными нарушениями установленных норм на деле. Задача доклада не столько теоретическая, сколько практическая: заставить советские власти следовать теми же принятым законам или, в противном случае, предать нарушения гласности. Кроме того, Твердохлебов описывает механизм, позволяющий диссидентам решать собственные задачи в рамках действующего законодательства. Вообще в 70-е годы в СССР, как и в США, произошел поворот от тактики массовых демонстраций и нелегальной деятельности к попыткам добиваться своих целей, оставаясь в пределах правового поля, к попыткам опереться на те формальные законы, которые самими властями постоянно нарушаются. На частичный успех стратегии такого рода указывает существенное увеличение числа евреев, эмигрирующих в Израиль и другие страны, а также растущая нервозность советского руководства в связи с критикой советского законодательства, а в конце концов и самой легитимности строя»⁵⁸.

Комитет начал подвергаться преследованию со стороны властей сразу же, как был основан. КГБ не ограничился постоянной слежкой, перлюстрацией корреспонденции, прослушиванием и блокированием телефонных переговоров, обыском на квартире у Чалидзе, но еще и связался напрямую с начальством по месту работы каждого из членов Комитета, — и начались увольнения.

Еще летом 1968 года, после публикации эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», Сахарова лишили допуска к секретным материалам и одновременно фактически отстранили от должности заместителя научного руководителя по общефизическим вопросам Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Прошло около года, прежде чем ему предложили место старшего научного сотрудника в Теоретическом отделе Физического института Академии наук.

Осенью 1970 года Чалидзе был отстранен от руководства одним из исследовательских подразделений ВНИИ пластмасс и переведен на более низкую должность в филиале института, расположенном в 50 ки-

лометрах от Москвы. Он уволился оттуда в начале 1971 года и несколько месяцев официально числился безработным (все это время активно занимаясь правозащитной деятельностью). Семью же содержала его супруга Вера, работавшая уборщицей. Только в ноябре Чалидзе получил место техника в Институте художественной реставрации.

В декабре 1971 года из Союза писателей исключили Галича и, соответственно, лишили его всех привилегий, которые давало членство в этой организации. В феврале 1972 года за свою правозащитную деятельность потерял работу в ВИНТИ Твердохлебов. Впрочем, он тут же нашел работу в одной экспериментальной лаборатории, исследовавшей механическую вибрацию, и числился там вплоть до своего ареста в 1975 году.

Членам Комитета приходилось жить в условиях постоянной слежки, их беседы и телефонные разговоры прослушивались, почтовая переписка контролировалась или совсем пресекалась. Под особо строгий контроль было взято общение с единомышленниками на Западе. Об этом, в частности, говорилось в материале, опубликованном в газете «Чикаго трибьюн» 13 декабря 1971 года:

«Леонид Ригерман задумал эксперимент. Он исходил из того, что каждое письмо, отправленное из Нью-Йорка в Москву, непременно должно быть доставлено адресату. С 18 августа Ригерман ежедневно, кроме праздников и выходных, ходил на почту и отправлял Валерию Чалидзе авиапочтой заказное письмо с уведомле-

нием. 18 октября, то есть через два месяца, результаты эксперимента стали очевидны. Чалидзе получил только два из 33 писем. Однако со временем письма кое-как стали приходить. «К настоящему моменту я получил только 11 уведомлений о получении», — пишет Ригерман Чалидзе в 67-м письме, отправленном 6 декабря. В этом письме Ригерман пишет и о 12 других отправителях, чьих писем Чалидзе тоже не получил. «Я собираюсь сделать все, что смогу, чтобы расследовать, почему письма не были получены, — писал Ригерман. — Для этого я намереваюсь использовать процедуры, предусмотренные Международной почтовой конвенцией, которую подписали и США, и Советский Союз»*.

* Начатая Ригерманом кампания за соблюдение Советским Союзом Международной почтовой конвенции была продолжена многими русскими эмигрантами в 80-е годы. В 1976 году, по поручению выступавшего в качестве истца русского эмигранта Иосифа Гурвича, я нанес визит чиновнику Юридического отделения Почтовой службы США и пожаловался на то, что почта не доходит, а Почтовая служба не выплачивает за это компенсацию. Советский Союз убедил Почтовую службу США передавать письма с уведомлением, адресованные советским гражданам, упаковками, так что уведомления выдавались только за количество полученных мешков. Процедура была изменена так, что можно было проследить за каждым письмом и установить ответственность за недоставку. Это повысило надежность почтового сообщения между США и СССР. Тем не менее почтовая администрация СССР иногда конфисковывала письма, используя поддельные уведомления, или предлагала странные объяснения недоставки, вроде тех, что содержатся в приведенном ниже письме директора Московского международного почтового управления от 11 июня 1976 года:

«В ответ на ваш вопрос имею честь сообщить вам, что двадцать писем с уведомлением, отправленных Гурвичем адресатам,

Специфический «интерес» советских властей к обещению правозащитников был перенесен ими и на американскую почву. Каждую неделю председатель Международной Лиги в защиту прав человека Джон Кэри звонит Чалидзе (Ригерман переводит). И вот 11 ноября, как раз в день, когда состоялась 21-я беседа с Чалидзе, советской сотрудник Комиссии ООН по правам человека Владимир Костерин явился в офис Лиги и запросил сведения о ее деятельности. 2 декабря, когда состоялась очередной разговор, в офисе Лиги возник корреспондент некоей советской газеты Анатолий Манаков. Впрочем, по словам Ригермана, на данный момент только один звонок был заблокирован операторами в Москве.

10 декабря Манаков снова появился в офисе Лиги. Четыре дня спустя сотрудница Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Йола Таллок позвонила исполнительному директору Лиги Роберте Коэн и попросила предоставить информацию о Лиге Владимиру Карташкину, советскому гражданину, работавшему в Комиссии ООН по правам человека. Когда Коэн принесла ему брошюру о

указанным на приложенном бланке формы С-9, были задержаны согласно статье 29 Международной почтовой конвенции и статье 396 Гражданского кодекса ввиду того, что Гурвич злонамеренно и злобно использовал почту. Следовательно, согласно 2-му параграфу 41-й статьи Конвенции, администрация ММПУ освобождается от всякой ответственности за указанные письма» (из личного архива Эдварда Клайна).

деятельности Лиги, Карташкин «был удивлен и испуган, и сказал: «Я ничего не просил. Это для мистера Алексидзе*. Это ему понадобилось»»⁵⁹.

Лига пользовалась значительным авторитетом в Организации Объединенных Наций. С первых дней работы она получила при ООН совещательный статус в качестве негосударственной организации, работающей в сфере прав человека. 18 января 1972 года Генеральный секретарь ООН У Тан был почетным гостем на ежегодном обеде Лиги. Из Израиля на это мероприятие приехал Борис Цукерман. Члены Московского Комитета в письме от 2 декабря 1971 года приветствовали У Тана и высоко оценили заслуги ООН, принявшей Всеобщую Декларацию прав человека, разработавшей ряд других документов, которые позволили установить четкие международные стандарты в сфере прав человека. Они выразили надежду, что «в будущем Объединенные Нации смогут защищать права человека не только тогда, когда нарушитель их слаб или жалобы жертвы хорошо слышны, но прежде всего там, где совершенное зло особенно велико»⁶⁰.

В большинстве случаев Лиге удавалось дозвониться до Чалидзе и позже до Сахарова, хотя иногда трудности и возникали. Например, во время визита президента Никсона 19–29 мая 1972 года у Чалидзе,

* Леван Алексидзе, гражданин СССР, приписанный к Секции по вопросам дискриминации.

Сахарова и многих других диссидентов телефоны были временно отключены*.

Можно привести и другой, пожалуй, забавный пример стараний советских чиновников, делавших все, чтобы не допустить контактов диссидентов с внешним миром. Одному журналисту из Канады официальные лица сказали, что он может взять интервью у любого гражданина СССР, если тот согласится. Тогда он попросил МИД организовать ему интервью с Чалидзе, который согласие дал.

«На запрос организовать интервью с Чалидзе, чей Комитет был уже признан правозащитными организациями на Западе, чиновники ответили гробовым молчанием. Когда канадец пробовал настаивать, ему сказали: «Мы этого человека не знаем и знать не хотим». Он продолжал настаивать, и в конце концов МИД нехотя ответил: «Мы не сочувствуем целям его организации». Ответ был, по крайней мере, правдив»⁶¹.

Жизненно необходимая членам Комитета прав человека и другим советским диссидентам помощь западных журналистов в установлении и поддержке контактов с внешним миром была в начале 70-х годов затруднена постоянной слежкой. 5 мая 1972 года корреспонденту лондонской «Таймс» Дэвиду Бонавиа было приказано покинуть СССР (он стал двадцатым

* Начиная с 1976 года у Сахарова была отключена международная связь. В Горьком, где Сахаров отбывал ссылку в 1980–1986 годах, в его квартире телефон вообще отсутствовал.

иностранным журналистом, выгнанным из страны за два года). В официальном уведомлении МИДа, полученном Бонавиа, указывались причины высылки: «За систематическую деятельность, несовместимую с вашим статусом корреспондента, вы лишаетесь аккредитации и вам предлагается покинуть пределы Советского Союза в течение ближайших нескольких дней...» 11 мая Сахаров и несколько других выдающихся диссидентов смело прошли на прощальный вечер к Бонавиа, несмотря на то, что вход в дом, где жили иностранцы, тщательно контролировался милицией. Журналист вспоминал: «Появился академик Сахаров. Судя по всему, он впервые рискнул пообщаться с иностранными корреспондентами и дипломатами напрямую. Он вел себя робко, но вскоре разговорился с атташе по науке»⁶².

Сьюзен Якоби, чей муж Энтони Эстракан с 1969 по 1971 год руководил бюро газеты «Вашингтон пост» в Москве, так описала трудности, с которыми приходилось сталкиваться журналистам иностранных изданий в Советском Союзе:

«Почти все иностранцы, которые относятся к категории «постоянно проживающих» в Москве — дипломаты, журналисты, некоторые бизнесмены, обязаны жить в гетто из многоквартирных домов, охраняемых работниками КГБ в милицейской форме. После того как один наш русский знакомый попытался войти в дом по приглашению друга-иностранца, его препроводили в милицейский участок и подвергли многочасовому допросу. Для действий такого рода им не нужно ни малейше-

го повода, потому что на каждый контакт между гражданином СССР и жителем другой страны, происходящий в неофициальной обстановке, секретные службы смотрят с подозрением. Русские к тому же уверены, что телефоны всех иностранцев прослушиваются.

Есть пять категорий русских, которые регулярно общаются с иностранцами, живущими в Москве. Первая и наименее важная — это те, которым официально разрешено общаться с иностранцами по работе. Вторая группа включает в себя широкий круг интеллектуалов, в основном лояльных режиму, но «либералов» по советским стандартам. Еще одна группа состоит из молодых людей, в основном студентов. К четвертой группе относятся художники, чьи творческие поиски вызывают злобу советских чиновников.

Политические диссиденты составляют пятую и самую необычную группу. Инакомыслящие — это маленькое, разношерстное сообщество, внутри которого существуют серьезные разногласия по поводу долгосрочных задач России; главное, в чем они сходятся, — это желание заставить власти соблюдать законы. Основная их деятельность состоит в передаче на Запад информации о преследовании инакомыслящих; они считают гласность гарантией того, что никто не исчезнет без следа в тюрьме или ссылке, как это было в сталинские годы. Понятно, что иностранные журналисты нужны инакомыслящим, чтобы информировать внешний мир об их деятельности. Радиостанции «Голос Америки» и Би-Би-Си регулярно передают факты о поло-

жениии инакомыслящих, почерпнутые из корреспонденций западных журналистов. Несмотря на то, что их глущат, у них большая аудитория в России.

В 1961 году Хрущев формально отменил цензуру новостных лент, отправляемых иностранными корпунктами из Москвы. Но хотя власти и не цензурят новости напрямую, они выражают свое недовольство и предупреждают журналиста уже после публикации материала, или в работу корреспондента так или иначе вмешивается КГБ, или, наконец, ему угрожают высылкой из страны.

К сожалению, многие бесхребетные корреспонденты в Москве, хоть и рады всегда получить от коллег информацию о политическом инакомыслии, но сами встречаться с диссидентами не хотят. Еще более некрасиво ведут себя некоторые редакторы, которые настолько опасаются за свои московские корпункты, что советуют корреспондентам играть по правилам, установленным Советами.

В конце 1970 года вновь прибывающих журналистов предупреждали в Москве не вступать в контакт с политическими диссидентами вроде Петра Якира. В феврале и марте 1971 года КГБ использовало хулиганов для прямого запугивания. Когда корреспондент Ассошиэйтед пресс и Владимир Буковский попытались встретиться на углу одной из самых широких и современных улиц города, они подверглись нападению, в результате которого у корреспондента разбили очки, а Буковского избили. Корреспондентов предупреждали, что не только встречи с диссидентами, а и с любыми русскими бу-

дут контролироваться. Мой муж договорился (по телефону), что встретит одного из наших русских друзей в семь часов вечера на Пушкинской площади, одной из самых оживленных площадей Москвы, и привезет к нам домой на ужин. Наш друг не был ни диссидентом, ни евреем, собиравшимся эмигрировать в Израиль. Как только русский протянул руку моему мужу, их окружили пятеро хулиганов. Трое схватили мужа за лацканы пиджака, запихали в его машину и на прощание разбили фару. Двое других увели нашего русского друга»⁶³.

Все усиливавшееся давление так или иначе оказывало воздействие на диссидентов.

В мае 1972 года Александра Есенина-Вольпина вызвали в милицию. Он был предупрежден о строгой ответственности за «антиобщественные деяния», если таковые будут допущены во время визита Никсона в СССР (22–30 мая 1972 года), и тут же ему посоветовали написать заявление о желании выехать в Израиль. 30 мая Вольпин отбыл в Рим. В ожидании американской визы он навестил меня на греческом острове Спецай, где я отдыхал с семьей. Он рассказал мне много нового и о жизни русской интеллигенции, и о движении прав человека в СССР, и о Московском Комитете, и, конечно, об ужесточении репрессий. (А еще он продемонстрировал свое подавляющее превосходство в шахматах.)

12 июля Вольпин обратился к Западу с заявлением «О Московском Комитете прав человека». Вслед за кратким описанием структуры и деятельности Комитета следовали размышления об опасностях, угрожающих Комитету и лично Чалидзе (далее цитирую набросок письма, сохранившийся в моем архиве):

«Такая деятельность никак не может подвергаться преследованиям со стороны демократических влас-

тей. К сожалению, важные начальники КГБ (в частности, некий Фочёнков, возглавляющий ныне преследования инакомыслящих во многих городах СССР, включая Москву) до сих пор не могут усвоить этого важного для современной цивилизации обстоятельства. Как Чалидзе, так и Твердохлебов вынуждены были оставить свою профессиональную работу, а Чалидзе в настоящее время подвергается со стороны КГБ совершенно необоснованным предостережениям, граничащим с угрозой тюремного заключения. ... Даже сейчас возможности телефонной связи с ним [Чалидзе] из-за границы ограничены. Это ставит его, при продолжении деятельности Комитета, в беззащитное положение.

Сейчас, после ареста Якира, угроза тюремных репрессий, давно висевшая над советской интеллигенцией, серьезно усугубилась. ... Защита, чтобы быть эффективной, должна учитывать различные юридические тонкости и избегать острожурналистских приемов воинствующего антикоммунизма, иначе она может привести к противоположному результату. Арестованных в СССР не оправдывают. Угроза, нависшая над Чалидзе, представляется мне весьма серьезной».

Арест Якира 21 июня 1972 года имел дезорганизующее влияние на правозащитное движение*. В том

* На суде, состоявшемся в начале 1973 года, Якир признал свою «вину» и отрекся от своих убеждений. Вот характерное свидетельство одного из участников правозащитного движения той поры: «Отречение ... Якира вызвало смятение и растерянность в нашей среде. Было ощущение беззащитности — что все мы стоим неприкрыто-голенькими перед лицом торжествующего, обо всем

же году была развернута масштабная кампания репрессий, целью которой были разгром самиздатской «Хроники текущих событий» и уничтожение диссидентского движения в целом. В 1972 и 1973 годах приблизительно двести человек было допрошено и около тридцати арестовано («Дело 24») по обвинению в создании и распространении «Хроники»*.

5 и 7 июля по поводу «Хроники» подполковник КГБ Фоченков допросил Чалидзе. После этого он прочитал Чалидзе целую лекцию о деятельности Комитета прав человека и сообщил о публикации материалов Комитета в журнале НТС «Посев». Чалидзе объяснял, что он «пытался помочь Советскому государству», привлекая внимание к нарушению советских законов и предлагая поправки к действующему законодательству. Фоченков тут же квалифицировал деятельность Чалидзе как «хорошо замаскированное антисоветское поведение». Само употребление понятия «антисоветский» было явным и недвусмыслен-

прознавшего КГБ. Было чувство зыбкости, неуверенности не только в соседе-сотоварище, но и в самом себе: устою ли, выдержу ли? И были огорчительные потери. Немало людей в то смутное время отошло от движения. И никто не вправе упрекнуть их в этом». Леонард Терновский. Мне без вас одиноко... М., «Возвращение», 1997, с.42–43.

* Среди арестованных по 24-му делу в 1972 и 1973 годах были астрофизик Кронид Любарский (арестован 17 января 1972 года), экономист Виктор Красин (арестован 12 сентября 1972 года), математик Юрий Шиханович (28 сентября 1972 года), инженер-химик Ирина Белгородская (3 января 1973 года) и литературовед Габриэль Суперфин (3 июля 1973 года).

ным предупреждением: если Чалидзе не прекратит диссидентскую деятельность или не покинет страну, то будет арестован.

Вскоре после этого председатель Международной Лиги в защиту прав человека Джон Кэри пригласил Чалидзе прочитать лекцию на юридическом факультете Университета Нью-Йорка. К приглашению присоединился Сэмюэл Дэш, директор Института уголовного законодательства Джорджтаунского университета и член Международной Лиги⁺. Во время визита в Москву в августе 1972 года он передал Чалидзе написанное от руки приглашение прочитать лекцию о правах человека в Джорджтаунском университете. Используя приглашение Дэша, Чалидзе и его жена Вера запросили в ОВИРе разрешение на выезд в США сроком на один месяц.

В «Воспоминаниях» Сахаров пишет, что планы Чалидзе ему не понравились:

«Чалидзе явно не был со мной полностью откровенен. Это вызвало горечь в наших отношениях. Формально он выезжал по приглашению Международной Лиги в защиту прав человека при ООН для чтения юридических лекций. Конечно, согласие на такую поездку могло быть получено только потому, что КГБ был заинтересован в устранении Чалидзе, игравшего важную роль в правозащитном движении. Он же, со своей стороны, хотел уехать, т.к. жизнь его стала слишком трудной в личном

⁺ Дэша позже назначили главным консультантом сенатского комитета по Уотергейтскому делу.

и общественном планах. Работы он лишился и терпел вместе с женой большие материальные трудности. Но все это вовсе еще не означает «прямого сговора»; по существу, очень многие отъезды происходят по той же схеме»⁶⁴.

Реакция Сахарова огорчила и обидела Чалидзе. Не желая компрометировать за границей деятельность Комитета, он отправил 4 сентября письмо Комитету, в котором сообщал о своей отставке. «Хроника текущих событий» опубликовала его в сокращенном виде:

«Я заявляю о своем выходе из Комитета прав человека. Похоже на то, что я слишком устал, чтобы в дальнейшем исполнять те обязанности, которые я возложил на себя, став членом Комитета. Это не означает, что я не намерен более интересоваться деятельностью Комитета. Напротив, его будущее заботит меня, а проблемы прав Человека интересуют меня по-прежнему. В этом тексте я излагаю некоторые соображения о Комитете и надеюсь, что сказанное может оказаться полезным нынешним, а возможно и будущим членам Комитета. Я полагаю, что Комитет признает это заявление документом Комитета и опубликует его...

В этой стране непривычно и не принято создавать комитеты без указания начальства... Большая смелость требуется Комитету, чтобы существовать. Смелость не в ожидании гипотетических репрессий, а в способности следовать провозглашенным принципам и идеям, невзирая на предрассудки и претензии многочис-

ленных, подчас очень доброжелательных оппонентов... Комитет с самого начала оказался в ложном положении: одни думали, что Комитет претендует на лидерство в том, что называли демократическим движением, другие надеялись, что Комитет станет таким лидером, третьи полагали, что создание Комитета есть рождение политической оппозиции в СССР, четвертые удивлялись, как разумные люди могут пойти на такую бесполезную затею. Попытки объяснить, что Комитет — это творческая ассоциация лиц, желающих изучать проблему прав человека и содействовать властям в развитии системы гарантий прав человека... воспринимались как вывеска, за которой что-то кроется. Люди слишком привыкли к лицемерию... Я помню разочарование одного знакомого после того как он прочел мой вводный доклад Комитету: «Я думал, ваши «принципы» — это ширма, за которой будет борьба за свободу, а вы вправду хотите заниматься пустой болтовней»... Нужна интеллектуальная смелость, чтобы предрассудки не мешали творческой деятельности. Если многие люди ждут от Комитета того, чего он не обещал — то это интересно скорее как грустное социальное явление, чем как мотив для изменения характера деятельности Комитета... Социально важным... я считаю... пример Комитета в том, что касается уважения собственных принципов и последовательного соблюдения собственных процедур...»⁶⁵

Комитет собрался 7 сентября, принял отставку Чалидзе и назначил его экспертом Комитета.

По предложению Чалидзе 5 октября 1972 года в члены Комитета был принят Григорий Подъяпольский, физик, работавший в Московском геофизическом институте, автор ряда научных трудов по цунами и подземным взрывам, к тому же еще и поэт. Сахаров так вспоминает о Подъяпольском:

«Наши жизненные пути пересеклись впервые в 1970 году, сначала заочно — его и моя подписи оказались рядом под надзорной жалобой по делу Григоренко, составленной Валерием Чалидзе. Я тогда только начинал свою правозащитную деятельность. Григорий Подъяпольский уже имел в ней важные заслуги — он был участником и одним из зачинателей Инициативной группы по защите прав человека. ...

В 1972 году, после выхода Чалидзе из Комитета прав человека, Подъяпольский вошел в него. Нам удалось сделать кое-что полезное как в рамках Комитета, так и — особенно — вне их, в более гибких формах обычной «правозащитной гласности». В эти годы мы (я говорю о членах нашей семьи) очень подружились с Гришей и его женой Машей. ...

Гриша обладал очень нетривиальным умом, рождавшим часто неожиданные идеи. Для него характерны непримиримость к любым нарушениям прав человека и одновременно исключительная терпимость к людям, к их убеждениям и даже слабостям. Последнее качество иногда заводило его куда не следует, но как-то так всегда получалось, что он выходил незапятнанным, с честью...

... Многочисленные допросы и другие попытки сло-

мить, запугать или запутать, обмануть его всегда оставались безрезультатными»⁶⁶.

Несмотря на выход из состава Комитета и угрозы КГБ, Чалидзе продолжил правозащитную деятельность. 6 сентября он послал обращение главе КГБ Андропову в защиту Кронида Любарского⁶⁷, а 4 октября – письмо генеральному прокурору Руденко с протестом против привлечения в качестве свидетелей лиц, находящихся в заключении и подвергающихся давлению⁶⁸ (Сахаров добавил к письму постскрипtum, в котором дополнил аргументы Чалидзе).

Причин для разрыва отношений между Сахаровым и Чалидзе было, видимо, несколько. Здесь и сложные обстоятельства, в которых работали советские правозащитники в 1972 году, сильное давление со стороны властей, и личностные особенности каждого из членов Комитета, и, конечно же, усилия КГБ по компрометации Чалидзе и «провоцированию несогласий и споров среди членов Комитета и сочувствующих»⁶⁹. Близкие личные отношения между Сахаровым и Чалидзе так и не восстановились, несмотря на извинение Сахарова в книге 1975 года «О стране и мире»:

«Формами внесудебного преследования являются также: ...лишение советского гражданства лиц, оказавшихся за рубежом (Валерий Чалидзе, Жорес Медведев). Мой друг Валерий Чалидзе явился первым, кто стал жертвой этого последнего варианта. Я тогда, поддавшись эмоциям и безосновательным опасениям, опубликовал по этому поводу двусмысленно звучащее

*заявление; мало есть действий, в которых я так рассказываюсь, как в этом».*⁷⁰

Чалидзе, конечно, тоже несет некоторую ответственность за это взаимонепонимание. Гордый и замкнутый человек, он отказался обсуждать с Сахаровым планы отъезда, справедливо почувствовав, что принимать решение должен он один. Но откровенная беседа с Сахаровым наверняка могла бы предотвратить разлад.

В 1972 году Сахаров существенно расширил свою правозащитную деятельность. В «Воспоминаниях» он рассказывает о важном проекте, воплощенном в апреле 1972 года, за несколько месяцев до отъезда Чалидзе:

«В декабре должен был торжественно отмечаться 50-летний юбилей образования СССР. Татьяна Максимовна Литвинова ... высказала мысль о целесообразности коллективного обращения в связи с этой датой к Президиуму Верховного Совета с просьбой об амнистии политзаключенных и об отмене смертной казни. Мне очень понравилась эта мысль. Я решил, что нужно иметь два отдельных обращения (т.к. контингенты тех, кто может их подписать, не полностью совпадают), и написал тексты. Началась компания по сбору подписей. Иногда я ездил к тем, чью подпись я хотел получить, один, но чаще — с Люсей. Очень быстро мы получили подписи многих инакомыслящих. Подписал оба обращения также и Р.А. Медведев. Неожиданная трудность возникла с Чалидзе. Он оттягивал подписание, не*

* «Домашнее» имя Е.Г.Боннер.

желая оказаться в одной компании с некоторыми неприятными ему людьми. Это было начало тех недоразумений, которые, к сожалению, вскоре временно омрачили наши отношения. Но в конце концов он подписал. Легко подписывали обращения отъезжающие — мы старались даже ограничить их число теми, чье участие казалось нам наиболее важным. Не подписал обращений А. И. Солженицын — он считал, что это может помешать выполнению тех задач, за которые он чувствовал на себе ответственность. Мне его позиция казалась неправильной. Особенно важным я считал иметь как можно больше подписей известных, пользующихся авторитетом представителей интеллигенции — ученых, писателей, художников, медиков и т.п., не принадлежащих к инакомыслящим, не оппозиционным, но разделяющих гуманистические цели обращений — освободить узников совести, отменить варварский институт смертной казни. Но тут меня постигло разочарование. Времена «подписантской кампании» 1968 года (1000 подписей) явно прошли, и это показывает, что и тогда некоторые подписывали «из моды», считая, что это совсем ничего не будет им стоить. Уже в Баку я имел несколько отказов от своих коллег-физиков. Вот несколько памятных моментов. Некий академик, крайне перепуган, машет руками:

— Что вы, если у властей есть желание провести амнистию политзаключенных, получив такое коллективное письмо, они обидятся и отменяют ее!

Академик Петр Капица:

— Главное — не забота о нескольких политзаключен-

ченных. Перед человечеством стоят огромные задачи. Главная опасность — демографический взрыв, непрерывный рост населения в слаборазвитых странах, угрожающий миллионам людей голодной смертью.

Академик Имшенецкий:

— Не вовлекайте меня в антисоветские затеи, я на советскую власть не обижен, она меня 36 раз за границу посылала.

(Кажется, с Имшенецким я говорил по другому поводу — в данном случае это не имеет значения.) Я думаю, что Имшенецкий был откровеннее других. Никому из тех, с кем я говорил, не угрожали бы в случае подписания арест, увольнение или даже минимальное понижение в должности. Но в последние годы возникла новая психология, когда чрезвычайно высоко котируются менее необходимые блага, которые тридцать лет назад являлись бы недостижимой роскошью, — например, поездки за границу, о которых говорил Имшенецкий.

Жизнь, конечно, сложна, и у многих, не подписавших обращения, были другие, веские причины. Среди них — журналистка, успешно защищающая в периодически появляющихся статьях справедливость и достоинство людей от произвола и беззакония, академик, сделавший делом своей жизни защиту памятников старины от современных нуворишей, другой академик, уверенный, что любой его неосторожный шаг погубит его научную карьеру»⁷¹.

В конце концов Сахарову удалось получить подписи более пятидесяти человек. Он отослал обращения в Президиум Верховного Совета 13 сентября 1972

года и передал тексты иностранным корреспондентам в ноябре того же года⁷².

5 сентября Сахарова ненадолго задержали во время демонстрации у ливанского посольства. Этот эпизод он также описывает в «Воспоминаниях»:

«В сентябре 1972 года стало известно об ужасном преступлении – убийстве израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде. ...

Как только стало известно о гибели спортсменов, московские евреи решили провести молчаливую демонстрацию протеста перед ливанским посольством. ... Я решил пойти. Люся была больна, и сопровождать меня пошли Таня, Ефрем и Алеша. ... Когда мы подъехали, то никого из демонстрантов не увидели – их всех еще на подступах хватили гебисты и отвезли в так называемый «еврейский» вытрезвитель. Потасили и отвезли и нас, привезли в здание, которое действительно было вытрезвителем, т.е. местом, куда милиция приводит подобранных на улице пьяных. Сейчас там никаких пьяных не было, только задержанные демонстранты в двух или трех комнатах. Через час или два нас стали поодиночке вызывать в другую комнату, где сидело несколько милицейских чинов, спрашивали фамилию и место работы и потом поодиночке же отпускали. Когда вызвали меня, еще до ребят, я не сказал, что они пришли со мною, рассчитывая, что моя компания не будет им в пользу, а так, возможно, на них не обратят внима-*

* Алексей Семенов, сын Е.Г.Боннер.

ния. На самом деле все это уже не имело значения. ГБ получило повод для акций против наших детей...»⁷³

26 октября Сахаров и Боннер поехали в г. Ногинск Московской области, где судили Кронида Любарского за распространение «Хроники текущих событий» и другого самиздата. Вместе с десятком друзей Любарского они попытались проникнуть в зал заседаний, но, как рассказывает Сахаров, «через несколько секунд все мы были вытолкнуты на улицу, многих повалили на землю, некоторым — в том числе и мне — выворачивали руки. На улице Люся подскочила к старшему из гебистов, который стоял немного в сторонке — он командовал этой операцией, он же был и утром, — и неожиданно для него дала ему пощечину, крикнув что-то при этом. Он никак не ответил»⁷⁴.

В тот же день Сахаров преодолел еще один внутренний запрет. Вернувшись домой, он дал свое первое интервью западному корреспонденту — им был глава московского корпункта журнала «Ньюсуик» Джей Аксельбанк* :

«Я перевел беседу на личные обстоятельства Сахарова. Создал ли дополнительные проблемы ярлык «врага народа», навешенный на него властями? «Я делаю свое дело», пожал плечами Сахаров. «Кроме людей КГБ, которые всегда и повсюду следуют за мной, никто меня

* Ранее Сахаров лишь информировал западных журналистов об арестах, судах, обысках и проч.

особенно не беспокоит. Меня тревожит лишь, как мои действия отразятся на моих близких».

Я спросил, не жалеет ли он о своей ключевой роли в разработке советской водородной бомбы. Сахаров покачал головой. «На Западе некоторые считают, что я начал протестовать против несправедливости, потому что хотел искупить вину. Но это не так»... «Работа совести происходила постепенно, еще с 50-х годов; поворотной точкой, я думаю, были письма против испытаний атомной бомбы, которые я послал правительству в 1958 и в 1961 году».

Сахаров достает с полки эссе 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». «Когда я писал эту книгу», объясняет он, «я был немного идеалистом. Я писал, что называется, с абстрактной точки зрения. Теперь я намного больше знаю и намного более разочарован. Я больше не могу называть себя ни социалистом, ни марксистом-ленинцем, ни коммунистом. Я, скорее, либерал».

На мой вопрос, чего бы он желал для страны, Сахаров ответил: «Более гуманного общества, свободы писать и читать все, что хочешь, отсутствия шовинизма».

Я спросил о будущем диссидентского движения, понесшего серьезные утраты в результате репрессий и эмиграции многих еврейских «демократов» в Израиль. Сахаров сказал: «Со времени визита Никсона в прошлом году ситуация ухудшилась. Власти стали действовать более нагло, они чувствуют, что общественное мнение на Западе не связывает политику разрядки с обеща-

ем большей свободы в самой России. Диссидентское движение никогда ранее не было в столь трудном положении».

Я задал вопрос о Комитете прав человека. Насколько полезной была его работа? «Полезной?» — переспросил он с горьким удивлением. «Не знаю. Какая может быть польза от того, что, как сегодня, день прстоишь у здания суда? Где тут польза? Мы выстаиваем перед зданиями судов и пишем письма протеста. Но кто нас слушает?»

Сахаров сообщил, что Комитет собирается раз в месяц, чтобы поддержать таких людей, как буддийский ученый в Центральной Азии [Бидия Дандарон]; которого преследуют за религиозные убеждения, или киевский психиатр [Семен Глузман], обвиненный в антисоветской деятельности и за это получивший срок. «Эти люди — настоящие смельчаки. В отличие от меня, их сажают в тюрьмы. Они не защищены».

«А что будет через десять, пятьдесят лет?» — «Через десять лет не изменится ничего. Даже если стране будет угрожать полная деградация, здесь ничего не изменится. Что бы я ни писал, мы ничего не можем изменить. Мы были бы благодарны, если бы власти хотя бы исполняли собственные законы, например закон о свободе слова, или проводили бы открытые суды, которые вроде как гарантированы Конституцией. Прежде меня пускали в суды, потому что я — Сахаров, но теперь и меня туда не пускают».

«Почему же тогда вы боретесь, если считаете все бессмысленным?» — «Потому что для нас это не поли-

тическая борьба. Подчеркиваю, что ничего не знаю о политике или политической теории. Это нравственный выбор каждого из нас. Мы ответственны перед своей совестью».

«Значит, вы пессимист?» — «Нет, я не пессимист. Я прирожденный оптимист. Просто я объективно оцениваю ситуацию»⁷⁵.

16 ноября, через несколько недель после подачи заявлений, Чалидзе и его супруга получили визы в США. Официально речь шла о поездке на месяц. 21 ноября, накануне их отъезда, на первой полосе американской газеты «Крисчен сайенс монитор» появилась статья Пола Вола:

«Будущий визит в США близкого соратника академика Сахарова Валерия Чалидзе советские диссиденты понимают как прецедент. Выдача советскими чиновниками визы на выезд Чалидзе и его супруге, внучке покойного Максима Литвинова, может рассматриваться как важный шаг вперед.

Политика Москвы за последний год состояла в стремлении избавиться от диссидентов путем высылки их в Израиль, если они евреи, или на Запад, в основном в Италию и США. Случай Чалидзе интересен тем, что в университетах Нью-Йорка и Джорджтауна ему предстоит прочесть лекции на деликатную тему — о гражданских правах в Советском Союзе.

За поездкой четы Чалидзе в Америку будут следить не только в Москве, но и на Западе, — особенно те, кто надеется на улучшение взаимоотношений с Советским Союзом. Если Чалидзе и его супруге разрешат вернуть-

ся на родину, то в конце концов, может быть, даже и профессор Сахаров придет на Запад и откроет новую эру — эру нормальных обменов между двумя частями света, разделенными идеологией».

Предсказание Вола в конце концов сбылось. Правда, через шестнадцать лет*.

23 ноября 1972 года, в День благодарения Александр Вольпин, Леонид Ригерман, моя жена Джил и я встретили Валерия и Веру Чалидзе в аэропорту Кеннеди. После того как они разместились в отеле, мы с женой пригласили их к себе, и Джил угостила всех традиционной праздничной индейкой... С этого дня началось мое десятилетнее сотрудничество с Чалидзе. Оно занимало значительную часть моего времени, но я охотно шел на это, понимая, что Валерий Чалидзе — один из немногих, кому удалось изменить мир к лучшему.

Через два дня Чалидзе встретился со знакомыми ему по Москве журналистами американских газет. 27 ноября Энтони Эстракан написал об этой встрече в «Вашингтон пост»:

«Чалидзе выпустили из СССР, и это удивило многих. Если же его пустят обратно, удивятся все.»

* 6 ноября 1988 года Сахаров прилетел в США на собрание Международного фонда за выживание и развитие человечества. Это был его первый выезд за границу. Чалидзе в Россию не вернулся, но Вера Чалидзе, которая работает ныне в Лондоне, в русском отделении Би-Би-Си (Вера и Валерий развелись в 1975 году), иногда бывает в Москве.

Сидя в номере нью-йоркской гостиницы, Чалидзе осторожен в выражениях и предпочитает юридические термины. Он говорит, что на деле, конечно, его проезд удивителен, но в принципе в нем ничего удивительного нет. "Каждый случай исполнения закона можно считать чем-то из ряда вон выходящим, но я всегда старался исходить из противоположной предпосылки и полагал, что ненормально-то как раз нарушение закона, а не его исполнение. Вообще следует исходить из того, что мир устроен правильно".

Чалидзе спросили, как соотносится его предпосылка о правильном устройстве мира с проблемами, с которыми он сам столкнулся на родине, и с продолжающимися арестами советских диссидентов. «Моему способу мировосприятия не противоречит и пессимистический взгляд на вещи». Тут Чалидзе улыбнулся и вспомнил старый советский анекдот: «Пессимист говорит, что дела хуже некуда, а оптимист, — что нет, это еще ничего, может быть и хуже».

В заявлении, сделанном по приезду в США, Чалидзе настаивал, что он не представляет здесь «какую-либо ортодоксальную или, наоборот, диссидентскую политическую группу», и вообще не имеет никаких политических мотивов; критикуя же советское законодательство и действия правительства, он только хочет помочь своей стране, а не навредить ей».

5 декабря в Москве на Пушкинской площади прошла традиционная демонстрация в поддержку политических заключенных. В ней приняли участие Андрей Сахаров и Елена Боннер. Лишь горстка

смельчаков добралась до площади. Западные журналисты наблюдали, как диссиденты обнажили головы и стояли так минут пятнадцать, а потом разошлись — на этот раз без инцидентов. В тот же день «Нью-Йорк таймс» опубликовала колонку Чалидзе под названием «Эхо Пушкинской площади»:

«С 1965 года ежегодно 5 декабря люди собираются на Пушкинской площади, чтобы поддержать тех, кто находится в заключении за правозащитную деятельность. С каждым годом сюда приходит все меньше народу, поскольку многие участники демонстрации впоследствии сами оказываются репрессированы. Сейчас остро стоит вопрос о том, выживет ли правозащитное движение или всех его участников пересажают, сошлют, запугают, сломают? По сравнению с недавним прошлым политические репрессии еще более усилились и ужесточились — три года тюрьмы теперь считаются легким наказанием. (Буковского приговорили к семи годам заключения и пяти годам ссылки.)

Недавно около сорока советских интеллигентов обратились к властям с петицией об амнистии политических заключенных. Я не знаю, поможет ли это, но уверен, что молчание не уменьшит ничьи страдания, и поэтому верю, что либеральные интеллектуалы Запада поддержат петицию советских коллег. И, как всегда, я надеюсь, что чиновники примут реалистическую точку зрения и дадут свободу или хотя бы разрешат покинуть страну тем, кто по политическим причинам был осужден за действия, не считающиеся преступными по общепринятым нормам закона.

К сожалению, право покинуть СССР дается только в особых случаях, но следует отметить, что это право, наряду с правом вернуться обратно, является одним из основных прав человека; защита свободы передвижения во многом способствует свободному обмену информацией и росту правосознания людей. В конце концов, конституционные гарантии прав станут значимыми для людей только благодаря правосознанию».

10 ноября «Нью-Йорк таймс» поместила на первой полосе репортаж московского корреспондента Хендрика Смита под заголовком «Репрессии раскалывают диссидентское движение в Советском Союзе»:

«В то время как отношения Советского Союза с Западом пошли в этом году на улучшение, советская тайная полиция начала целенаправленную кампанию репрессий против диссидентского движения. В результате некоторые инакомыслящие ощутили свою уязвимость, беззащитность и заняли преимущественно оборонительную позицию.

Диссидентские источники сообщают, что с начала года, в попытке сломить националистическое движение, на Украине арестовано более 100 человек. Восемь ключевых деятелей диссидентского движения в Москве и других больших городах были арестованы или осуждены в рамках продолжающейся уже год кампании по разгрому «Хроники текущих событий», важнейшего диссидентского издания.

Один из советских диссидентов был настолько удручен последними событиями, что на вопрос об их влия-

нии на диссидентское движение ответил: «На какое движение?»

Даже на пике активности правозащитное движение состояло из небольшой группы активистов, которые были или совсем не известны людям, или подвергались неистовой критике со стороны простых советских граждан. Сами диссиденты называют множество причин своей нынешней оборонительной позиции. Одна из них — усиление движения за эмиграцию евреев. Диссиденты говорят, что оно не только отвлекает энергию активистов от других целей и направляет ее на решение всего одной, частной задачи, но и лишает правозащитное движение поддержки тех, кому удастся получить визы в Израиль. Более того, тайная полиция молчаливо позволяет и даже способствует эмиграции диссидентов-евреев и не евреев, угрожая им репрессиями в случае отказа уехать из страны.

Еще один важный фактор — чувство отчаяния и бессилия, возникшее у инакомыслящей интеллигенции после того, как их петиции и пикетирование перед зданиями, где проходили суды, не спасли Синявского, Даниэля и других, приговоренных в 1966, 1967 и 1968 годах к длительным срокам заключения и ссылке в Сибирь. «Люди говорят: «Зачем рисковать работой, подвергаться опасности ареста, если наша деятельность не приносит пользы?» — сказал нам один диссидент.

Другой предположил, что в середине и конце 60-х часть интеллигенции все еще горела надеждой на будущую либерализацию, возникшей в правление Хрущева, и

хотела ускорить процесс. «Теперь в это больше не верят», — заключил этот человек.

Важным фактором является и относительное бездействие некоторых диссидентов, недавно вернувшихся из тюрем, длительной ссылки или из психиатрических больниц.

Но все-таки главный фактор, по мнению диссидентов, это неослабевающее давление КГБ...»

12 декабря я сопровождал Чалидзе в Йельский университет, где он читал лекцию. Поздно вечером, когда мы вернулись, друзья сообщили, что советские чиновники отчаянно разыскивают его. Как выяснилось, его искали по меньшей мере сразу три советских дипломата. Кто-то из них поведал американским журналистам, что с Чалидзе жаждет поговорить советский посол в США Яков Малик. Другой просил одного из друзей Чалидзе передать ему, что в советской миссии ООН лежит для него письмо. На следующее утро, 13 декабря, поиски продолжались, и пока один дипломат звонил Джону Кэри и выяснял, где же все-таки находится Чалидзе, другой появился в отеле «Волни». Последующие события описаны Энтони Эстраканом в газете «Вашингтон пост»:

«Дипломат Юрий Галишников, второй человек в советском консульстве, спросил, можно ли подняться к Чалидзе. Чалидзе сказал, что предпочел бы встретиться в холле. Галишников попросил Чалидзе захватить паспорт. Позже на пресс-конференции Чалидзе рассказывал: «Галишников попросил показать паспорт, чтобы идентифицировать личность. Сказав, что надо прове-

ритель визу, он протянул паспорт человеку, который сидел на соседнем диване. В конце концов паспорт оказался в кармане спутника Галишникова».

Галишников сообщил Чалидзе, что 12 декабря Президиум Верховного Совета издал указ о лишении Чалидзе советского гражданства за «действия, дискредитирующие советского гражданина».

Чалидзе сказал Галишникову, что опротестует решение Верховного Совета, хотя позже признал, что смысла в этом нет.

Представитель советской миссии в ООН на вопрос о Чалидзе ответил: «Вы же знаете, он не советский человек. Он нас предал. Он в душе не советский». Тогда дипломата прямо спросили, почему Чалидзе лишили гражданства. «Потому что в своих выступлениях во время поездки он не был лоялен к Советскому Союзу», — ответил он».

Конфискация паспорта Чалидзе и лишение гражданства стали главной темой американской прессы. В редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 15 декабря утверждалось, что «Соединенные Штаты и их союзники несут особую ответственность за происходящий сейчас перелом, одним из свидетельств которого был инцидент с Чалидзе. Сегодняшние репрессии проходят в атмосфере политического и экономического согласия между Востоком и Западом. Советские лидеры, кажется, полагают, что грубые полицейские акции, на которые Запад, озабоченный скорее разрядкой, чем демократией, милостиво закроет глаза, не нанесут их репутации никакого вреда».

17 декабря нью-йоркская «Санди ньюс» писала:

«Несколько дней назад в Нью-Йорке двое советских громил лишили Валерия Чалидзе, русского ученого, литератора и борца за права человека, паспорта и гражданства. Чалидзе около двух недель пробыл в США с лекциями о репрессиях против инакомыслящих на его родине. Он приехал, зная, что его могут наказать изгнанием. Приговор был менее жестоким, чем для некоторых его сотоварищей, приговоренных к рабскому труду в лагерях или заключенных в психушках. Но все-таки он был жесток.

Свободные люди чувствуют только гнев и презрение к красным тиранам. Тираны правят с помощью страха, потому что сами боятся: жалкие, слабые, испуганные, трухлявые существа, они должны глушить любой голос протеста и подавлять малейший проблеск правды, чтобы удержать в руках свою империю».

Редакционная статья в «Вашингтон пост» от 18 декабря критиковала действия советских властей:

«Лишенный советского гражданства во время лекционного турне по Америке Валерий Чалидзе вошел в длинный список выдающихся русских, которых за участие в правозащитном движении подвергают унижению, лишениям, тюремному заключению, принудительному лечению в психиатрических больницах, вынужденной эмиграции. Даже отказывают в медицинской помощи, как отказали недавно Юрию Галанскову, — и он умер в лагере. Советское правительство показало свою решимость поддерживать жесткую систему власти, натравливая полицию на одних несогласных и высылая

других за пределы страны. В кратковременном периоде успех такой тактики очевиден, хоть и достигнут ценой considerable снижения международной репутации. В долгосрочном же плане все менее радужно: Кремлю придется иметь дело с новыми оппозиционно настроенными писателями и деятелями культуры, занимающими место тех, кто посажен в тюрьму или отправлен в эмиграцию; с молодежью, которая считает существующую систему запретов неприемлемой и не желает ее терпеть; с выдающимися учеными, которые воспринимают репрессии не только как общественную, но и как собственную, личную трагедию; наконец, со многими «национальными» группами, например украинцами или латышами, чье национальное самосознание намного шире официальных квот на народные песни и танцы».

В письме советскому послу Анатолию Добрынину профессор Джорджтаунского университета Сэмюэл Дэш, выступивший официальным спонсором Чалидзе, писал:

«Советские официальные лица, давшие Чалидзе разрешение на выезд из страны, знали о целях его визита. Им также были хорошо известны его взгляды на ситуацию с правами человека в Советском Союзе. Чалидзе в осторожных выражениях и с высокой степенью ответственности критиковал как некоторые пробелы в советском законодательстве, касающемся прав человека, так и неудачную практику применения этих законов. Его критика определенно не дискредитировала ни его страну, ни его самого как гражданина СССР».

14 декабря в попытке приостановить лавину протестов, которую вызвало аннулирование гражданства Чалидзе на Западе, и сочувствия к нему самому, радио «Москва» транслировало англоязычный репортаж о деле Чалидзе:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря Валерий Чалидзе, 34 лет, был лишен советского гражданства. Его имя появилось в заголовках многих газет в США, Великобритании, Франции, ФРГ и других стран совсем недавно. Западные эксперты по Советскому Союзу часто и с удовольствием цитировали его, особенно в хорошо известном журнале НТС «Посев» и в других антисоветских изданиях. Чалидзе называли непонятым и преследуемым проповедником демократии в Советском Союзе.

В 1970 году он начал воплощать в жизнь свой план создания в Советском Союзе Комитета, имеющего, как лицемерно утверждал Чалидзе, консультативную функцию и поддерживавшего попытки правительства создать гарантии соблюдения прав человека. Затем Чалидзе начал пересылать на Запад свои доклады, в которых клеветал на советскую действительность.

Когда Чалидзе просил разрешения на визит в США сроком один месяц, он уверял соответствующие советские инстанции, что не уронит честь советского гражданина во время пребывания за рубежом. Но стоило ему оказаться за океаном, как он тут же позабыл о своих обещаниях и уверениях. Судя по поднятой вокруг него за границей шумихе, он охотно распространял лживые измышления о своей стране. Что останется от них? Ни-

чего. За бортом останется только сам Чалидзе. Советские граждане признали лишение его гражданства СССР справедливым решением».

17 декабря Чалидзе сообщил по телефону Твердохлебову, что больше не может занимать пост эксперта Комитета. На своем заседании 28 декабря Комитет утвердил отставку Чалидзе.

Отъезд Чалидзе и последовавшие события вызвали неоднозначную реакцию в диссидентских кругах и в частности среди членов Комитета прав человека. Сахаров в присутствии иностранных корреспондентов сделал неосторожное замечание, что отъезд Чалидзе был результатом «молчаливого договора» между ним и КГБ. Многие на Западе поняли это так, что Чалидзе был агентом или информатором КГБ. Сгустившаяся атмосфера подозрительности рассеялась не сразу и заставила Чалидзе — и меня, как его друга и партнера по издательству «Хроника-пресс», — пережить немало тяжелых минут. (Тем не менее Чалидзе быстро получил статус постоянно проживающего в США.)

Как признавал Сахаров в «Воспоминаниях», его комментарии на самом деле были еще жестче, чем передавали: «В январе (1973 г. — Э.К.) я написал резкое заявление с осуждением Чалидзе... Текст заявления я отдал А.И.Солженицыну для опубликования, т.к. нам с Люсей казалось тогда, что заявление прошло незамеченным, в частности его не было на радио...»⁷⁶

Солженицын был крайне неприязненно настроен по отношению и к Чалидзе, и к деятельности Комитета прав человека. В книге «Бодался теленок с дубом» он в характерной живой манере пишет:

«И для зоны униженно-оскорбленных Сахаров все еще был слишком чист: он не предполагал, что и здесь могут быть не одни благородные порывы, не одни поиски истины, но и корыстные расчеты: построить свое имя не общепринятым служебным способом, не в потоке машин и тягачей, но — касанием к чуду, но прищепкою к этому странному, огромному, заметному воздушному шару, без мотора и без бензина летящему в высоту...

Другим из таких людей, взявших высоту с помощью воздушного шара, был В. Чалидзе. Сперва он выпускал скучнейший самиздатский юридический журнал. Затем изобрел Комитет защиты прав человека, с обязательным участием Сахарова, но с хитро составленным уставом, дающим Чалидзе парировать в комитете всякую иную волю.

... В этот комитет и вложил Сахаров много своего времени и сил, размазываемых утонченными прениями, исследованиями и оговорками Чалидзе — там, где нужно было действовать. (Возникал ли вопрос о политзаключенных, — «надо дать определение политзаключенного», как будто в СССР это не ясно; о психушках против инакомыслящих, — расширить изучение на всю область прав душевнобольных, до «возможностей освобождения контроля их сексуальной жизни».) Холодно-рациональным торможением, с ледяно-юридической

кровью, Чалидзе остановил и испортил достаточно начинаний комитета, который мог бы сыграть в нашем общественном развитии и значительно большую роль. (С какого-то момента, утомясь от защиты прав человека, Чалидзе решил переехать за океан. Самый последний наивец согласится, что для получения визы на выезд за границу (в 70-х годах) читать лекции о правах человека в СССР — не обойтись без разработанной уговоренности с ГБ, которая не достигается единокротной встречей, — и это будучи членом комитета!)»⁷⁷.

29 декабря Твердохлебов, который считал отъезд Чалидзе большой потерей для Комитета и был весьма огорчен реакцией Сахарова, направил Комитету следующее заявление:

*«Настоящим сообщаю о своем выходе из Комитета прав человека, но это ни в коей мере не должно рассматриваться ни как свидетельство разочарования в целях Комитета, зафиксированных в его принципах, ни как выражение мнения о ненужности и бесполезности этой ассоциации, ни как отказ от личных усилий в области прав человека в нашей стране. Причины моего выхода из Комитета исключительно личные, и, как это бывает в таких случаях, фактически невозможно сформулировать их без указания субъективных и временных, а потому малоинтересных моментов»*⁷⁸.

31 января 1973 года Твердохлебов присоединился к заявлению Павла Литвинова, Татьяны Великановой и двадцати пяти других москвичей, озаглавленному «Об общественной деятельности Валерия Чалидзе».

В явлении коллеги Чалидзе признали огромное значение его деятельности в Советском Союзе:

«Три с половиной года назад в нашей стране вышел первый номер журнала «Общественные проблемы», который основал и редактировал физик Валерий Чалидзе. Журнал «Общественные проблемы» был явлением беспрецедентным. ...

Демонстративная, подчеркнутая легальность журнала «Общественные проблемы» была началом длительного эксперимента, который недавно нашел свое драматическое завершение в акте лишения Чалидзе советского гражданства. Целью Чалидзе, как издателя и редактора журнала «Общественные проблемы», было создать прецедент издания в нашей стране частного журнала, где желающие могли бы свободно высказываться по вопросам права, этики и других гуманитарных проблем...

... Ни официального письменного запрета, ни разрешения на издание «Общественных проблем» не было. Знал ли Чалидзе, что такого ответа и не будет, что администрация попросту создаст условия, в которых выход журнала будет невозможен? Такую возможность Валерий Чалидзе, несомненно, предполагал. Однако в своих действиях он исходил из того, что правовые нормы, обязательные для него самого, обязательны и для его партнера — советской администрации. ...

Поэтому, несмотря на многие явные свидетельства стремления администрации «опрокинуть доску», Чалидзе продолжал настаивать на соблюдении правовых норм и издавать журнал. Он был готов в качестве чле-

на Комитета вместе с другими членами этого Комитета давать консультации государственным органам, если они этой юридической помощи пожелают. ...

Помимо творческой работы в Комитете, Чалидзе, действуя в личном качестве, уделял чрезвычайно много времени отдельным казусам нарушения прав, и необычайно много людей приходило к нему за помощью и советом. ...

... Представители администрации заявили, что деятельность Комитета прав – это антисоветская деятельность, и потребовали лично от Чалидзе, чтобы он свою деятельность в Комитете прекратил, причем в его адрес были высказаны недвусмысленные угрозы, о чем он дал сообщение в прессу. Таким образом, одна из сторон дала понять, что прекращает правовые отношения с Чалидзе, как с членом Комитета и борцом за гражданские права.

Чалидзе оставалось только считаться с этим фактом и либо продолжать навязывать другой стороне, государственной администрации, законный порядок действий (такая настойчивость означала бы для Чалидзе арест и заключение), либо свою деятельность прекратить.

Чалидзе нашел для себя в этой ситуации третий путь, позволивший ему ни в чем не изменить себе: он перенес диалог в другую сферу права. Получив приглашение читать лекции в Нью-Йоркском университете, Чалидзе, исходя из того, что по советским законам любой гражданин в соответствующем порядке имеет

право временно уехать из страны, подал заявление о выезде на месяц в Соединенные Штаты.

... Советская администрация выбрала не худшую возможность прекратить диалог с непослушным гражданином, если рассматривать эту ситуацию в аспекте чисто гуманитарном. Чалидзе лишили гражданства.

... Очень возможно, что выезд Чалидзе и его жены из СССР является прецедентом, смысл которого в том, что советская администрация и впредь будет давать возможность некоторым из тех, кого считает «инакомыслящими», покинуть страну под иным предлогом, чем выезд в Израиль. От этого еще далеко до гарантии права свободного выезда из СССР, но все-таки этот способ несомненно человечнее, чем заключение инакомыслящих в лагеря и тюрьмы.

... Валерий Чалидзе до конца был последователен, он не давал согласия выехать на постоянное жительство из СССР, не заполнял соответствующих анкет. Сколь бы ни было психологически вынужденным это согласие на эмиграцию из СССР, но именно Валерий Чалидзе не давал такого. Словно сама судьба дала ему возможность обойтись без этого ритуального жеста, в награду за верность себе, своему принципу строго правовых отношений между собой и государственной администрацией. ...

Прошло три с половиной года. Длительный эксперимент, который физик Валерий Чалидзе поставил в области отношений между советским гражданином и советским государством, завершился, и еще не самым худшим образом для экспериментатора.

След, который оставил Чалидзе своей деятельностью в нашей стране, бесспорен и ярок. Мы надеемся, что и в нынешнем своем положении, вдали от родины, Чалидзе будет полезен и ей, и делу развития правосознания в мире...»⁷⁹

Надежды правозащитников на Чалидзе полностью оправдались. Вскоре после появления в Нью-Йорке он организовал издательство «Хроника-пресс» и стал его главным редактором; я был в издательстве менеджером и со-редактором. Сахаров назвал его «одним из наиболее важных русскоязычных изданий за рубежом... независимым в лучшем смысле этого слова... заменившим, насколько это возможно, ту брешь, которая образовалась из-за временного прекращения издания в СССР «Хроники текущих событий»*»⁸⁰.

Сахаров и Чалидзе продолжили сотрудничество в правозащитной сфере, хоть их личные отношения так и не восстановились. «Хроника-пресс» стала

* Циркуляция новых выпусков «Хроники текущих событий» была прекращена после октября 1972 года, когда КГБ пригрозило арестами одного или нескольких диссидентов по выходе каждого нового номера. Следователь по делу Ирины Белгородской оповестил ее мужа Вадима Делоне, что ее арест 3 января 1973 года произведен из-за появления номера 27 (датированного 15 октября 1972 года). В декабре 1973 года Белгородскую выпустили из Лефортово без суда. Новых выпусков «Хроники» не появлялось во время пребывания Белгородской в тюрьме, хотя редакторы продолжали собирать информацию, появившуюся в номерах 28–31, когда выход «Хроник» был возобновлен в мае 1974 года. См.: «Хроника текущих событий», №№28–31, с. 8, 14 и 84.

главным русскоязычным издателем книг, заявлений и обращений Сахарова. Чалидзе активно способствовал тому, чтобы Международная Лига продолжала поддерживать Комитет и Сахарова. Я присутствовал при первом звонке Джона Кэри Сахарову в январе 1973 года. Было ясно, что Сахаров, беседуя с по телефону с иностранцем, сидящим в Нью-Йорке, чувствовал себя неуверенно, настороженно, скованно. Вскоре, однако, он привык к звонкам из-за границы и позже использовал их, чтобы передавать новости, зачитывать обращения, заявления и даже диктовать длинные статьи⁺.

⁺ В мае 1974 года Сахаров лично надиктовал по телефону «Мир через 50 лет», статью в 4000 слов. Она была опубликована под названием “Tomorrow: view from the Red Square” [«Завтрашний день: взгляд с Красной Площади»] в Saturday Review/World 24 августа 1974 года. Еще до того мы получили у Сахарова разрешение записывать его звонки.

После отъезда Чалидзе и ухода Твердохлебова Сахаров, Шафаревич и Подъяпольский приняли решение продолжать работу Комитета втроем и заявили об этом в документе, получившем широкую огласку в западной прессе.

«В последнее время, — говорилось в документе, — нам неоднократно задавали вопросы, касающиеся работы Комитета и имеющих к нему отношение обстоятельств. Ниже следуют ответы на некоторые из этих вопросов»⁸¹. Первый вопрос касался обращения об амнистии политзаключенных, составленного Сахаровым в 1972 году: «Соответствует ли принятый 28 декабря 1972 года Президиумом Верховного Совета СССР Указ об амнистии пожеланиям, высказанным в обращении?».

Шафаревич ответил на вопрос отрицательно и назвал, среди других недостатков, нераспространение амнистии на осужденных за распространение самиздата и инакомыслящих вообще, на участников нежелательных властям манифестаций, на верующих. Сахаров назвал еще несколько причин, по которым Указ нельзя было признать удовлетворительным, в частности отсутствие упоминания лиц, поме-

ценных в связи с убеждениями в психиатрические больницы, исключение из Указа статьи 209, которую применяли «за уклонение от выполнения административного решения о трудоустройстве».

Далее Сахаров ответил на вопрос о поездке Чалидзе за границу и лишении его советского гражданства:

«Мне неизвестны все обстоятельства получения Чалидзе разрешения на выезд. Но с самого начала было очевидно, что получение разрешения частным лицом по вызову для чтения неофициозных лекций о правах человека в СССР, причем вместе с женой, совершенно беспрецедентно. Ведь даже для высокопоставленного советского гражданина частная семейная поездка — исключительный случай. Попытки мои и Шафаревича обсудить с Чалидзе возможные последствия выезда при таких обстоятельствах, когда наиболее вероятным представлялось лишение гражданства, наталкивались на резкое сопротивление. По-видимому, лишение Чалидзе гражданства в каком-то смысле устраивало как власти, так и его самого. Поэтому меня удивляет то освещение, которое это событие получило на Западе. В ряде откликов и протестов лишение Чалидзе гражданства рассматривается как одно из крупнейших нарушений прав человека в нашей стране. Это является искажением перспективы и отвлекает от более серьезных проблем. Но все сказанное, являющееся моим личным мнением, а не заявлением Комитета, не означает, что я считаю лишение Чалидзе гражданства правомерной акцией властей. Это действие несомненно проти-

воречит общепринятым правовым принципам, в частности нашедшим свое выражение в Декларации прав человека».

В заключение члены Комитета рассказали о его деятельности.

Отвечает Шафаревич: «Сейчас перед нашей страной стоит ряд проблем исключительной важности и трудности: экономических, общественных, духовных. Их решение возможно лишь в результате усилий, самопожертвования и инициативы всех граждан. Здесь может сыграть роль и Комитет прав человека, являющийся уникальной для нашей страны ассоциацией, существующей на вполне законных основаниях и вместе с тем никак не контролируемой государством. Я считаю, что главной задачей Комитета является изучение наиболее принципиальных общественно-правовых вопросов нашей жизни. О многих из них мы все имеем такое смутное представление, какого просто не можем себе позволить».

Отвечает Сахаров: «Конечно, мы сделали гораздо меньше, чем хотелось бы. В работах Комитета не всегда удавалось избежать псевдонаучности, уводящей в сторону от жизненно важных проблем. Некоторые документы были посвящены вопросам, затрагивающим лишь узкий круг лиц. Но важным мне кажется, что работа началась и что она продолжается».

Отвечает Подъяпольский: «Работу Комитета я представляю себе в виде подготовки обзоров, содержащих фактический материал и юридический анализ. Удачными примерами деятельности Комитета, мне ка-

жется, были некоторые работы о правах лиц, признанных душевнобольными. Очень огорчительно, что из состава Комитета по личным мотивам вышел Андрей Твердохлебов, который вместе с Чалидзе и Сахаровым был один из трех членов-учредителей Комитета. Но я надеюсь, что к нам присоединятся новые работоспособные сотрудники, желающие принять участие в интересной и нужной для страны работе».

В январе 1973 года Шафаревич представил Комитету подробный доклад, озаглавленный «Законодательство о религии в СССР». В нем рассматривались законы, регулирующие религиозную жизнь в СССР, приводились примеры административных решений и устных инструкций, находящихся в противоречии с советскими конституционными и государственными гарантиями, указывалось на конкретные действия, нарушавшие права верующих. Кроме того, Шафаревич описал и проанализировал нормативные акты, касающиеся создания и роспуска религиозных общин; прав и обязанностей этих общин; налогового обложения церковных приходов и их организацию; проблем, с которыми сталкиваются верующие при крещении и религиозном воспитании детей. В докладе также указывалось на недостаточное количество церквей в СССР. Отдельно Шафаревич рассматривал вопросы, касающиеся духовенства.

Особой критике докладчика был подвергнут запрет на религиозное воспитание детей. Шафаревич привел в пример Венгрию и Польшу — страны соцлагеря, в которых, однако, факультативное религиоз-

ное образование в школах было разрешено. Подводя итоги исследования, Шафаревич заметил:

- «1. *Существующие сейчас законы во многих важнейших вопросах не обеспечивают достаточных гарантий нормального развития религиозной жизни, осуществления провозглашенного в Конституции принципа свободы совести.*
2. *Инструкции, которые должны разъяснить применение законов, содержат новые положения, не вытекающие из законов, а в некоторых случаях им противоречащие.*
3. *Есть веские основания опасаться, что на практике нарушаются и инструкции, и законы о религии.*

Такая ситуация чревата самыми серьезными опасностями для жизни общества.

Ограничения и нарушения свободы религиозной жизни прежде всего, конечно, жестоко ранят верующих — десятки миллионов граждан нашей страны. А ведь надо помнить, что здесь речь идет о вопросе, являющимся для них основным вопросом жизни. ...

Поэтому нам представляется, что нормальное развитие религиозной жизни является одним из основных условий существования государства. ...

В основу законодательства следует ... положить следующие два принципа:

- *государство не должно вмешиваться во внутренние дела религиозных обществ и церквей;*
- *религиозные общины и церкви должны подчиняться тем же нормам, что и другие негосударствен-*

ные добровольные общества, без какой-либо дискриминации»⁸².

Хотя члены Комитета выражали намерение продолжить и расширить его работу, с отъездом Чалидзе и уходом Твердохлебова их совместная деятельность стала потихоньку сворачиваться. Сахаров упоминает об этом периоде в «Воспоминаниях»:

«В 1973 и 1974 годах заседания Комитета происходили регулярно у нас на чкаловской квартире с тремя участниками — Шафаревич, Подъяпольский и я. Мы составили несколько неплохих документов и опубликовали их. Но все мы чувствовали, что форма Комитета изжила себя. Фактически мы составляли «обычные» правозащитные документы, и то, что они назывались документами Комитета, мало что к ним добавляло. Встречи наши стали постепенно приобретать в основном взаимно-информационный характер. «Хозяйкой» на этих встречах была, конечно, Люся, но вместе с Гришей всегда приходила его жена Маша (Мария Гавриловна Петренко-Подъяпольская) и принимала горячее участие во всех хозяйственных мероприятиях. Мы с Люсей (и Руфь Григорьевна) скоро очень подружились с обоими — Гришей и Машей. А что касается Комитета, то постепенно мы стали все реже и реже вспоминать о его существовании. Еще раньше отошел от нас Шафаревич»⁸³.*

Андропов в докладе ЦК от 1 марта 1973 года поставил распад Комитета себе в заслугу: «Антиобществен-

* Руфь Григорьевна Боннер (1900 – 1987) – мать Е.Г.Боннер.

ная активность так называемого Комитета прав человека снизилась в результате мер, принятых КГБ. Эти меры включали компрометацию Чалидзе, лишение его советского гражданства и провоцирование разногласий и ссор между членами Комитета и теми, кто им сочувствует, что привело к уходу Твердохлебова».

Андропов продолжил тему и в другом докладе ЦК – от 13 марта:

«Комитетом госбезопасности оперативным путем получены материалы, дающие основание сделать вывод о том, что противник обеспокоен снижением враждебной активности так называемого «Комитета прав человека», последовавшей после компрометации Чалидзе и лишения его советского гражданства

Анализ материалов свидетельствует также о значительно возросшем интересе спецслужб противника к личности академика Сахарова и явном их стремлении активизировать его выступления, наносящие политический ущерб интересам Советского Союза. ...

В последнее время участились посещения квартиры Сахарова и его жены Боннер иностранцами, в том числе аккредитованными в Москве корреспондентами зарубежных газет и эмиссарами таких зарубежных «неправительственных» организаций, как «Международная Амнистия» и «Фонд им. Герцена», которые пыта-*

* Фонд им. Александра Герцена основан в 1969 году в Амстердаме профессорами Карелом ван хет Реве, Яном Бецемером и Питером Реддуэйем. В задачи фонда входила публикация неподцензурной литературы из СССР.

ются получить от него тенденциозную информацию. Во многих случаях Сахаров и его жена идут навстречу стремлениям иностранцев.

Возросло также количество международных телефонных переговоров Сахарова с иностранцами и писем в адрес Сахарова из-за рубежа с выражением поддержки его антиобщественной деятельности.

...Органы госбезопасности продолжают проведение мероприятий по разложению «Комитета» и локализации антиобщественной деятельности Сахарова и его ближайших единомышленников».

Вопреки «мероприятиям» КГБ, деятельность Комитета продолжалась. 22 мая 1973 года его члены обратились к мировому общественному мнению по поводу судьбы Андрея Амальрика, оставленного в лагере после того, как истек срок, определенный ему по приговору. Теперь его обвинили в том, что он, находясь в заключении, продолжал клеветать на советский строй. Суд того района, где Амальрик отбывал свой срок, приговорил его еще к трем годам лагерей. Сахаров присутствовал при рассмотрении апелляции Амальрика Верховным Судом РСФСР 13 ноября в Москве. Постановлением суда три года лагерей были заменены тремя годами ссылки*.

* 15 июля 1976 года Амальрик и его жена Гюзель покинули Россию и уехали на Запад. В 1980 году Амальрик погиб в автокатастрофе на пути в Мадрид, куда он направлялся на Международную конференцию по сотрудничеству и безопасности в Европе.

25 июня Подъяпольский и Сахаров обратились к Генеральному секретарю ООН Вальдхайму по поводу ареста Владимира Борисова, Леонида Плюща и других членов Инициативной группы в защиту прав человека. Это была одна из немногих акций Комитета в 1973 году. Сахаров, конечно, продолжал оставаться в центре общественного внимания, но уже не столько в связи с деятельностью Комитета, сколько в связи с новым обострением его конфликта с советскими властями. Причиной обострения стало большое интервью шведскому корреспонденту Улле Стенхольму 2 июля 1973 года. В Швеции интервью было опубликовано в газете «Дагенс нюхетер» уже через два дня.

— *В чем конкретно Вы видите самые большие недостатки в сегодняшнем советском обществе?*

— *В несвободе, наверное. В несвободе, бюрократизации управления, в том, что это управление крайне неразумно и страшно эгоистично. Это классово-эгоистическое управление, которое преследует, в сущности, только одну цель: сохранить этот строй, сохранить видимость благополучия при очень неблагоприятном*

внутреннем положении. Социально это — ущербное общество....

— ... Мы говорили о недостатках. Разрешите поставить вопрос: что можно сделать, чтобы исправить положение?

— Что можно сделать и к чему нужно стремиться — это разные вопросы. Сделать, по-моему, почти ничего нельзя. Нельзя, так как внутренне система очень стабильна. Чем система несвободнее, тем лучше она внутренне законсервирована.

— Ну, а внешние силы? Также ничего не могут сделать?

— Мы понимаем, что делает внешний мир. Внешний мир, по-видимому, решил принять наши правила игры. С одной стороны, это очень плохо. Но есть и вторая сторона дела: мы сейчас порываем с 50-летней изоляцией, а это может со временем оказать и благотворное влияние. Очень трудно прогнозировать, как все это будет происходить. К тому же нам неясно, к чему сводятся действия Запада: к желанию нам помочь или, наоборот, к капитуляции, удовлетворению внутренних интересов Запада, где мы играем роль разменной монеты.

— Это — заграничные силы, а как обстоит дело внутри Советского Союза?

— Здесь тоже происходят процессы, но они настолько непонятны и подспудны, что прогнозировать какие-либо положительные перемены почти невозможно. Ясно, что такое большое государство, как наше, не может быть внутренне однородным, но отсутствие информации и связи между отдельными группа-

ми людей делает почти невозможной оценку происходящего.

Например, мы знаем, что на окраинах очень сильны националистические тенденции. Но определить в каждом отдельном случае, положительны ли они или нет, — довольно трудно. Известно, что, например, на Украине они очень сильно переплелись с демократическими тенденциями. В Прибалтике тоже религиозные и национальные течения легко и естественно переплетаются с демократическими. Но в других местах это, может быть, и не так — мы не знаем подробностей.

— Я вижу, что Вы пессимист.

— Оценивая наш социализм, я не вижу в нем какого-нибудь теоретического новшества для лучшей организации общества. Мне кажется, что в многообразии жизни может быть найдено и что-то положительное, но в целом путь нашего государства содержал больше разрушительных, чем созидательных, общечеловеческих моментов. У нас шла жесточайшая политическая борьба, разрушение и ожесточение зашли так далеко, что сейчас мы пожинаем печальные плоды этого в виде усталости, апатии и цинизма, от которых мы очень трудно излечиваемся, если излечиваемся вообще. Эти тенденции развития нашего общества очень трудно прогнозировать, глядя изнутри. Может быть, снаружи это сделать легче, но для этого нужен абсолютно непредвзятый глаз.

— Вы сомневаетесь в том, что можно вообще что-то сделать, чтобы исправить систему в Совет-

ском Союзе. И несмотря на это Вы сами все время действуете. Почему?

— Это — естественная потребность создавать идеалы, даже когда не видно непосредственного пути к их осуществлению. Ведь если нет идеалов, то и надеяться вообще не на что. Тогда наступает ощущение беспросветности, тупика. Кроме того, нам до конца не ясно, есть ли какие-нибудь возможности взаимодействия нашей страны с внешним миром. Если не будет сигналов о неблагополучии у нас, то не смогут быть использованы даже те возможности, которые, может быть, есть. Ведь тогда будет не ясно, что же надо исправлять и нужно ли вообще что-нибудь исправлять.

Есть еще один важный момент. Наша страна должна служить предупреждением. Она должна удерживать Запад и развивающиеся страны от того, чтобы они не совершили ошибок такого масштаба, какие в ходе исторического развития были совершены у нас. Тот факт, что мы выступаем, еще не означает, что мы на что-то надеемся. Бывает, что человек ни на что не надеется, но все равно выступает, потому что он не может молчать. Возьмите конкретные случаи преследований у нас. Тут мы ни на что не надеемся, печальная действительность это подтверждает: практических результатов наши проекты не дают. ...

— Если Вы считаете, что социализм в Советском Союзе не показал своих преимуществ, то означает ли это, что для исправления положения необходимо перестроить все государство? Или можно делать что-то

внутри системы, чтобы улучшить ее и устранить самые большие недостатки?

— Это, пожалуй, непосильный для меня вопрос. Потому что совсем перестраивать государство — невысказано, нужна какая-то преемственность и постепенность, иначе будет опять такое же страшное разрушение, развал, через которые мы уже несколько раз проходили. Постепенность кажется абсолютно необходимой.

— Что же нужно делать прежде всего?

— Что делать? Я понимаю, что наша теперешняя система по своим внутренним свойствам ничего сделать не в состоянии. Но надо. Надо бы ликвидировать идеологический монизм общества. Единая идеологическая структура, антидемократическая по своему существу, трагична для государства. Изоляция от внешнего мира, например отсутствие права выезда и возвращения, очень пагубно отражается на внутренней жизни. ... Ведь страна, из которой нельзя свободно выехать и в которую нельзя свободно вернуться, это уже неполноценная страна. Создается замкнутая система, где все процессы развиваются совсем иначе, чем в открытой системе. ...

Очень важны также экономические вопросы. Крайняя государственная социализация привела у нас к тому, что в тех областях, где наиболее эффективна частная инициатива, она так же закрыта, как и в крупной промышленности и на транспорте, где государственная система управления, вероятно, разумна. Зажим личной инициативы граждан ведет к сильному стесне-

нию личной свободы. Это не только отрицательно сказывается на уровне жизни населения, но делает жизнь гораздо более скучной, тоскливой, чем она могла бы быть.

Я говорю о личной инициативе в сфере потребления, в сфере обслуживания, образования, в медицине. Допуск личной инициативы в этой области способствовал бы ослаблению монополистической структуры государства. Партийная монополизация управления дошла у нас до таких пределов, недопустимость которых, наверное, видна и самому управленческому слою. Для борьбы с этим явлением нужна, наверное, большая гласность в работе аппарата управления. Однопартийная система очень уж жестка. Между тем даже в условиях социалистического экономического строя возможна неоднопартийная система ...

Нужно предоставить возможность выбора между несколькими кандидатами.

В общем, нужен ряд мероприятий, которые каждое в отдельности дадут не много, но в совокупности могли бы расшатать окаменелый и давящий на жизнь планеты монолит.

Измениться должна и наша печать. Сейчас она настолько унифицирована, что уже потеряла значительную часть своей информационной ценности. ...

Нет разнообразия интеллектуальной жизни. Неправомерно ущемлена роль интеллигенции в обществе. Интеллигенция материально у нас плохо обеспечена даже по сравнению с людьми физического труда. ...

Приниженное положение интеллигенции вызывает также и идеологическую придавленность, создает в стране антиинтеллектуальную атмосферу, когда интеллигентная профессия, профессия педагога, врача не пользуется должным уважением. В результате сама интеллигенция начинает уходить либо в узкий профессионализм, либо в двойственную интеллектуальную жизнь на работе и дома. В узком кругу своих знакомых, где это можно, они начинают самостоятельно, по-разному мыслить. Но это означает усиление лицемерия на работе и среди чужих и дальнейшее падение, нравственное и творческое. Особенно тяжело все это сказывается не на технической, а на гуманитарной интеллигенции, у которой уже создалось полное ощущение тупика»⁸⁴.

Первый залп по Сахарову был сделан «Литературной газетой», где 18 июля 1973 года была опубликована статья Юрия Корнилова «Поставщик клеветы». В ней Сахаров обвинялся в том, что «его интервью от начала и до конца пронизано стремлением очернить Советский Союз, советский образ жизни». 2 августа Андропов и Генеральный прокурор СССР Роман Руденко обратились к ЦК с требованием положить конец выступлениям Сахарова, влияние которого на мировое общественное мнение все возрастало:

«Как докладывалось ранее, Сахаров и прежде неоднократно выступал со всякого рода политически безответственными заявлениями и материалами, широко

использовавшимися Западом в антисоветской пропаганде. Несколько лет назад он явился одним из организаторов так называемого «Комитета прав человека», от имени которого опубликован ряд заявлений, искажающих советскую действительность. Однако в последнее время в действиях и заявлениях Сахарова появились новые, откровенно враждебные Советскому Союзу мотивы. Так, в конце мая этого года он дал интервью шведскому корреспонденту Стенхольму, в котором прямо заявил, что является противником социалистического строя, и призвал Запад к активным выступлениям против политики Советского государства. В качестве одной из мер Сахаров рекомендовал шире создавать за рубежом различного рода «группы» и «комитеты» в защиту враждебных элементов из числа советских граждан, привлеченных к уголовной ответственности.

Учитывая изложенное и то, что такие действия Сахарова не могут оставаться безнаказанными, представляется необходимым вызвать его в Прокуратуру СССР и сделать соответствующее предупреждение о его противоправной деятельности».

ЦК одобрил это предложение, и 15 августа заместитель Генерального прокурора Михаил Маляров позвонил Сахарову и вызвал в прокуратуру. 16 августа Сахаров встретился с Маляровым и неопознанным сотрудником КГБ (в записи Сахарова он фигурирует как «помощник Малярова»). Нижеследующая запись их 70-минутной беседы сделана Сахаровым по возвращении домой. Маляров начал разговор с перечисления «грехов» Сахарова:

*«Маляров. Эта беседа носит характер преду-
преждения, поэтому не все утверждения будут снаб-
жены исчерпывающими доказательствами, но вы мо-
жете нам поверить, что мы располагаем такими дока-
зательствами. Я прошу вас выслушать меня внима-
тельно и по возможности не перебивать.*

Сахаров. Я готов вас выслушать.

*Маляров. Когда несколько лет назад вы начали
ту деятельность, которую называете общественной,
мы стали внимательно за ней следить, но считали воз-
можным не принимать никаких мер. В то время мож-
но было считать, что вы выступаете с позиции совет-
ского человека по поводу отдельных недостатков и
ошибок, как вы их понимаете, не выступая против со-
ветского общественного строя в целом. Правда, уже
тогда ваши выступления публиковались в зарубежной
антисоветской прессе и приносили ощутимый вред на-
шему государству. В последнее время ваша деятель-
ность и выступления приобрели еще более вредный и
откровенно антисоветский характер, и прокуратура,
стоящая на страже закона и интересов нашего обще-
ства, уже не может оставаться в стороне. Вы встре-
чаетесь с иностранцами и даете им материалы для ан-
тисоветских публикаций. В особенности это отно-
сится к вашим интервью. В интервью шведскому радио
вы выступаете против социалистического строя в на-
шей стране, называя его строем максимальной несво-
боды, недемократическим, закрытым, лишенным воз-
можности инициативы в экономической области, раз-
валивающимся.*

Сахаров. Я не говорил «разваливающимся».

Маляров. Вы встречаетесь с такими реакционными журналистами, как, например, корреспондент шведского радио Стенхольм, и даете им ваши интервью, которые используются для подрывной пропаганды, используются печатным органом НТС «Посев». ...

Сахаров. ... Вы назвали Стенхольма реакционным журналистом. Это несправедливо. Он социал-демократ, он гораздо более социалист или коммунист, чем я, например.

Пом. Малярова. Социал-демократы Розу Люксембург убили. ...

Маляров. Я продолжу. ... По роду вашей прошлой работы вы имели допуск к государственным секретам особой важности. Вы давали подписку о неразглашении государственной тайны, о том, что вы не будете встречаться с иностранцами. Но вы встречаетесь с иностранцами и сообщаете им сведения, которые могут представлять интерес для зарубежных разведок. Я прошу вас учесть всю серьезность этого предупреждения и сделать для себя выводы...

Сахаров. Я заявляю, что никогда не разглашал военных и военно-технических секретов, известных мне по роду моей прошлой работы в 1948–1968 годах...

Маляров. Мы сделали предупреждение. Ваше дело – сделать выводы.

Сахаров. Я повторяю, что я предпочел бы публикации в советской прессе, предпочел бы контакты с советскими учреждениями. Но я не вижу ничего противозаконного во встречах с иностранными журналистами.

(Далее Сахаров упомянул о Григоренко, Амальрике и Плюще.)

Маляров. Кто дал вам право сомневаться в нашем правосудии, ведь вы не были на суде. Вы опираетесь на слухи, а они часто ложны...

Сахаров. Вы говорите, что я все время ссылаюсь на слухи. Это не точно, я стараюсь иметь точную информацию. Но вообще в нашей стране все трудней узнавать, что происходит. Нет публикаций с полной и точной информацией о нарушениях.

Пом. Малярова. Вы имеете в виду «Хронику»? [Публикация «Хроники текущих событий» была приостановлена в октябре 1972 года. — Э. К.]

Сахаров. Конечно, «Хронику».

Пом. Малярова. Да, о «Хронике» скоро будет разговор. Вы знаете, что я имею в виду. [«Хроника текущих событий» упоминалась на процессе Якира — Красина. — Э. К.] ...

Сахаров. Вы говорите, что меня никто не поддерживает. В прошлом году я участвовал в двух коллективных обращениях — об амнистии и об отмене смертной казни. Эти обращения подписали более пятидесяти человек... Многие мыслители считают, что этот институт [смертной казни. — Э. К.] не должен быть сохранен в гуманном обществе, что он аморален. Тяжелая преступность у нас имеет место при наличии смертной казни, смертная казнь не помогает сделать общество более гуманным. Я слышал, что у нас даже в юридических кругах обсуждался вопрос об отмене смертной казни.

Маляров. Нет. Один юрист поднял этот вопрос, но никто его не поддерживал. Это несвоевременно.

Сахаров. Этот вопрос сейчас обсуждается во всем мире. Во многих странах смертная казнь отменена. Чем мы хуже?

Маляров. В США отменили, но сейчас же были вынуждены вновь восстановить. Вы читали о тех преступлениях, которые имели место. У нас ничего похожего нет. Вам нравится американский образ жизни — но там свободная продажа оружия, президентов убивают, сейчас эти демагогические фокусы с делом «Уотергейт». Швеция гордится своей свободой, но там на каждой улице порнографические картины, я сам видел. Вы что, за порнографию? За такую свободу?

Сахаров. Я не знаю американского или шведского образа жизни, вероятно, там есть свои трудные и большие проблемы. Я не хочу идеализировать. Но вот вы упомянули дело «Уотергейт». Оно хорошо характеризует американскую демократию.

Маляров. Все рассчитано на показ. Все кончится ничем, стоит только Никсону проявить твердость. Такова их демократия — одни фокусы.

Далее Маляров обрушился с критикой — на Аркадия Белинкова, Юлия Даниэля и Андрея Амальрика — за их «антисоветские» рассказы и эссе. Сахаров возразил, что все трое — выдающиеся писатели, осужденные за свои убеждения.

Маляров. Мы должны кончать. Я хочу, чтобы вы сделали выводы из серьезных предупреждений. Любое государство не может не защищать себя. Существуют

статьи закона, и никому не будет позволено их нарушать.

Сахаров. Я внимательно вас выслушал, я запомнил все, что вы сказали, так сказать, «намотал на ус». Но я не могу согласиться с тем, что я нарушал закон. В частности, я не могу согласиться с вашим утверждением, что мои встречи с иностранными корреспондентами были противозаконны или что они ставили под угрозу государственную тайну»⁸⁵.

Через пять дней после беседы с Маляровым Сахаров провел свою первую пресс-конференцию. Он хотел показать, что вызов в прокуратуру не испугал его. В его квартире собралось около тридцати западных корреспондентов. Они получили письменный отчет о встрече с Маляровым и смогли задать вопросы о мнении Сахарова по поводу разрядки, состояния диссидентского движения и кампании, организованной против него властями.

В ходе пресс-конференции один из журналистов «просил объяснить, видят ли власти разницу между деятельностью Сахарова в Комитете прав человека и его критическими замечаниями о советском строе. Сахаров ответил, что оба вида его деятельности неприемлемы для властей, но в разной степени. Комитет — совершенно лояльная организация, к тому же Сахаров — только один из его членов. При беседе он старался пояснить Малярову, что высказывает только свою личную точку зрения. ...

Последовали вопросы о средствах существования и о работе. ... Сахаров сказал, что регулярно ходит на работу, но его основная деятельность по теоретической физике проводится дома, за письменным столом. Он сказал, что его внутренняя напряженность не способствует плодотворному исследовательскому труду. Несмотря на это, он выразил надежду, что еще сможет добиться определенных результатов в своей работе... Его пригласили в Принстонский университет (США) для чтения лекций в течение одного года. Он рад этому приглашению, гордится им, но не предпринял никаких шагов в этом направлении.

Затем разговор перешел к преследованию инакомыслящих и сегодняшнему положению в демократическом движении.

Сахаров ответил, что, преследуя инакомыслящих, власти подходят к каждому случаю индивидуально, но что комбинация трех методов преследования — тюрьмы, сумасшедшие дома и высылка за границу — дает им самые широкие возможности. Он сказал, что ему всегда трудно говорить или думать о «Демократическом движении». Род деятельности, который он предпочитает, трудно назвать демократическим движением. Он пытался помогать отдельным жертвам беззакония, протестовать против неправых судов, против неоправданных задержаний в сумасшедших домах; оказывать дружескую помощь семьям пострадавших. Это — не движение. Это — нормальная человеческая деятельность, которая не носит политического характера.

Но есть другой аспект проблемы. Есть люди, которые требуют свободы убеждений для себя и для других. В связи с тем, что эти убеждения могут быть самыми разными, в этом случае тоже нельзя говорить о движении. ... С точки зрения Сахарова, у властей нет никаких оснований для беспокойства и, конечно, для преследований. Все причины беспокойства находятся в самой природе власти.

Сахарова попросили сравнить нынешнюю деятельность инакомыслящих с тем, что было два года назад. Сахаров ответил, что, говоря о числе известных инакомыслящих, следует признать, что в результате преследований ряды их поредели. Это очень несправедливо, и это — большая трагедия. Личная трагедия для очень многих людей, трагедия, которая отрицательно отражается на психологическом — не политическом — климате в стране. Это очень плохо сказывается на международном положении страны. Сахаров отметил, что считает усиление репрессий абсолютно неправильной реакцией властей. Столь же неверно поступили и ровно пять лет тому назад, вторгнувшись в Чехословакию. Многие это уже забыли. На вопрос, почему же власти идут этим неправильным путем, Сахаров ответил, что у тех, кто возглавляет советское общество, — свой собственный образ мышления. Они, по-видимому, не могут реагировать иначе.

Изменились ли взгляды Сахарова с 1968 года, когда он писал свои «Размышления...»? Сахаров ответил, что говорил тогда аллегорически. Как и рань-

ше, противостоят друг другу два возможных пути: путь конвергенции или путь усиления конфронтации и угрозы атомной войны. И ни в коем случае не надо затушевывать грозящую конфронтацию двух миров. Сейчас перед всем миром стоит конкретная проблема: произойдет ли в ходе сближения Востока с Западом демократизация советского общества или нет?

Разрядка напряженности без демократизации, примирение, в ходе которого Запад примет правила игры Востока, были бы, по словам Сахарова, очень опасны и совершенно не решили бы стоящих перед миром проблем. Это была бы просто капитуляция перед растущей силой СССР. Это была бы попытка торговать, получая газ и нефть, но игнорируя все остальные аспекты проблемы. Сахаров считает это очень опасным.

Сахаров полагает, что, если Советский Союз освободится от проблем, которые он сам не в состоянии решить, он сможет сконцентрироваться на накоплении сил, в результате чего разоруженный мир окажется перед мощью советского неконтролируемого бюрократического аппарата. ...

Таким образом, культивируется и поощряется замкнутость страны, где все скрыто от посторонних глаз, а подлинный облик страны скрыт за маской. ...

На последний вопрос, каковы цели данной пресс-конференции, Сахаров ответил, что вызов к заместителю Генерального прокурора показателен и представляет собой угрозу для него и его семьи. Он

также считал, что таким образом ему удастся осветить ряд очень важных проблем»⁸⁶.

Через два дня, 23 августа, Александр Солженицын дал интервью Фрэнку Крепо из Ассошиэйтед Пресс и Алену Жакобу из «Ле Монд». Один из вопросов касался атак на Сахарова:

«Что вы скажете по поводу последних нападков на академика Сахарова в советской печати?»

Вместе с тем — и о сочлене его по Комитету прав человека, моем друге Игоре Ростиславовиче Шафаревиче. Шафаревич, президент Московского математического общества, хорошо известный в мировых математических кругах как выдающийся алгебраист, обратясь к общественной деятельности, тем самым закрыл себе научные мировые контакты и полное звание академика. Притеснение и слежка за ним усилились после его доклада о преследовании религии в нашей стране и активных настояний перед психиатрическими конгрессами по поводу античеловеческого использования психиатрии в нашей стране. Конгресс психиатров предпочел дипломатично уклониться от защиты страдающих, Шафаревич же не только вытесняется ныне из Московского университета, где преподает 30 лет, но даже всем его аспирантам и ученикам (докторам наук) также закрываются пути научной деятельности.

Неутомимая общественная деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова до последнего времени замалчивалась нашей печатью, теперь начинает облыгаться. Вот объявлен он «поставщиком клеветы», «невеждой»

(крупнейшие научные умы всегда приравняются у нас к невежественным, коль скоро отказываются повторять всеобщую попугайщину), наивным прожектером, а главное — критиком злопыхательским, ненавидящим свою страну и ... неконструктивным.

Трудно солгать кряду более неудачно: что ни обвинение — то промах. Тот, кто проследил несколько лет за статьями Сахарова, его социальными предложениями, его поисками путей спасения планеты, его письмами правительству, его дружелюбными уговорами, не может не увидеть его глубокой осведомленности в процессах советской жизни, его боли за свою страну, его муки за ошибки, не им совершаемые, его доброй примирительной позиции, приемлемой для весьма противоположных группировок... Я — не сторонник многого того конкретного, что предлагает Андрей Дмитриевич для нашей страны, но именно конструктивность его предложений несомненна: каждое предложение не есть отрывчатая греза «как хотелось бы», а путь к тому неизвестен, — нет: каждое предложение инженерно сцеплено с тем, что сегодня есть, и дает плавный невзрывчатый переход.

... Сахаров, увы, слишком известен, и вот приходится сокрушать его публично А критиков неизвестных во множестве сокрушают в безмолвии, в провинции, в глуши, и сколько их, никем никогда не названных, томится и гибнет в областных психиатрических больницах!

Проверьте за последние хоть 10, хоть 20, хоть 30 лет: против кого из инакомыслящих выставили аргу-

менты? Ни против кого, потому что их нет. Отвечают всегда ругательствами и клеветой. Таков «ответ» Сахарову. ...

Теперь вот и против Сахарова вытягивают затасканный замусоленный козырь 30-х годов — помощь иностранным разведкам!.. Какая дикость! Человек, вооруживший их страшнейшим оружием, на чем стояла и стоит их мощь десятилетиями, — и помощь иностранным разведкам? Грань последнего бесстыдства и последней неблагодарности»⁸⁷.

К кампании против Сахарова подключилась тяжелая артиллерия. 29 августа «Правда» опубликовала письмо, подписанное 40 академиками, в том числе начальником Сахарова в Арзамасе-16 Юрием Харитоновым, лауреатом Нобелевской премии Николаем Басовым и Мстиславом Келдышем, тогдашним президентом Академии наук. Заявления Сахарова расценивались как «глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей». В словах Сахарова, по мнению академиков (вернее, по мнению составителей письма), имеют место грубые искажения советской действительности и «вымышленные упреки» в отношении социалистического строя. Письмо академиков было подкреплено потоком коллективных писем в «Правду» и другие советские газеты, в которых Сахарова называли врагом разрядки. Протесты присылали 33 члена Академии народного хозяйства, 28 кинорежиссеров, 20 академиков Сибирского отделения Академии наук, 23 члена Академии педагогических наук и так далее⁸⁸.

Но были и люди, которые в тяжелой атмосфере антисахаровской кампании брали на себя смелость открыто выступить в защиту Сахарова. Из числа коллег-физиков открытые письма написали Валентин Турчин, будущий глава российского отделения Amnesty International, и Юрий Орлов, будущий председатель Московской Хельсинской группы, после чего они были уволены с работы. Лидия Чуковская, написавшая статью об инспирированной сверху кампании коллективных писем, была исключена из Союза писателей⁸⁹.

5 сентября Солженицын воспользовался правом лауреата Нобелевской премии и выдвинул Сахарова на Премию Мира, аргументировав это «неподкупной, убежденной (и представляющей опасность для него самого) оппозицией систематическому насилию государства против личности и общественных групп». 8 сентября «Нью-Йорк таймс» опубликовала письмо Шафаревича, Галича и писателя Владимира Максимова, в котором они также поддерживали выдвижение Сахарова на Нобелевскую премию Мира.

Поддержку Сахарову выражали люди, принадлежащие к разным слоям общества, придерживающиеся различных идеологических позиций и религиозных убеждений и имеющие различные национальные интересы. Типичным в этом смысле было обращение к Сахарову тридцати пять активистов еврейского движения за эмиграцию:

«Нет сомнений в том, что кампания против вас организована сверху, и для нас, евреев, борющихся за право эмигрировать в Израиль и постоянно сталкивающихся с беззаконием, ваша деятельность очень важна. С глубоким уважением выражаем вам свою моральную поддержку. Благодарим вас за большое сердце, ясное понимание действительности и честность. В нашем мире не всем дана смелость быть честным. Ваша отвага не знает границ, и ее свет рассеивает темноту вокруг нас и дает надежду, что разум восторжествует над заблуждениями, справедливость над беззаконием и добро — над злом. Да благословит вас Бог»⁹⁰.

8 сентября Сахаров сам ответил на нападки:

«Газетная кампания по поводу моих недавних интервью использует в качестве основного аргумента обвинение в том, что я якобы выступаю против разрядки международной напряженности, чуть ли не за войну... Это сознательное искажение моей позиции.

Начиная с 1958 года я выступал и в печати, и закрытым порядком за прекращение ядерных испытаний в атмосфере... Поэтому я всегда приветствовал и приветствую разрядку международной напряженности и усилия правительств по сближению государств, по ограничению гонки вооружений, по устранению взаимного недоверия. Я считал и считаю, что единственный реальный путь решения мировых проблем — это встречное движение, конвергенция капиталистического и социалистического строя, сопровождающееся демилитаризацией, усилением социальной защиты прав трудящихся, созданием экономики смешанного типа... Я при этом

подчеркиваю важность взаимного доверия, одним из условий которого является широкая гласность и открытость общества, демократизация, свобода распространения информации, обмен идеями, уважение ко всем основным правам личности, особенно уважение к праву каждого на выбор страны, в которой он хочет жить.

Я обращаю внимание на опасности кажущейся разрядки, не сопровождающейся ростом доверия и демократизации. Я считаю это предупреждение своим правом и долгом. Неужели это предупреждение есть выступление против разрядки?

Я выступаю за поправные права моих друзей в лагерях и психбольницах: за Шихановича, Буковского, Григоренко, Плюща, Амальрика, Борисова, Файнберга, Строкатовой и многих других. Я не могу считать эти выступления клеветой на наш строй, как об этом пишут в газетах.

... Кампания в газетах, в которую вовлечены сотни людей, в том числе многие честные и умные, очень огорчает меня, как еще одно проявление жестокого насилия над совестью в нашей стране, насилия, основанного на неограниченной материальной и идеологической власти государства. Я считаю, что не мои выступления, а именно эта неразумная и жестокая по отношению к ее участникам газетная кампания может нанести ущерб международной разрядке»⁹¹.

17 сентября проблема Сахарова и Солженицына обсуждалась в Политбюро:

«Брежнев: Мы слишком долго терпели их антисоветскую деятельность. Это неправильно. Надо было

сразу их остановить. Это наша ошибка, а они испытывают наше терпение. Как еще рассматривать последнее обращение Сахарова в адрес Сената США?²² Это не просто антигосударственный, антисоветский поступок, это троцкистский поступок. Думаю, за такие дела наказывают в любой стране мира. Недавно было решено, что с ним поговорит товарищ Косыгин. Наверное, следует уже организовать это.

Косыгин: Не возражаю. Надо только обдумать, как с ним разговаривать.

Брежнев: Ему надо сразу заявить, что он следует антисоветской, антигосударственной линии, и если он не прекратит такое поведение, то мы будем действовать согласно советским законам. В отличие от него, мы не можем нарушать законы. Вот что ему следует сказать.

Шелепин: Может быть, не следует сразу вовлекать Политбюро и конкретно товарища Косыгина в это дурно пахнущее дело. Известно, что с ним встречался Маляров, но безуспешно. Надо попросить Руденко поговорить с ним так, как предложил товарищ Брежнев, а потом решим, что с ним делать. Одно ясно — следует что-то предпринять.

(Тут же на заседании была принята резолюция о создании Комиссии для разработки и представления ЦК предложений по делу Сахарова и Солженицына, в которую вошли Косыгин, Сулов, Шелепин, Келдыш, Кузнецов, Чебриков и Руденко. Комиссии предоставлено право предпринимать любые подходящие шаги (публикации в прессе, интервью и т.д.).)

Брежнев: Возможно, Комиссии следует задуматься над вопросом изоляции Сахарова. Может, его следует направить в Сибирское отделение Академии наук.

Голоса: В Нарым его. В Сибири он не перестанет создавать неприятности.

Брежнев: Суммируя сказанное, Комиссии следует тщательно изучить все стороны дела и вынести специальное решение»⁹³.

18 сентября Андропов представил в ЦК объемистый доклад о Сахарове и Солженицыне. О Сахарове Андропов сообщил, что тот ведет себя «все более разнужданно» и «определенно деградирует в сторону антисоветизма». В качестве решения проблемы Андропов предложил устроить Сахарову встречу с кем-либо из представителей партийной верхушки, и если Сахаров не поддастся на увещевания, то «как альтернативу ... следовало бы сделать предложение поехать на работу в ... режимный город, с тем чтобы помочь ему оторваться от враждебного окружения, прежде всего из числа корреспондентов западной прессы»*.

* Андропов обвинил Солженицына в умышленном участии в незаконной деятельности. По мысли Андропова, МИД должен предложить правительствам Франции, Италии, Англии и Швеции предоставить Солженицыну политическое убежище, «иначе он предстанет перед судом... если они откажутся, это будет означать их согласие с осуждением Солженицына». Несмотря на то, что в том экземпляре отчета Руденко и Чебрикова, который был доступен автору, отсутствует часть, в которой описываются меры против Солженицына, можно с уверенностью предполагать, что

В подготовленном 28 сентября черновике отчета Комиссии, созданной для решения проблемы Сахарова и Солженицына, Руденко и Чебриков писали:

«В соответствии с поручением Политбюро ЦК от 17 сентября с.г. нами рассмотрен вопрос об антисоветской деятельности Сахарова и Солженицына, которую они проводят на протяжении ряда лет, но особенно активно в последнее время в условиях разрядки международной напряженности. Сахаров и Солженицын окончательно обнаружили себя как противники социалистического строя

... Сахаров только в течение августа и сентября текущего года провел у себя на квартире три пресс-конференции с иностранными корреспондентами, дал несколько интервью и передал для зарубежной печати ряд заявлений, в том числе «Открытое письмо Конгрессу США». При встречах с иностранными журналистами и в своих заявлениях Сахаров настойчиво призывает Запад не идти на сближение с СССР без того, чтобы «не выжать из Советского руководства уступок» идеологического и политического характера. Сахаров клеветнически изображает советский образ жизни и выступает с нападками на государственный, политический и общественный строй нашей страны. ... Спекулируя своим положением и заслугами, опираясь на по-

они повторяют разработки Андропова. В конце концов Солженицына арестовали 12 февраля 1974 года, лишили советского гражданства и на следующий день выслали в ФРГ.

мощь окружения и реакционных кругов Запада, Сахаров уверовал, что он может проповедовать антисоветскую деятельность безнаказанно. Имеются данные, что Сахаров намерен и впредь встречаться с представителями буржуазной прессы, клеветать на нашу страну, вовлекать во враждебную деятельность своих единомышленников из числа советских граждан».

В случае, если Сахаров не отреагирует на указание властей прекратить свою «антиобщественную деятельность», Руденко и Чебриков предлагали осудить его по статье 190-1 (клевета на советский государственный и общественный строй) и сослать в город, закрытый для иностранцев. К моменту суда над ним Сахаров должен быть лишен всех государственных наград, а после суда следует предпринять шаги к исключению его из состава Академии наук. Авторы отчета сознавали, что предлагаемые меры приведут к «оживлению антисоветских выступлений на Западе», могут встретить «недопонимание в некоторых братских партиях», потребуют «дополнительных разъяснений внутри страны». Но в конечном счете, полагали авторы, твердость в проведении этих мер укажет иностранным политикам на несостоятельность их планов (если таковые имеются) добиться от Советского государства уступок в идеологической сфере. Они также рекомендовали «опубликовать в ближайшее время в советской печати обстоятельные статьи, в которых разоблачались бы политические спекуляции Сахарова и Солженицына», распространить до-

кументы о роли иностранных разведок в организации антисоветской деятельности и не допускать к Сахарову иностранных корреспондентов и «враждебные элементы».

Остановить реализацию мер против Сахарова, предложенных Руденко и Чебриковым, почти наверняка помогло своевременное вмешательство тогдашнего президента Национальной академии наук США Филиппа Хэндлера. Дело началось с того, что 7 сентября «Нью-Йорк таймс» опубликовала колонку Чалидзе, посвященную аресту Якира и травле Сахарова. Чалидзе признался, что не видит верного способа защитить Сахарова, но предостерег ученых от «опасности равнодушия», поскольку «молчанием никого не спасти». Хэндлер, вдохновленный статьей Чалидзе, отправил 10 сентября телеграмму Мстиславу Келдышу, президенту АН СССР:

«Настоящим Совет Национальной академии США выражает АН СССР глубокую озабоченность судьбой своего иностранного члена, академика Сахарова.

Мы охотно поддерживали политику разрядки, осуществляемую нашими правительствами... Мы были ободрены тем фактом, что в соглашениях, подписанных нашими политическими руководителями в Москве в 1972 г. и в Вашингтоне в 1973, такая значительная роль отведена научному сотрудничеству...

... Мы были потрясены, узнав об усиливающейся кампании осуждения Сахарова за то, что он выразил, в духе свободного научного исследования, свои взгляды по

социальным и политическим проблемам. ... Если бы Сахаров был лишен возможности служить советскому народу и человечеству, было бы крайне трудно представить успешное выполнение тех обязательств, которые Америка взяла на себя в отношении научного сотрудничества с Советским Союзом.

...Положение окажется крайне бедственным, если атмосфера разрядки испортится дальнейшими действиями, направленными против этого талантливого физика, который так много способствовал делу военной безопасности советского народа и который ныне предлагает этому народу и всему миру свою мудрость и проницательность, в интересах лучшего завтра для человечества»⁹⁴.

Ответ Келдыша был опубликован в «Литературной газете» от 17 октября. В нем выражалось «решительное» несогласие с содержанием и интонацией письма Хэндлера, повторялись уже известные инсинуации из письма академиков от 29 августа. В конце письма Келдыш все же заверил, что «Сахаров не был и не является объектом нападок».

Попытки запугать Сахарова, имевшие место после письма Хэндлера, казалось бы, не всегда можно с полной уверенностью отнести к деятельности КГБ. Вот один из таких случаев. 11 октября Сахаров дал небольшое интервью человеку, назвавшемуся ливанским корреспондентом. Речь шла о недавних арабо-израильских военных столкновениях. На вопрос, станет ли он в связи с этими событиями критиковать

политику Израиля, Сахаров ответил: «Нет. Это страна, которая реализует право еврейского народа на государственность, борется в наши дни за свое существование, окруженная врагами, во много раз превосходящими ее по численности и материальным ресурсам. Эта враждебность сильно раздута опрометчивой политикой других государств. На совести всего человечества гибель евреев от нацистского геноцида во время Второй мировой войны. Мы не можем позволить повторения этой трагедии сегодня»⁹⁵.

Через неделю, 18 октября, в дверь квартиры Сахарова позвонили двое. Они назвали себя сторонниками арабской террористической организации «Черный сентябрь» и обвинили Сахарова в том, что его заявление наносит ущерб арабскому миру. Они угрожали семье Сахарова: «... мы можем не только убить, но и сделать что-то похуже. У вас есть дети, внук», а потом исчезли. Сахаров был убежден — и не безосновательно, что это вторжение в его квартиру было организовано КГБ⁹⁶.

Угрозы не испугали Сахарова и Боннер. Это подтверждается их участием в защите искусствоведа Евгения Барабанова, которого допрашивали и угрожали ему арестом в связи с пересылкой самиздата за рубеж. В заявлении от 15 сентября Барабанов, подтверждая свое право на свободу слова, смело признал, что действительно пересылал на Запад документы, включая экземпляры «Хроники текущих событий», «Тюремные дневники» Эдуарда Кузнецова⁹⁷, произведения

Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Бердяева и Флоренского. При этом он руководствовался стремлением спасти эти тексты от физического уничтожения или забвения. В конце своего заявления Барабанов пишет: «Одна из серьезнейших угроз, нависших над миром, — это постоянная тенденция к изоляции, к ложной секретности, к упрятыванию зла. Зла и насилия в мире было бы меньше, если бы все о них знали»⁹⁸.

19 сентября Елена Боннер опубликовала обращение в поддержку Барабанова, в котором повторяла его аргументы:

«Я прочла заявление для прессы Евгения Барабанова. Его допрашивают в связи с тем, что он передавал на Запад «Хронику текущих событий» и другие документы, но как можно вести допросы в связи с такими действиями, разве в них есть что-либо преступное? Напротив, преступно было бы не приложить усилий к тому, чтобы правда была общеизвестной. Я тоже неоднократно передавала различные документы и информацию. Я считала и считаю это своим долгом. И что знали бы в мире о нашей жизни, если бы никто этого не делал?»⁹⁹

20 сентября Сахаров и Подъяпольский выпустили совместное обращение, в котором одобряли действия Барабанова:

«... Многие годы следствие и политические процессы вращались вокруг установления самого факта передачи материалов, и хотя фактическая сторона редко отри-

цалась подсудимыми, в болоте следственной фактологии вязла принципиальная сторона дела. И вот Барабанов задает простой вопрос: А в чем собственно моя вина? Да, я передавал рукописи за границу, но ведь вопрос в том, должна ли существовать русская культура в независимости от того, одобрена ли она официальной идеологией. ...

Мы полностью присоединяемся к мыслям, высказанным Барабановым. Со своей стороны мы заявляем, что тоже неоднократно поступали так же и считаем это своим долгом»¹⁰⁰.

22 сентября с собственным заявлением в поддержку позиции Барабанова выступил и Шафаревич.

Трудно сказать, сыграла ли свою роль поддержка единомышленников, но Барабанова все-таки не арестовали, хотя вскоре (19 октября) и уволили из издательства «Искусство», где он работал. Дело же об отправке рукописей за рубеж продолжалось. Начиная с 13 октября на интенсивные и выматывающие допросы к следователям, находящимся в том же комплексе зданий, что и Лефортовская тюрьма, начали вызывать Елену Боннер. КГБ интересовала ее роль в отправке за границу «Тюремных дневников» Кузнецова. На третью неделю этой пытки Сахаров сказал человеку, принесшему очередную повестку на допрос, что жена больна, и принял на себя всю ответственность за ее неявку. Вскоре после этого Сахаров с женой получили возможность лечь в больницу Академии наук, где им была предоставлена отдельная пала-

та. Боннер страдала тиреотоксикозом (по поводу этого заболевания 27 февраля следующего года в Ленинграде ей была сделана операция). Сахарову же знакомые врачи давно советовали обследовать сердце.

В конце декабря 1973 года парижским издательством «ИМКА-пресс» был издан публицистический шедевр Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Книга сразу оказалась в центре общественного внимания по всему миру, ее выход сопровождался статьями и публикацией отрывков в прессе. Это событие переключило внимание КГБ и Политбюро с Сахарова на Солженицына. Историк Джордж Кеннан выразил восхищение «Архипелагом»:

«Мощь, непримиримая откровенность и масса убедительных деталей превращают этот труд в свидетельство, авторитетность которого не поколебать никакой контрпропаганде. Книга предстает перед мировым общественным мнением не только как пример беспримерного мужества и твердости автора, не только как политическое событие огромной важности, которое безусловно скажется на судьбе советского государства, но и как единственный в своем роде окончательный приговор политическому режиму»¹⁰¹.

В Советском Союзе Солженицын и его книги оказались под массированным огнем критики. Несмотря на личные и мировоззренческие разногласия,

Сахаров стремительно бросился на защиту Солженицына. 5 января 1974 года Сахаров, его коллеги по Комитету прав человека Шафаревич и Галич, а также писатели Владимир Максимов и Владимир Войнович выпустили обращение в поддержку Солженицына и самого факта публикации «Архипелага ГУЛАГА»:

«Мы глубоко обеспокоены и возмущены новыми угрозами Александру Солженицыну, которые содержатся в недавнем заявлении ТАСС. ТАСС заявляет, что Солженицын — предатель Родины, который клеветает на ее прошлое. Но как можно одновременно считать, что «допущенные ошибки» осуждены и исправлены, и в то же время называть клеветой честную попытку собрать и опубликовать исторические, фольклорные свидетельства об одной части этихотягчающих нашу коллективную совесть преступлений?.. Право писателя писать и публиковать то, что велит ему совесть и долг художника, — одно из основных в цивилизованном обществе. Это право не может ограничиваться государственными границами и тем более быть предоставлено Всесоюзному агентству по авторским правам, этой якобы общественной организации, которая фактически выполняет задачи политической цензуры и прямой валютной спекуляции на труде автора. Мы уверены, что нет никаких опирающихся на закон оснований для преследования Солженицына за опубликование им за рубежом новой книги «Архипелаг ГУЛаг», как нет оснований для преследования кого-либо за подобные вещи. ...

Мы призываем честных людей во всем мире противостоять этой опасности, защитить гордость русской и мировой культуры — Александра Солженицына»¹⁰².

На этот раз власти действовали решительно. 12 февраля 1974 года Солженицына арестовали, лишили советского гражданства и на следующий день насильно выслали из страны в ФРГ.

Утром 13 февраля, еще до того, как новость о высылке Солженицына стала известна всем, на кухне в квартире Сахарова собралось несколько человек*. Они написали и передали иностранным корреспондентам «Московское обращение», в котором требовали: «1. Опубликовать «Архипелаг ГУЛаг» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику. 2. Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК — ГПУ — НКВД — МГБ. 3. Создать международный общественный трибунал по расследованию совершенных преступлений. 4. Оградить Солженицына от пре-

* Помимо Сахарова и Боннер, «Московское обращение» подписали Павел Литвинов, Юрий Орлов, Анатолий Марченко, Лариса Богораз, Борис Шрагин, Михаил Агурский, Владимир Максимов и Сергей Желудков. Литвинов, Шрагин и Максимов эмигрировали в 1974 году, Агурский — в 1975. Марченко был сослан в 1975 году в Сибирь, а после возвращения из ссылки вновь арестован, приговорен к длительному сроку заключения и умер в Чистопольской тюрьме в 1986 году. Орлова посадили в 1977 году, а в 1986 депортировали в США. Желудков умер в 1984 году. Богораз, вернувшись из сибирской ссылки в Москву в декабре 1971 года, проживает ныне в Москве.

следований и дать ему возможность работать на родине»^{+ 103}.

В интервью, опубликованном 24 февраля лондонским «Санди таймс», Сахаров прокомментировал депортацию Солженицына следующим образом:

«... По моему мнению, то, что Солженицын не был предан суду, в первую очередь объясняется его огромной популярностью во всем мире, его всеми признанным личным мужеством и нравственной силой. Суд над ним превратился бы в суд над судьями, и власти могли это предполагать. Они заранее знали о той силе общественной поддержки Солженицына, с которой им пришлось бы столкнуться. Именно решительная поддержка Солженицына в бесчисленных открытых выступлениях во всем мире и защитила его.

...Отрыв от родной почвы, от родного языка — трагедия для любого человека, в особенности для писателя. Но я уверен, что Солженицын — человек исключительного мужества — найдет в себе силы не дрогнуть, а полностью использовать те возможности, которые предоставит ему жизнь в свободном обществе со свободным доступом к источникам информации для продолжения

⁺ 26 февраля лондонская Times опубликовала письмо генерального секретаря международного ПЕН-клуба Дэвида Карвера и президента Авторского общества К. В. Веджвуда, в котором они призывали «писателей и читателей по всему миру выразить солидарность с Солженицыным, поддержав обращение академика Сахарова и других подписавшихся».

своего дела. От мирового общественного мнения, от его понимания и живой заинтересованности зависит тот резонанс, который будет иметь эта работа.

Просоветская пресса будет изображать Солженицына озлобленным эмигрантом, который не заслуживает внимания, она уже начала эту кампанию. Но в наш век, когда все проблемы стали общемировыми и общемировые средства связи сжали планету в один клубок, только непонимание может помешать слушать так же внимательно голос человека, где бы он ни находился — на Западе или в СССР. Исторический грех так называемой прогрессивной общественности 20-х, 30-х, 40-х годов, не понявшей и не услышавшей русской эмиграции тех лет, не должен быть повторен. Это важно и для нас, и для Запада»¹⁰⁴.

Возможно, что свои замечания о недостатке внимания мировой общественности к тому, что происходит в СССР, Сахаров мысленно относил и к собственной ситуации.

Между тем Сахаров продолжал публично выступать в поддержку тех, кто подвергался преследованиям. Под некоторыми из обращений стояли подписи других инакомыслящих, но по мере того, как соратников сажали в лагеря и тюрьмы или вынуждали эмигрировать, Сахарову все чаще приходилось подписываться в одиночку.

8 марта 1976 года в возрасте 49 лет умер Григорий Подъяпольский. С его смертью существование Комитета (впрочем, давно уже не проявлявшего себя ак-

тивно) прекратилось навсегда. Правда, формально Комитет так и не был распущен: согласно «Регламенту» его ликвидация возможна только большинством голосов его основателей.

Как удалось Московскому Комитету прав человека со столь малым числом участников и просуществовавшему так недолго, привлечь к себе значительное внимание и в Советском Союзе, и за рубежом?

Немалую роль в этом сыграло общественное положение его членов, и прежде всего Андрея Дмитриевича Сахарова. Этот человек был гордостью страны: виднейший ученый, «отец водородной бомбы», к тому же – русский, получивший образование исключительно в СССР. Благодаря эссе 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» он попал в немилость у властей, но к нему пришла всемирная известность и уважение, он получил поддержку коллег в США и других странах... Игорь Ростиславович Шафаревич был выдающимся представителем научной элиты, алгебраистом с мировой известностью... Молодые Чалидзе и Твердохлебов подавали несомненные надежды в науке и, кроме того, имели семейные связи с официальным истеблишментом страны. Обычный способ дискредитации инакомыслящих интеллигентов, выбранный советской

пропагандой, — представить их как кучку корыстных недоумков, одержимых ненавистью к коммунизму, — здесь не работал.

Усилению влияния Комитета способствовала также его программа. В 60-е годы диссиденты пробивались сквозь пелену конформизма, прочно усвоенного населением страны за пятьдесят лет коммунистической власти. Однако активность инакомыслящих не имела сколько-нибудь определенной конструктивной направленности. Предложенный Комитетом акцент на права человека и власть закона как раз и придал диссидентской деятельности четкое конструктивное содержание.

Баптисты, различного толка националисты (украинские, литовские и др.), даже инакомыслящие из среды рабочих и крестьян неизменно рассматривались послесталинскими коммунистическими лидерами как безусловные враги строя, которых следует уничтожать, не производя при этом излишнего шума. К неконформистской интеллигенции власть относилась иначе. Очень часто люди партийной элиты сами принадлежали к тем же профессиональным, культурным и даже семейно-родственным кругам, что и инакомыслящая интеллигенция, и иногда разделяли их реформистские взгляды. Хотя Горбачев и отрицал всякое прямое влияние диссидентов, весьма характерно, что программа перестройки очень близка программе реформ, предложенной Сахаровым в 1975 году в работе «О стране и о мире». Есть свидетельства, что многие (если не большинство) из мос-

ковской научной и гуманитарной интеллигенции симпатизировали диссидентам. Некоторые не афишировали свои взгляды или даже публично выступали против диссидентов, но тайно помогали деньгами или как-то иначе.

Чалидзе, проявляя качества эксперта-юриста высочайшего класса, демонстрировал, как советское государство преступно нарушает им же самим провозглашенные и закрепленные в законе права граждан. Идеальной задачей своей правозащитной деятельности Комитет считал сотрудничество с государственными структурами и невмешательство в «политическую жизнь». Это привлекало к нему симпатии интеллектуалов, которых пугала угроза тюрьмы или новой революции. Власть, до некоторой степени сдерживаемая собственными демагогическими декларациями, затруднялась найти убедительный повод для прямого запрещения Комитета или ареста его членов. К тому же программа Комитета, в которой подчеркивалось согласие с советскими законами и международными соглашениями, подписанными СССР, на первый взгляд даже соответствовала принятой на 24-м съезде партии (30 марта – 9 апреля 1971 года) резолюции о «дальнейшем укреплении социалистической законности».

В пользу Комитета сыграл и возросший после Московского саммита 1972 года интерес советских лидеров к разрядке. Связи Комитета с уважаемыми негосударственными организациями на Западе, симпатии американцев к независимой, мирной правоза-

щитной идее Комитета, его противостоянию шовинизму и несправедливости, — все это заставляло власти обращаться с Комитетом относительно осторожно. Разрядка породила среди политиков, общества и средств массовой информации Запада интерес ко всему советскому. Информация, поступавшая по официальным советским каналам, была скучной, почти всегда искаженной и зачастую сфабрикованной, поэтому журналисты обращали столь большое, возможно преувеличенное внимание на диссидентов. «Их среда была единственной отдушиной», как сказал недавно один журналист.

Доклады Комитета прав человека базировались на объективных и детализированных отчетах «Хроники текущих событий» о нарушении прав человека. Благодаря той же «Хронике» и русскоязычным передачам западного радио документы Комитета становились известными в СССР. Несмотря на недовольство Сахарова, Солженицына и других педантизмом Комитета, выразившимся, когда дело доходило до конкретных проблем, в демонстративном соблюдении законности и необходимых процедур, правозащитное движение почти во всем следовало методам Комитета.

Детализированные отчеты Комитета, основанные на документах, и обращения к правительству и международным организациям создали образец, которому следовали правозащитные организации — «Хельсинкская группа» в СССР и аналогичные неправи-

тельственные организации на Западе (например, Human Rights Watch)*.

В записке, направленной в ЦК 26 декабря 1979 года, Андропов и Руденко, объясняя необходимость ссылки Андрея Сахарова в Горький, косвенно признали влияние Комитета прав человека на советское диссидентское движение:

«В 1970 году Сахаров создал так называемый «Комитет прав человека». Под ширмой «комитета» Сахаров проводил активную деятельность по консолидации антиобщественных элементов, устанавливал и поддерживал контакты с зарубежными подрывными центрами, руководил осуществлением экстремистских и провокационных антисоветских акций. ... «Комитет» вызвал к жизни создание так называемых «групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», «комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» и некоторых других антиобщественных группирований».

* Сейчас тактика Московского Комитета прав человека используется китайскими правозащитниками. 30-летний профессор права Ксу Жионг, говоря о петиции, посланной им государственным законодательным органам, отметил: «Мы надеемся, что, поднимая этот небольшой, конкретный вопрос [о насилии полиции над рабочими-мигрантами], мы поможем делу конституционных прав в целом. Мы хотим конструктивно работать в рамках современного законодательства. Конкретные, постепенные изменения – вот что нужно китайскому народу. New York Times, 2 июня 2003 года.

Эпилог

Хотя после отъезда Чалидзе деятельность Комитета прав человека потеряла свою остроту и целенаправленность, а со смертью Подъяпольского и вовсе прекратилась, его основатели продолжали играть заметную роль в правозащитном движении.

Вскоре после прибытия в Нью-Йорк в ноябре 1972 года Валерий Чалидзе основал «Хронику-пресс» — издательство, которому в последующие десять лет суждено было стать одним из самых крупных и значимых русскоязычных издательств за рубежом*. Во многих отношениях «Хроника-пресс» была пред-

* Чалидзе опубликовал на русском языке в издательствах «Хроника-пресс» и «Chalidze Publications» выпуски 28–64 журнала «Хроника текущих событий» (1974–1983); 8 выпусков «Документов Хельсинкских групп в СССР»; 22 выпуска альманаха «СССР: внутренние противоречия», а также около 100 книг на русском языке, в том числе «Страна и мир» Сахарова, «Инерция страха» Валентина Турчина, отрывки из воспоминаний Хрущева и «Документы по федерализму». Кроме того, Чалидзе написал и опубликовал книгу «Права человека и Советский Союз». Он выступил также редактором сорока восьми выпусков сборника «Права человека и Советский Союз» и «Исследований советского законодательства» (Papers on Soviet Law) (совместно с Леоном Липсоном).

ставителем советского правозащитного движения на Западе.

После того как его лишили гражданства, Чалидзе ни разу не был в России. Однако в 1989–1991 годах он регулярно выступал со статьями в «Московских новостях» и журнале «Новое время». Он приветствовал намерение Горбачева соблюдать права человека и установить в стране власть закона, но вместе с тем и предостерегал от излишне крутых изменений, которые могут привести – и они действительно привели – к распаду Союза.

В 1981 году Чалидзе женился на студентке Лизе Барнхардт. С будущей женой он познакомился, когда читал лекции в Орегонском университете. В 1983 году Чалидзе получил премию «Гений» от фонда Мак-Артуров и на эти деньги купил дом и участок земли на берегу озера Шамплен близ поселка Бенсон, штат Вермонт. Здесь они с женой и обосновались. 16 июня 1989 года с Чалидзе провел собеседование агент ФБР, представивший впоследствии следующий отчет:*

«Валерия Николаевича Чалидзе лишили советского гражданства 13 декабря 1972 года, когда он читал в университете Нью-Йорка курс лекций. В результате этого он остался в Соединенных Штатах.»

Супруги Чалидзе переехали из Нью-Йорка в Вермонт в 1983 году. Им принадлежит примерно 400 акров весьма живописных пастбищ, на которых Чалидзе, вер-

* Отчет рассекречен в 2001 году.

ный грузинским корням, выращивает арабских скакунов, готовит еженедельную передачу для «Голоса Америки» и пишет книги на русском по различным вопросам прав человека и демократии.

Чалидзе сообщил, что с момента переезда в Вермонт не подвергался никаким преследованиям советских властей и не вступал с ними в контакт. В ходе нашего собеседования он отрицал любые связи с разведкой. Ценности для спецслужб объект практически не представляет, поскольку по характеру замкнут.

Расследование завершено и дело закрыто».

В сентябре 1973 года Твердохлебов, выйдя из состава Комитета, организовал «Группу 73». Она состояла из четырех человек. «Группа» стремилась помочь тем правозащитникам, кто был осужден или подвергнут иным репрессиям. В 1974 году Твердохлебов возглавил филиал Международной Амнистии в Советском Союзе. В 1975 году его арестовали и в апреле того же года за «клевету на советский общественный и государственный строй» приговорили к пяти годам ссылки.

В 1978 году он был освобожден из ссылки и эмигрировал в США.

Андрей Сахаров получил Нобелевскую премию Мира в 1975 году за «личное бесстрашие и преданность ... в борьбе за фундаментальные принципы мира между народами». В постановлении Нобелевского комитета говорилось также, что Сахаров «убедительно выразил мысль о том, что только неприкосновенность прав человека может служить фундаментом для

подлинной и долговечной системы международного сотрудничества». Он стал первым лауреатом Премии Мира из числа борцов за права человека.

Между тем разнообразная правозащитная деятельность Сахарова продолжалась. В своих воспоминаниях он так писал о сотрудничестве с организованной в мае 1976 года Московской Хельсинкской группой, которая в некотором смысле заняла место Комитета прав человека, став ведущей правозащитной организацией СССР вплоть до ее роспуска в 1983 году¹⁰⁵:

«С первой идеей создания Группы (тогда он называл ее Комитетом) и с предложением быть соорганизатором Юра [Юрий Орлов. — Э. К.] пришел двумя месяцами раньше, примерно в марте. Ни тогда, ни в мае я не согласился войти в Группу. Я считал, что форма индивидуальных выступлений, в которых я полностью свободен и в содержании, и в способе выражения, наиболее подходящая для меня при моем сильно выделенном положении. Я был также тогда очень рад, что на мне «не висит» больше Комитет прав человека, и не хотел вновь связывать себя какими-либо аналогичными обязательствами.

...После того как я отказался вступить в Группу, Юра обратился с предложением вступить в Группу к Люсе, считая, что ее членство в Группе в какой-то мере компенсирует мое отсутствие. Люся сильно колебалась, но в конце концов согласилась. Ей казалось, что ее участие может быть какой-то защитой для тех членов Группы, которые находятся под ударом ... При

этом Люся оговорила для себя право чисто формального участия, без конкретной работы... Вопреки Люсиным первоначальным предположениям ей пришлось взять на себя значительную долю работы, особенно после ареста Ю. Орлова»¹⁰⁶.

Критика Сахаровым нарушений прав человека в Советском Союзе, помощь преследуемым диссидентам, протест против ввода войск в Афганистан послужили для властей поводом сослать его в январе 1980 года в закрытый город Горький.

Юрий Андропов в бытность его руководителем КГБ, а впоследствии и Генеральным секретарем ЦК КПСС заметно преуспел в преследовании диссидентов, что значительно сократило их активность. Символом этих успехов можно считать дату выхода последнего, 64-го номера «Хроники текущих событий» — 30 июня 1982 года. Другим символом этой (впрочем, весьма относительной) победы репрессивной политики можно считать более чем шестилетнее пребывание Сахарова в Горьком. Лишь в декабре 1986 года, через двадцать один месяц после занятия поста Генсека ЦК КПСС, Горбачев санкционировал возвращение Сахарова в Москву. И здесь Сахаров сразу же и вполне естественно стал неофициальным лидером растущего движения за демократические реформы в СССР.

Вопреки «обычному принципу действовать индивидуально и не принимать на себя каких-либо административных обязанностей», Сахаров тем не менее в конце 1987 года согласился «принять на себя обя-

занности председателя комиссии при Президиуме АН СССР по космомикрoфизике»¹⁰⁷, а несколько позже стал членом Совета директоров Международного фонда за выживание и развитие человечества. В 1988 году он занял еще одну должность, согласившись на пост сопредседателя общества «Мемориал», в задачи которого входило увековечение памяти жертв советского террора. Сейчас «Мемориал» — крупнейшая правозащитная организация в России. В том же году Сахаров вошел в оргкомитет клуба «Московская трибуна», который действительно сделался основной трибуной московской либеральной интеллигенции при обсуждении политики перестройки и гласности.

В апреле 1989 года Сахаров по квоте Академии наук был избран делегатом Съезда народных депутатов. Первое заседание Съезда прошло 25 мая в Кремлевском Дворце съездов. В дни Съезда Горбачев двенадцать раз предоставлял слово Сахарову, тем самым молчаливо признав за ним роль неформального лидера лояльной оппозиции:

«Две недели страна следила затаив дыхание за тем, как экономисты, колхозники, генералы, доктора, чиновник, шахтеры и ученые сообщали об условиях жизни и о событиях в Москве, Тбилиси, Свердловске, городах и селах, разбросанных по СССР. Депутаты не обладали достаточной властью, чтобы решить проблемы страны, но одну из задач парламента — информировать общество и стимулировать дискуссию — им все же уда-

лось решить. Съезд превратил нацию субъектов в нацию граждан.

На Съезде Сахаров отказался от назначения в Верховный Совет, но принял участие в работе комиссии по разработке новой Конституции. Он был также избран одним из пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, либеральной фракции парламента»¹⁰⁸.

В беспокойное время перестройки Сахаров по сути дела отказался от намерения вернуться к научной работе: он хорошо понимал, что принесет больше пользы, если применит свои силы и способности в сфере политики и общественной деятельности.

Сахаров прилежно посещал заседания Верховного Совета, проводившиеся с 25 сентября по 29 ноября, участвовал в прениях. Он продолжал работу над подготовкой новой Конституции. В варианте Сахарова руководство страной осуществлялось двухпалатным Съездом народных депутатов; президентом, выбираемым открытым, соревновательным, всеобщим голосованием на пятилетний срок; Советом министров и Верховным Судом. В своем наброске Конституции Сахаров пытался облечь в конкретные формы образ «гибкого, плюралистичного, терпимого общества», о котором говорилось еще в его Нобелевской речи, известной под названием «Мир, прогресс и права человека»¹⁰⁹.

14 декабря 1989 года на собрании Межрегиональной группы Сахаров обратился к сомневающимся союзникам с такими словами:

«Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, а разочарование в стране уже нарастает. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки. ...

Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса доверия к партии и к руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена статьи 6 Конституции [эта статья устанавливала в СССР политическую и идеологическую монополию КПСС. — Ред.] и других статей Конституции, которые к ней примыкают, — это сегодня политический акт. Не чисто юридически-организационный. Это важнейший акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год, когда будет завершена работа над новым текстом Конституции. Тогда это все будет уже поздно. Нам нужно уже сейчас возродить к делу перестроечные процессы»¹¹⁰.

Вернувшись домой, в квартиру на улице Чкалова, Сахаров быстро поужинал и прошел в свой кабинет, чтобы подготовиться к «завтрашней битве» на Съезде народных депутатов. Два часа спустя жена нашла его мертвым. Сердечный приступ настиг Сахарова в шестьдесят восемь лет.

Андрей Сахаров был духовным лидером демократического движения: его моральная чистота и репутация подвижника привлекали многих, его идеи стали программой действий. Со смертью Сахарова в декабре 1989 года у демократов появился великомученик. Его похороны превратились в политический митинг, на котором тысячи людей несли плакаты с требованием отмены 6-й статьи. Эмоциональная и политическая атмосфера тех дней влияла и на Горбачева, и на Съезд, и в марте 1990 года политическая и идеологическая монополия партии в СССР окончилась. Это стало величайшим достижением демократического движения.

В 1999 году президент России Борис Ельцин предложил журналу «Тайм» именно Андрея Сахарова назвать «Человеком века»:

«Андрей Сахаров не был профессиональным политиком, но главы государства и ведущие политики мира прислушивались к его словам. Руководствуясь совестью и этическими убеждениями, академик Сахаров нашел в себе мужество открыто бросить вызов всецельной машине тоталитарного государства. Он многим из нас помог по-новому посмотреть на нашу страну и то, как мы живем. Я знал его лично, и он повлиял на мои взгляды. Сахаров — настоящий духовный отец российских демократических реформ. Я остро чувствую, как не хватает нам его мудрости, твердости и человечности. Я счастлив, что имел возможность работать рядом с Андреем Сахаровым»¹¹¹.

Елена Боннер отметила в феврале 2003 свое восьмидесятилетие. Она председатель Центра Андрея Сахарова в Москве. Внимательно и критически наблюдает она за политикой президента Путина и его правительства, и в тех случаях, когда в сегодняшней России нарушаются права человека, ее голос хорошо слышен.

Игорь Шафаревич подписал обращения в защиту Александра Солженицына, Юрия Орлова, Валентина Турчина, Петра Григоренко, Даниила Остапова, Дмитрия Дудко, Юрия Гастева и Владимира Осипова в 1974 году и Андрея Твердохлебова, Леонида Плюща — в 1975 году. Шафаревич написал три статьи — «Социализм в нашем прошлом и настоящем», «Есть ли у России будущее?», «Обособление или сближение (Национальный вопрос в СССР)» — для сборника «Из-под глыб» под редакцией Солженицына. В статье «Есть ли у России будущее?» Шафаревич делится мыслями о судьбе России:

«Часто высказывалась мысль, что Россия не может спасти только себя, решить только свою частную проблему. Англичане могли строить самое свободное в тог-дашнем мире общество, торгуя неграми и держа в рабстве Индию. Мы этого не можем и доказали это хотя бы отрицательно: какие бы несчастья ни приносила Россия другим народам, своему она всегда несла еще больше.

Все человечество зашло сейчас в тупик, стало очевидно, что цивилизация, основанная на идеологии «прогресса», приводит к противоречиям, которых эта ци-

виллизация не может разрешить. И кажется, что путь воскресения России тот же, на котором человечество может найти выход из тупика, найти спасение от бессмысленной гонки индустриального общества, культа власти, мрака неверия. Мы первыми пришли к точке, откуда видна единственность этого пути, от нас зависит вступить на него и показать его другим. Такой представляется мне возможная миссия России, та цель, которая может оправдать ее дальнейшее существование.

Прошедшие полвека обогатили нас опытом, которого нет ни у одной страны мира. Одно из самых древних религиозных представлений заключается в том, что для приобретения сверхъестественных сил надо побывать в другом мире, пройти через смерть. Так объясняли происхождение предсказателей, пророков:

*Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал...*

Таково сейчас положение России: она прошла через смерть и может услышать голос Бога. Но Бог творит историю руками людей, и это мы, каждый из нас может услышать Его голос. А может, конечно, и не услышать. И остаться трупом в пустыне, которая покроет развалины России»¹¹².

В своей книге «Социализм как явление мировой истории», впервые опубликованной в 1975 году в Париже, Шафаревич проследил развитие идеи социализма от Платона к Марксу и ее воплощения от Месопотамии, Древнего Египта и империи инков

вплоть до сталинского государства в XX веке. В предисловии к книге Шафаревича Солженицын отметил:

«Автор этой книги убедительно показывает нам и диаметрально противоположность концепции человека во всякой религии и во всяком социализме. Социализм стремится редуцировать личность к ее самым примитивным слоям, уничтожить всю высшую, сложную, «богоподобную» часть человеческой индивидуальности. И само равенство, так зажигательно обещаемое социалистами всех времен, не есть равенство прав, возможностей или внешних условия для человека, но равенство-тождество, равенство как внутренняя идентификация разнообразного — к однообразному»¹¹³.

В 1980 году в самиздате было распространено эссе Шафаревича «Русофобия», после чего от него отвернулись как многие советские, так и западные либералы. В связи с обвинениями в антисемитизме его даже пытались исключить (впрочем, безуспешно) из числа зарубежных корреспондентов Национальной академии наук США. В книге «Трагедия русских реформ» историки Реддужей и Глински писали по этому поводу:

«Отправной точкой для Шафаревича было глубочайшее неприятие не только социализма и марксизма, но и любой разновидности социального переворота <...> Свою атаку на ценности Нового времени он начинает с Французской революции <...> Его непосредственным предшественником в трактовке этого события был французский историк Кошен (Augustin Cochin), кото-

рый ввел понятие “le petit peuple” («малый народ») или «секта» для обозначения якобинцев как обособленного сообщества внутри французской нации — сообщества, чья система ценностей и идеалы, по его мнению, радикально отличались от преобладавших в народе. Согласно Шафаревичу, «малый народ», используя пропаганду для манипуляции общественным мнением, перенимает иностранные модели общества и пытается навязать их большинству населения в режиме рационализованного единообразия, тем самым разрушая уникальность и сложность национальной культуры. В России «малый народ», именуемый Шафаревичем «русофобами», — инородное тело в русской нации, сообщество людей, занятых разрушительной критикой исторических основ общественной жизни. Согласно Шафаревичу, этот «малый народ» и пришел к власти в России в октябре 1917 года.

Но из кого же состояла эта секта и где ее корни? В одних случаях Шафаревич винит в большевистском эксперименте космополитическую и западническую интеллигенцию рубежа веков, которая увлеклась марксистской идеологией и проектами механистического переустройства общества. В другом месте он обращает внимание на чрезмерно кипучую активность этнических меньшинств в революционную эпоху. В ряде случаев он напрямую указывает на евреев и даже прибегает к математическим выкладкам, чтобы численно установить степень их присутствия в революционных партиях. <...> Свои изыскания на предмет их особой роли он распространил и на позднесоветскую эпоху. В сво-

ем собственном интеллектуальном и диссидентском окружении он обнаружил чрезмерное внимание к проблемам, касающимся меньшинств, таким, как право на эмиграцию, и больше озабоченности «участью крымских татар, чем украинцев, а украинцев — больше, чем русских».

Написанное Шафаревичем заслуживает серьезного внимания как исключительно последовательное изложение национал-консервативной идеологии. <...> Он идентифицировал культурную пропасть, отделявшую основателей и руководителей большевистского государства от их подданных; но пропасть эта возникла не при коммунистах, она была константой русского национального сознания по меньшей мере со времен Петра Великого. <...> Гордыня собственной избранности, руководившая Лениным и его соратниками и ставшая характерной чертой правления коммунистической партии, допускала цензуру, ложь, запугивание, манипуляцию сознанием в качестве пригодных и необходимых средств трансформации «отсталого» населения в строителей современного и рационального общества.

<...> Если наблюдения Шафаревича о культурной чуждости элиты для большинства населения были весьма точными, то его попытка перевести стрелку с особенностей исторической самооценки, свойственных русскому национальному сознанию, на некий направляемый извне заговор ослабляет убедительность его построений <...> заводит его в тупик этнической нетерпимости»¹¹⁴.

В 1991 году Шафаревич принял участие в первом съезде националистического Союза русского народа, руководимого Сергеем Бабуриным. В следующем году он присоединился к оргкомитету Фронта национального спасения. Он участвовал в думских выборах 1993 года в списке партии Михаила Астафьева «Конституционные демократы», но партии не удалось набрать 5%, необходимые для представительства в Думе.

3 июня 2003 года Игорь Шафаревич отметил свое восьмидесятилетие.

Александр Вольпин, после эмиграции в 1972 году в США, вернулся к профессиональному изучению модальной логики и оснований математики. Он живет неподалеку от Бостона, часто приезжает в Москву. Том избранных произведений Вольпина в области философии, логики, поэзии и прав человека вышел в издательстве РГГУ в 1999 году под редакцией Александра Даниэля, Сергея Лукашевского и В. К. Финна.

Александр Солженицын после высылки из России в феврале 1974 года осел в Кавендише, штат Вермонт, где сосредоточился на работе над циклом исторических романов «Красное колесо» — о России в годы, предшествующие Великой Октябрьской революции.

В 1990 году Солженицын написал эссе «Как нам обустроить Россию». В марте 1994 года, за два месяца до возвращения в Россию, он написал статью «Русский вопрос в конце двадцатого века». В 1998 году вышла книга «Россия в обвале», в 2001 году первый том (охватывающий период с 1795 по 1916 год) исто-

рии русско-еврейских отношений под названием «Двести лет вместе». В 2002 году вышел второй том (период с 1917 по 1995 год).

Солженицын и его жена Наталья Светлова живут в особняке, построенном на специально предоставленном участке в живописной местности на окраине Москвы. Когда президент Ельцин хотел наградить его в связи с восьмидесятилетием орденом святого Андрея Первозванного, Солженицын от этой чести отказался: «В современных условиях, когда люди вынуждены голодать и бастуют, чтобы получить причитающуюся им зарплату, я не могу принять эту награду»¹¹⁵.

Приложение

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР

Трудный путь диссидентов к созданию общественной организации описан в книге Андрея Амальрика «Записки революционера»:

«В начале июля 1968 года Виктор Красин, Петр Григоренко, Лариса Богораз, Анатолий Марченко, Павел Литвинов, Петр Якир и я поехали на дачу к Алексею Костерину, чтобы обсудить этот вопрос.

*На нашей встрече я предложил создать Комитет в защиту Советской Конституции, потому что в этом лицемерном документе были статьи о свободе слова, собраний, демонстраций и т.д. Поэтому Конституция могла послужить юридическим заслоном для Комитета. ... Перед нами встала проблема разработки и объявления некоторой программы. Последовали длительные споры, которые ни к чему не привели; трудно было пре-
возмогнуть страх, который внушал советский режим своим гражданам по поводу слова «организация». ...*

Бориса Цукермана пригласили на дискуссию, чтобы он объяснил правовые аспекты создания Комитета. (Цукерман был, наряду с Есениным-Вольпиным и Чалидзе, одним из главных экспертов по законодательству в демократическом движении.) Но чем больше он говорил, тем меньше было понятно. Тихий и упрямый человек, говоривший медленно и скучно, Цукерман написал и отправил множество коротких протестов против деятельности различных государственных организаций. Когда власти начали практиковать высылку диссидентов за рубеж, первых выслали Чалидзе, Вольпина и Цукермана — лучшая похвала их работе.

Я предложил объявить о создании советского Демократического движения, вкратце изложить основные идеи и методы Движения и сообщить, что каждый, кому они близки, может считать себя членом Движения. Мне казалось, что если такую декларацию отправить на радиоголоса и распространить в виде листовок, то многие люди, чувствовавшие себя одинокими, соотнесутся с Движением и создадут для него широкую базу. Красин довольно уклончиво сказал, что об этом надо подумать. Но остальные отреагировали отрицательно, особенно Григоренко. Моя программа напоминала устав политической партии: в тексте ставились идеологические задачи, а большинство хотело оставаться «движением за права человека». Но упор на защиту тех, кто был в тюрьме за то, что защищал права попавших в тюрьму до них, сделал Движение герметичным и отделил его от интересов большей части общества»¹¹⁶.

В мае 1969 года Амальрик, чтобы избежать ареста, уехал на дачу. Таким образом, ему пришлось пропустить появление на свет Инициативной группы в защиту прав человека в СССР.

После ареста 7 мая в Ташкенте Григоренко его друзья продолжили поиски консенсуса. Они сошлись на том, чтобы составить отчет о политических репрессиях и других нарушениях прав человека в Советском Союзе и направить его ООН за личными подписями. 20 мая 1969 года Ковалев, Великанова, Лавут, Якобсон, Подъяпольский, Ходорович, Горбаневская, Левитин и Мальцев встретились у Якира, чтобы обсудить отчет. Через некоторое время пришли Якир с Красиным и предложили активистам текст. Вскоре стало ясно, что Якир, не посоветовавшись с другими, уже передал текст иностранной прессе и представителю ООН. Этот документ был подписан «Инициативная группа в защиту прав человека в СССР», в группе насчитывалось пятнадцать человек. Тринадцать человек неожиданно для себя стали членами новой общественной организации.

Поступок Якира и Красина вызвал гнев остальных, понимающих последствия этого шага: в течение нескольких дней заявление появится во всех газетах мира, а в СССР его будут использовать как повод для арестов. Была быстро принята резолюция по уставу Инициативной группы. Каждому члену предоставлялось право решать, подписывать ли тот или иной документ. Заявления будут выпускаться от имени Ини-

циативной группы, но выражать взгляды только тех, кто подписался индивидуально¹¹⁷.

Первым общественным актом Инициативной группы было вышеуказанное обращение от 20 мая:

«Мы, подписавшие это письмо, глубоко возмущенные непрекращающимися политическими преследованиями в Советском Союзе, усматривая в этом возвращение к сталинским временам, когда вся наша страна находилась в тисках террора, обращаемся в Комитет прав человека ООН с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права.

Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направляемые в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истоцилась»¹¹⁸.

В обращении указывались несколько человек — Синявский, Даниэль, Гинзбург, Галансков, Буковский, Литвинов, Марченко, Черновыл и другие, арест и осуждение которых противоречили 19-й статье Всеобщей Декларации прав человека, согласно которой «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Экономист Виктор Красин был, по всей видимости, главной движущей силой при организации Инициативной группы. Харизматичный Петр Якир, друг Красина, сын популярного генерала Ионы Якира, расстрелянного в 1937 году, провел юность в лагерях как сын «врага народа». Корреспондент лондонской «Таймс» Дэвид Бонавия писал, что Якир (Бонавия называет его «Павлом», чтобы скрыть, о ком идет речь) «считался и КГБ, и многими советскими диссидентами вождем демократического движения. На фоне советского общества Якир выделяется открытостью и непререкаемой силой личности. Он хочет дать людям свободу от неосталинизма явочным порядком. В то время как советский строй стремится заставить людей закрываться даже от близких, Якир призывает их верить друг другу, выражать свои мысли открыто и делать то, что они считают нужным. ... КГБ считает Якира руководителем движения потому, что он одним из первых наладил контакт с западными корреспондентами в конце 1960-х и помог им представить себе уровень репрессивной политики властей не только в Москве, но на территории от Восточной Сибири до государств Балтики»¹¹⁹.

В первый год существования Инициативная группа выпустила обращения в защиту Анатолия Марченко, Ивана Якимовича, Владимира Борисова, Генриха Альтуняна, Анатолия Левитина-Краснова, Мустафы Джемилева, Юрия Мальцева, Владимира Гершуни, Натальи Горбаневской, Ольги Иоффе, Вячеслава Бахмина, Валерии Новодворской и других.

В честь первой годовщины со дня создания Инициативной группы восемь оставшихся на свободе членов написали открытое письмо пресс-агентствам «Новости» и Reuters, в котором объясняли цели и действия группы:

«Цель группы указана в самом наименовании: защита прав человека в СССР.

Назвавшись Инициативной группой, мы имели в виду еще и другое: явочным порядком утвердить наше право на свободную ассоциацию. ...

У Инициативной группы нет ни программы, ни устава, ни какой-либо организационной структуры. Мы не связаны никакими формальными обязательствами. Каждый из нас может не участвовать в составлении любого документа, исходящего от Инициативной группы, и не подписывать его. Каждый волен действовать, как ему угодно, когда он выступает от собственного имени. ...

Инициативная группа состоит из людей, связанных некоторой общностью взглядов. Всех нас — верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов — объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране, убеждение в том, что в основе нормальной жизни общества лежит признание безусловной ценности человеческой личности. Отсюда вытекает наше стремление защищать права человека. Социальный прогресс мы понимаем прежде всего как прогресс свободы.

Нас объединяет также намерение действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам.

... Сама Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов. У нас нет своей политики, но мы не желаем мириться с карательной политикой против инакомыслящих...

Инициативная группа не считает, что, критикуя действия властей, она выступает против государства...

Есть люди, которые, отрицательно относясь к происходящим в стране беззакониям, осуждают тех, кто открыто выступает против этих беззаконий, полагая, что протесты вызывают ожесточение властей и ведут к усилению репрессий. ...

На самом деле благоприятную обстановку для репрессий создает непротивление, та унижительная покорность, которой мы внутренне санкционируем попрание наших прав. Немота поощряет зло и развращает людей, порождая лицемерие и цинизм. Обществу нужна гласность. Гласность препятствует тенденциям экстремизма и насилия как сверху, так и снизу.

У нас принято упрекать тех, кто обращается за рубежом: это, мол, подрывает престиж отечества. ... К несчастью, нет другого способа предать гласности правонарушения, происходящие в СССР, как только сообщив о них за границу. Оттуда информация — пусть небольшая — доходит и до части советских граждан. Кроме того, не исключено, что наше руководство —

хоть иногда, хоть в чем-то — может посчитаться с зарубежным общественным мнением...

Мы пятикратно обращались в Комиссию по правам человека ООН. Комиссия до сих пор не прореагировала на наши заявления. Возможно, на это есть причины, не известные нам. В этом письме мы хотели показать, почему в любом случае мы не считаем наши обращения напрасными»¹²⁰.

На протяжении нескольких лет Инициативная группа продолжала периодически выпускать обращения в защиту инакомыслящих, преследуемых властями, а также по более общим вопросам содержания диссидентов в психиатрических клиниках и условий в лагерях для политзаключенных. Количество таких заявлений существенно уменьшилось с арестом Якира в июне 1972 года, Красина в сентябре того же года и Ковалева в декабре 1974 года.

Члены Инициативной группы были редакторами ведущего самиздатского журнала «Хроника текущих событий». Некоторые из пятнадцати основателей продолжили играть активную роль в защите прав человека вплоть до распада Советского Союза и даже после. К сожалению, работа Инициативной группы недостаточно освещена в работах по истории правозащитного движения, возможно, это объясняется тем, что во время допроса в Лефортово и на специально организованной властями после суда пресс-конференции по телевидению 5 сентября 1973 года Якир и Красин покаялись и дали показания против других диссидентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы Комитета прав человека. Proceedings of the Moscow Human Rights Committee (November, 1970 – December, 1971).

² Сахаров Андрей. Воспоминания. В 2 тт. Том 1. М.: Права человека, 1998. С. 433.

³ Newsweek, November 19, 1970.

⁴ Abraham Rothberg. The Heirs of Stalin. Cornell University Press, 1972. P. 342.

⁵ The New York Times Magazine (March 4, 1973).

⁶ Взято из рецензии в моем архиве. Автор неизвестен.

⁷ Первое издание на английском языке: Medvedev R. Let History Judge. Alfred Knopf, 1971.

⁸ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-версо, 1991. С. 11–47.

⁹ Воспоминания. Т. 1. С. 413

¹⁰ Там же. С. 428.

¹¹ Там же. С. 430.

¹² Там же. С. 441–442

¹³ Там же. С. 444.

¹⁴ Bonavia David. Fat Sasha and the Urban Guerilla. Atheneum, 1973. P. 13.

¹⁵ Документы... С. 19–20.

¹⁶ Там же. С.44.

¹⁷ Взято из рецензии в моем архиве. Автор неизвестен.

¹⁸ Мнение Комитета прав человека по основным аспектам проблемы прав человека в Советском Союзе. По докладу В. Н. Чалидзе // Документы. С. 49.

¹⁹ Пюзель подписала письмо своей девичьей фамилией – Макудинова.

²⁰ Документы... С. 52.

- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 752.
- ²³ Документы... С. 67.
- ²⁴ Чалидзе В. Н. Записка о правовом статусе Комитета прав человека // Чалидзе В. Н. Права человека и Советский Союз. Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1974. С. 200.
- ²⁵ Есенин-Вольпин А.С. Избранное. М.: РГГУ, 1999. С. 339.
- ²⁶ Там же. С.354.
- ²⁷ Там же. С.345.
- ²⁸ Ludmilla Alexeyeva and Paul Goldberg. The Thaw Generation. Little, Brown, 1990. P. 254–257.
- ²⁹ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 457.
- ³⁰ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 461–462.
- ³¹ The New York Times *Op Ed*, December 9, 1972.
- ³² Документы... С. 222–223.
- ³³ Там же. С. 232а
- ³⁴ Документы... С. 236–237.
- ³⁵ О психиатрических репрессиях // Сахаров А. Д. Pro et Contra. М.: ПИК, 1991. С. 68–69.
- ³⁶ Хроника защиты прав человека в СССР. № 4. С. 39.
- ³⁷ Сахаров А. Д. Памятная записка и Послесловие к ней // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 59.
- ³⁸ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1 С. 454–455.
- ³⁹ Из личного архива автора.
- ⁴⁰ Документ из личного архива автора.
- ⁴¹ Заявление. В ночь на 30 марта 1971 года //Чалидзе В. Н. Права человека... С. 252–253.
- ⁴² Сахаров А. Д. Открытое письмо министру внутренних дел Н. А. Щелокову. Архив Сахарова. Ед. хр. 17 АРС 765.
- ⁴³ Цит. по: Бурцев В. Под фальшивой личиной // Чалидзе В. Н. Права человека... С. 278–279.
- ⁴⁴ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 455.
- ⁴⁵ William Korey. The Soviet Cage: Anti-Semitism in Russia. Viking Press, 1973. P. 227–278.
- ⁴⁶ Сахаров А. Д. Узаконить право на выезд. Открытое обращение к членам Президиума Верховного Совета СССР. Посев, октябрь, 1971. С. 5.
- ⁴⁷ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 510–512.
- ⁴⁸ Справка № 5/1-12931. Архив Сахарова. Документ №28 из коллекции Архива Президента РФ (ПА).

⁴⁹ Four Brave Men and Human Rights in Russia // The New York Times, November 20.

⁵⁰ Текст петиции см.: Чалидзе В. Указ. соч.

⁵¹ Чалидзе В. Н. В Верховный Суд УССР по делу Рейзы Палатник // Чалидзе В. Н. Права человека... С. 203.

⁵² Обращение Сахарова было напечатано в New York Times 21 января. По-русски см.: Архив Сахарова. Ед. хр. 6, APC 1032.

⁵³ Хроника прав человека в СССР. Выпуск 5-6. Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1974. С. 51.

⁵⁴ Там же. С. 52–53.

⁵⁵ Там же. С. 54.

⁵⁶ Опубликован в сокращенном виде в кн.: Leon Lipson and Valery Chalidze, eds. Papers on Soviet Law, number 1. The Institute on Socialist Law, New York, 1977. P. 52–107.

⁵⁷ Доклад Твердохлебова и приведенные ниже указы см.: Андрей Твердохлебов в защиту прав человека. Сб. Сост. В. Чалидзе. Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1975. С. 47–77.

⁵⁸ «Предисловие» Ирвинга Горовица к кн.: Alexander Voronel and Victor Yakhot, editors. Jewishness Rediscovered: Jewish Identity in the Soviet Union. Academic Committee on Soviet Jewry, 1974. P. 6.

⁵⁹ Меморандум из архивов Международной Лиги в защиту прав человека.

⁶⁰ Документы Московского Комитета прав человека, с. 243–244.

⁶¹ Fat Sasha and the Urban Guerilla. P. 23.

⁶² Ibid. P. 185.

⁶³ Susan Jacoby. Moscow Conversations. Coward, McCann and Geoghegan, 1972. P. 16, 20-25.

⁶⁴ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 540.

⁶⁵ Хроника текущих событий, №27.

⁶⁶ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 647.

⁶⁷ См.: Хроника текущих событий, №27.

⁶⁸ Чалидзе В. Права человека... С. 191–195.

⁶⁹ Цит. по отчету Андропова ЦК от 1 марта 1973 года.

⁷⁰ Сахаров А. Д. О стране и о мире // Тревога и надежда. С. 110

⁷¹ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 516–517.

⁷² Тексты обоих обращений были опубликованы в кн. Sakharov Speaks. P. 239–240.

⁷³ Сахаров Андрей. Воспоминания. С. 530.

⁷⁴ Там же. С. 533.

⁷⁵ Newsweek, 13 ноября 1972. Более полная версия: Observer, 3 декабря.

⁷⁶ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 544.

⁷⁷ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 337–339.

⁷⁸ Хроника прав человека в СССР, №1, с.42.

⁷⁹ Там же. С. 50–55.

⁸⁰ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 541.

⁸¹ Хроника защиты прав человека в СССР. Вып. 1. С. 44–46.

⁸² Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР. Доклад Комитету прав человека. Париж: YMCA-Press, 1973. С. 66–72.

⁸³ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 541–542.

⁸⁴ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 2. С. 450 – 456.

⁸⁵ Сахаров А. Д. Pro et Contra. С. 79–85.

⁸⁶ Там же. С. 88–94.

⁸⁷ Солженицын А. И. Из интервью агентству «Ассошиэйтед пресс» и газете «Монд». Москва, 23 августа 1973. // Солженицын А.И. Публицистика. В 3 тт. Том 2. Общественные заявления, письма, интервью. С. 49–51.

⁸⁸ Письмо академиков и другие письма кампании см.: Сахаров Андрей. Воспоминания. Т.2. С. 457–468.

⁸⁹ Письмо Турчина и отрывки из статьи Л. Чуковской «Гнев народа» см.: Хроника прав человека в СССР. Вып. 4. С. 43–44.

⁹⁰ Nora Levin. The Jews in the Soviet Union since 1917. I.B. Tauris, 1990. P. 691.

⁹¹ Хроника защиты прав человека в СССР. Вып. 4. С. 21–22.

⁹² «Письмо Конгрессу США» см.: Сахаров Андрей. Pro et Contra. С. 193–209.

⁹³ Michael Scammell, ed. The Solzhenitsyn Files, Цит. изд., 1995. P. 256–257. Документ цитируется в обратном переводе с английского.

⁹⁴ Хроника защиты прав в СССР. Вып. 4. С. 50.

⁹⁵ Интервью ливанскому корреспонденту // Сахаров Андрей. Pro et Contra. С. 236–237.

⁹⁶ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 563.

⁹⁷ Edward Kuznetsov. Prison Diaries. Stein and Day, 1973.

⁹⁸ Хроника защиты прав в СССР. Вып. 4. С. 17.

⁹⁹ Там же. С. 41.

¹⁰⁰ Там же. С. 41–42.

¹⁰¹ Kennan George. *Between Earth and Hell*. The New York Review of Books, March 21, 1974.

¹⁰² Хроника защиты прав в СССР. Вып. 7. С. 6–7.

¹⁰³ Там же. С. 12–13.

¹⁰⁴ Сахаров А. Д. Интервью, данное газете «Санди таймс», о высылке А. И. Солженицына и о «Московском обращении» // Архив Сахарова. АС №1593.

¹⁰⁵ Московская Хельсинкская группа возродилась в 1989 году с Ларисой Богораз и Львом Тимофеевым в качестве сопредседателей. В настоящее время председателем является Людмила Алексеева.

¹⁰⁶ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 1. С. 667–668.

¹⁰⁷ Сахаров Андрей. Воспоминания. Т. 2. С. 312.

¹⁰⁸ Sakharov Andrei. *Moscow and Beyond*. Alfred Knopf, 1992. P. xi-xii.

¹⁰⁹ Ibid. P. xiii-xiv.

¹¹⁰ Сахаров А. Д. Последнее выступление // Тревога и надежда. С. 277.

¹¹¹ Time, December 20, 1999, p. 29.

¹¹² Цитаты из книг И. Р. Шафаревича даются по интернет-публикации на сайте <http://shafarevich.voskres.ru>.

¹¹³ Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории // <http://shafarevich.voskres.ru>.

¹¹⁴ Peter Reddaway and Dmitri Glinski. *The Tragedy of Russia's Reforms*. U. S. Institute of Peace, 2001. P. 106–107.

¹¹⁵ Joseph Pearce. *Solzhenitsyn: A Soul in Exile*. Baker Books, 2001. P. xii.

¹¹⁶ Andrei Amalric. *Notes of a Revolutionary*. Alfred Knopf, 1982. P. 49–50, 72–73.

¹¹⁷ Emma Gilligan. *Sergei Kovalyov and the Defense of Human Rights in Russia*, unpublished Ph.D. thesis, 2001. P. 29–30.

¹¹⁸ Инициативная группа по защите прав человека в СССР. Сборник документов. Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1976. С. 5.

¹¹⁹ David Bonavia. *Fat Sasha and the Urban Guerilla*. Atheneum, 1973. P. 25–26, 28.

¹²⁰ Инициативная группа. С. 20–25. Павел Литвинов сообщил мне, что в 22-м и 23-м номерах рязанского журнала «Карта» за 1999 год опубликована большая статья Леонарда Терновского об Инициативной группе, с подробными биографиями участников.

Об авторе

Эдвард Клайн (родился в 1932 г. в Нью-Йорке) с 1957 по 1985 год занимал пост президента компании «Клайн Бразерс» (сеть магазинов). В 60-е годы Э. Клайн начал интересоваться жизнью в Советском Союзе. В 1968 г. совместно с Максом Хэйуордом (1917–1978 гг.) основал некоммерческое «Издательство имени Чехова», публиковавшее на русском языке книги, запрещенные цензурой в СССР. В 1972 г. Э. Клайн совместно с Валерием Чалидзе основал некоммерческое издательство «Хроника-пресс», которое выпустило на русском языке книги Андрея Сахарова, Владимира Буковского, Анатолия Марченко и других советских инакомыслящих. Кроме того, «Хроника-пресс» выпускала самиздатский бюллетень «Хроника текущих событий» (номера с 28-го по 64-й).

Э. Клайн был сопредседателем русско-американского проекта «Права человека», предложенного в 1988 г. Андреем Сахаровым. В настоящее время Э. Клайн занимает пост президента Фонда Сахарова (США) и в течение многих лет помогает многим российским правозащитникам.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	30
Глава 5	46
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	102
Глава 11	112
Глава 12	121
Глава 13	129
Глава 14	148
Глава 15	156
Глава 16	188
Глава 17	194
Эпилог	199
Приложение	215
Примечание	223
Об авторе	228

ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
ИМЕНИ АНДРЕЯ САХАРОВА

СЕРИЯ
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

Выпуск 1

Абдуллахи Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право) /

Ответственный редактор-составитель – доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Д.Е. Фурман

М.: Политинформ-Талбури, 1999, 283 с.

Выпуск 2

Аллен Бьюкенен. Сецессия (право на отделение, территориальная целостность государств и права человека) / Ответственный редактор-составитель – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН Д.Е. Фурман

М.: Рудомино, 2001

Выпуск 3

Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Редактор-составитель – доктор экономических наук, профессор

Р.В. Рывкин

М.: Рефердум, 2003

**ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
ИМЕНИ АНДРЕЯ САХАРОВА**

**СЕРИЯ
«СТРАНЫ БЫВШЕГО СССР И РОССИЯ.
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА»**

Ответственный редактор-составитель – доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН
Д.Е. Фурман

Выпуск 1

Украина и Россия: общества и государства: Сб. статей
М.: Права человека, 1997, 384 с.

Выпуск 2

Белоруссия и Россия: общества и государства: Сб. статей
М.: Права человека, 1998, 432 с.

Выпуск 3

Чечня и Россия: общества и государства: Сб. статей
М.: Полиформ-Талбури, 1999, 432 с.

**Выпуски серий представлены на сайте Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова www.sakharov-center**

Клайн Эдвард
Московский Комитет прав человека.

Редактор *И.Н. Зайцев*
Художник *А.Е. Смирнов*
Корректор *М.М. Крючкова*
Компьютерная верстка *Ю.Ю. Таранова*

ИЛ №02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 10.08.2004.
Формат 70X100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 972

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Zubovskiy bulvar, 17

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6

Замеченные опечатки

На страницах: 25, 27, 38, 74, 84, 121, 124, 125, 131, 153, 154, 184, 185, 186, 187, 190, 208 фамилию Боннер следует читать как Боннэр .

